

В. Н. ЖУКОВИЧ

СЛУГА ТРЕХ ГОСПОД

Воспоминания о войне

Василий Николаевич Жукович родился в 1936 году в крестьянской семье в Брестской области, которая с первых дней Великой Отечественной войны и до июля 1944 года была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками. За три долгих года оккупации ему пришлось испытать все ужасы войны: не раз смотреть в глаза смерти, перенести тяжелое ранение и своими детскими глазами видеть злодеяния фашистов, которые самыми изуверскими способами уничтожали ни в чем не повинных мирных людей.

По окончании семи классов Василий Жукович начал самостоятельную трудовую деятельность. Работал в колхозе на Украине, на лесоповале в Карелии, осваивал ценные земли в Казахстане. В 1955 году был призван в ряды Советской армии и направлен в Молотовскую (в 1957 году переименованную в Пермскую) область, где прослужил пять лет. После демобилизации из армии поступил на службу в органы МВД в городе Перми. За время службы в органах окончил одиннадцать классов вечерней школы и заочное отделение свердловского ПТУ. Награжден девятью правительственными наградами.

Прослужив на различных должностях младшего, среднего и старшего начальствующего состава 27 лет, в 1987 году с должности заместителя командира части в звании майора вышел на заслуженный отдых.

Будучи на пенсии, Василий Николаевич не сидит сложа руки, а активно занимается патриотическим воспитанием подрастающего поколения: проводит беседы с учащимися средних и старших классов школ города Перми о Великой Отечественной войне, о службе в армии и работе в органах МВД, публикует воспоминания о войне в местной периодической печати. В 2010 году к 65-летию Великой Победы написал и издал книгу «Нераскрытые страницы Великой Отечественной», в которой с максимальной точностью описал события, которые происходили на временно оккупированной немцами территории Советского Союза.

Новая книга В.Н. Жуковича «Слуга трех господ» приурочена к 70-летию Великой Победы и посвящена таким людям, как главный герой Деменев Герасим Владимирович, которые всю свою жизнь верой и правдой служили своему Отечеству и, не щадя своей жизни, защищали его от внешних и внутренних врагов.

12+

В. Н. Жукович

СЛУГА ТРЕХ ГОСПОД

Воспоминания о войне

Пермь
2015

Жукович В.Н.

Ж 863 Слуга трех господ : Воспоминания о войне / В.Н. Жукович.
– Пермь, 2015. – 310 с.

Книга написана по воспоминаниям полковника царской, впоследствии советской армии, потомственного донского казака Герасима Владимировича Деменева (фамилия изменена), посвятившего свою жизнь служению и защите Отечества. В судьбе этого русского офицера отразилась история России начала и середины XX века. Главный герой сражался на полях Русско-японской войны 1904–1905 годов, Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, был награжден многими орденами и медалями царской России и советского правительства. Но, несмотря на заслуги, Г.В. Деменев не избежал участи многих граждан России советского периода. За то, что в начале Великой Отечественной войны он воевал под командованием генерал-лейтенанта А.А. Власова (при этом героически вывел из вражеского окружения вверенную ему группу солдат, был ранен), полковник Г.В. Деменев был разжалован в рядовые, лишен всех правительственных наград, осужден и приговорен к 10 годам лишения свободы по нескольким статьям (в том числе за то, что «не разглядел в генерале Власове “врага народа”»). Репрессиям подверглась и вся семья главного героя – жена и трое детей. Отбыв полный срок незаслуженного наказания в КарЛаге, Г.В. Деменев умер в сентябре 1955 года, не дожив трех дней до амнистии.

Книга адресована всем, кто интересуется историей России XX века.

ББК 63

На лицевой стороне обложки – фотографии из периодической печати советского периода. На обороте лицевой стороны обложки – фотография В.Н. Жуковича из домашнего архива. И использованные в тексте книги фотографии взяты из интернет-источников:

П.Н. Краснов: <http://rus-mon.narod.ru/bio/krasnov.jpg>

С.М. Буденный: http://www.telenir.net/istorija/zhukov_protiv_galdera_shvatka_voennyh_geniev/i_005.jpg

А.А. Власов: <http://actualhistory.ru/app/var/pub/files/131/vlasov%20%281%29.jpg>

**Автор выражает благодарность педагогам и учащимся
старших классов школы № 109 города Перми, руководству 5-го
отряда МЧС России по Пермскому краю за оказание технической
помощи в подготовке издания книги «Слуга трех господ»,
а также спонсорам, профинансировавшим издание книги.
Весь тираж книги безвозмездно передан автором
в муниципальные и школьные библиотеки Пермского края.**

***Посвящается
70-летию Победы
советского народа
в Великой Отечественной
войне (1941-1945)***

Предисловие*

Для россиян, посвятивших всю свою жизнь служению Отечеству и его защите, до Великой Октябрьской социалистической революции (1917) был только один – внешний враг, с которым все сражались, не щадя своей жизни. Но после революции, когда российское общество раскололось на два основных враждебных лагеря, у каждого из них появился еще и внутренний враг. А кто он – каждый понимал по-своему. Для одних это были белые, защищавшие власть буржуазии, для других – красные, которые защищали советскую власть, выражавшую интересы рабочих и крестьян. В результате этого противостояния в России началась Гражданская братоубийственная война, в которой белые потерпели поражение и эмигрировали за границу, где большинство из них тихомирно дожили до старости и умерли своей смертью.

Но не все белоэмигранты смирились с тем, что в России победили большевики. Многие из них так же, как генерал П.Н. Краснов, живя за границей, ждали удобного момента, чтобы уничтожить в России советскую власть. И когда в 1941 году такой момент наступил – началась Великая Отечественная война, то они вместе с немцами с оружием в руках выступили против Советского Союза. Но и на этот раз потерпели поражение, попали в плен к советским и союзническим войскам, были заслуженно осуждены и отправлены в советские исправительно-трудовые лагеря, а некоторые и на виселицу.

Но не только белоэмигранты в период Великой Отечественной войны вместе с немцами воевали против СССР. Некоторые советские граждане, воспитанные уже советской властью, служа в Красной армии, честно и добросовестно защищали свою страну от внешних и внутренних врагов. Но, оказавшись, кто случайно,

* В издании сохранен авторский стиль.

а кто, как генерал А.А. Власов, преднамеренно, в плену у немцев и не выдержав сурового испытания в концлагерях, пошли на службу к немцам и вместе с ними на оккупированных фашистами территориях уничтожали мирное население, воевали с партизанами и даже с Красной армией. А когда эти предатели попали в плен к советским и союзническим войскам, то так же, как и белоэмигранты, были осуждены на различные сроки и понесли заслуженное наказание в виде лишения свободы и даже смертной казни.

Но была еще одна категория защитников Отечества, таких как полковник Г.В. Деменев, которые всегда честно и добросовестно выполняли свой воинский долг перед Родиной, но волей судьбы оказались в окружении немецких войск и после выхода из него были незаслуженно осуждены на различные сроки наказания и отправлены в ГУЛАГ. В результате была сломана не только их жизнь, но и жизнь их родственников. Вот таким людям и посвящается моя книга.

За основу событий, описанных в этой книге, взят рассказ потомственного донского казака Герасима Владимировича Деменева (фамилия изменена), полковника царской и советской армий, неоднократно проливавшего свою кровь на полях сражений Русско-японской (1904–1905 гг.), Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, который за ратные подвиги при защите своего Отечества награжден многими высокими правительственными наградами Российской империи и Советского Союза.

С 1903 по 1914 годы Деменеву довелось служить на Дальнем Востоке и участвовать в Русско-японской войне в 1904–1905 гг. вместе с отважным казаком срочной службы, а затем сверхсрочником старшим унтер-офицером Семеном Михайловичем Буденным. Когда в 1914 году началась Первая мировая война, Деменева и Буденного, в составе Кавказской кавалерийской дивизии, направили на Западный фронт. В ноябре 1914 года эту дивизию перебросили на Кавказский фронт воевать с турками.

В августе 1915 года в бою под городом Ван Деменева тяжело ранило, и его отправили в бакинский военный госпиталь. И с тех пор пути Деменева и Буденного разошлись на два с половиной года.

После госпиталя Деменева направили на Юго-Западный фронт, где ему довелось в течение 1915–1917 годов воевать с немцами и австро-венграми под командованием незаурядного командира дивизии, а затем командира корпуса генерала Петра Николаевича Краснова, который неоднократно сам лично водил свои дивизии по тылам вражеских войск, нагоняя страх на их солдат и сея панику в стане врага. Такие рейды способствовали сдерживанию наступательного порыва немцев и австро-венгров и заставляли их переходить к обороне, что давало возможность русскому командованию перегруппировать свои силы и тщательнее подготовиться к отражению неприятельских атак, а также к организации своих войск к наступлению. И скорее всего русской армии удалось бы разгромить германские и австро-венгерские войска и победно закончить империалистическую войну. Но в России в феврале 1917 года свершилась буржуазно-демократическая революция, в ходе которой царь Николай II отрекся от престола. Вместо царя к власти пришло Временное правительство во главе сначала с князем Львовым, а затем с А.Ф. Керенским, которое было полно решимости продолжать войну с германцами до победного конца, однако принятый им закон «О правах солдат» привел к неподчинению солдат офицерам и массовому их дезертирству с фронта. А после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, в ходе которой Временное правительство было низвергнуто, к власти пришли большевики, провозгласившие лозунг «ни мира, ни войны» и открыто призывавшие солдат и казаков бросать оружие и расходиться по домам, и многие солдаты и казаки так и поступали, в результате чего российская армия окончательно развалилась и фронт держать стало некому. Воспользовавшись этим, германские войска перешли в наступление и почти беспрепятственно захватили значительную часть территории Белоруссии и Украины.

Генерал Краснов, как и многие офицеры царской армии, не принял большевистские лозунги и не признал советскую власть. Ему удалось сохранить свой корпус, который при поддержке экспедитора Временного правительства и главкомверха Керенского, бежавшего из Петрограда, был пополнен поддерживающими

Временное правительство войсками, развернут в армию и по приказу того же Керенского предпринял наступление на Петроград, чтобы уничтожить там большевистское правительство. Но под Пулковой армия Краснова потерпела поражение и вынуждена была отступить к Гатчине, где попала в окружение большевистских войск и была нейтрализована. Но, несмотря на это, Краснову удалось без кровопролития вывести свою армию из Гатчины и отправить в Великие Луки, чтобы затем переправить ее на Дон к атаману Великого Войска Донского генералу А.М. Каледину. Однако пока в Великих Луках ждали эшелонов, вся армия Краснова самовольно разбежалась по домам. Остались только команда штаба 3-го Конного корпуса и небольшая часть офицеров из других частей. А когда эшелон подали и остатки красновской армии прибыли в Новочеркасск, который уже был занят большевистскими войсками, то на Дон красновцев не пропустили, а предложили им перейти на сторону Красной армии или разойтись по домам. И большинство казаков, в том числе и полковник Деменев, выбрали последнее – переоделись в гражданскую одежду и уехали домой. А генерал Краснов, тоже переодевшись в гражданскую одежду, под другой фамилией уехал на Дон, где после самоубийства генерала Каледина был избран атаманом Великого Войска Донского и создал из казаков, не признавших советскую власть, Донскую казачью армию, которая под командованием бывшего начальника штаба второй Сводной казачьей дивизии С.В. Денисова, ставшего к тому времени генералом, вместе с Добровольческой белой армией под командованием генералов А.И. Деникина, Л.Г. Корнилова и М.В. Алексеева, воевала против Красной армии и на корню уничтожала зарождавшуюся на Дону советскую власть.

Полковник Деменев, вернувшись в феврале 1918 года домой, вступил в красный отряд, который под командованием С.М. Буденного, постепенно преобразовываясь в эскадрон, полк, бригаду, дивизию, корпус, превратился в легендарную Первую конную армию, в составе которой Деменев на различных должностях, начиная от командира взвода и заканчивая командиром дивизии, воевал всю Гражданскую войну.

Когда в России закончилась Гражданская война и были уничтожены основные группировки бандформирований, то в октябре 1923 года Первую конную армию расформировали, а Деменева направили учиться в академию Генерального штаба, по окончании которой он остался там преподавателем.

А в начале 1941 года, когда стало очевидно, что Германия готовится к нападению на Советский Союз, Деменев подал рапорт о переводе его в войска, и его направили в Киевский Особый военный округ на должность заместителя начальника штаба вновь формируемого 4-го механизированного корпуса, которым командовал генерал-майор А.А. Власов. В этой должности Деменев вместе с корпусом и вступил в войну с немецко-фашистскими захватчиками. А когда Власов стал командующим 37-й армией, Деменева назначили на должность заместителя начальника штаба этой армии, в составе которой он и воевал на ЮЗФ.

В сентябре 1941 года четыре армии этого фронта, в том числе и 37-я, под Киевом попали в окружение. И после того как часть войск этих армий с ожесточенными боями вырвалась из Киевского котла, эти армии расформировали, а личный состав и технику передали в другие соединения. Деменева назначили начальником оперативного отдела вновь формируемого штаба ЮЗФ, а Власову присвоили очередное звание генерал-лейтенанта и назначили заместителем командующего ЮЗФ по тылу.

В ноябре 1941 года Власова перевели на должность командующего 20-й армией Западного фронта, а Деменева назначили заместителем начальника штаба вновь формируемой в резерве Ставки ВГК 26-й армии, командующим которой стал генерал-лейтенант Г.Г. Соколов. А когда эта армия была полностью сформирована и в декабре 1941 года прибыла на Волховский фронт, ее переименовали во 2-ю ударную, которая на ВФ воевала до 25 июня 1942 года. За это время сменилось трое ее командующих, последним из которых был генерал-лейтенант А.А. Власов.

В середине марта 1942 года 2-я ударная армия под Любанью попала в кольцо немецких войск, которое получило название «Любаньский мешок», и в течение трех месяцев вела бои в окружении.

За это время небольшой части ее войск удалось вырваться из этого «мешка» и выйти в расположение Волховского фронта. Но основная масса войск этой армии оставалась во вражеском кольце, которое гитлеровцы все больше сжимали. В сложившейся ситуации командование армией должно было приложить максимум усилий для того, чтобы сплотить личный состав армии вокруг ее штаба и направить все силы на прорыв вражеского кольца. Но вместо этого командующий 2-й ударной армией Власов в самый критический момент отдал приказ личному составу армии выходить из окружения мелкими группами, кто, где и как сможет, а сам сначала самоустранился от командования армией, а затем, бросив ее на произвол судьбы, в сопровождении охранной роты штаба армии ушел в неизвестном направлении.

Оставшись без командующего, штаб армии разбил ее личный состав на пять групп, во главе каждой из которых был назначен офицер штаба. После чего была дана команда разойтись всем группам в разные стороны и самостоятельно прорываться через линию фронта. Старшим одной из этих групп, в которой насчитывалось 5890 человек, был назначен полковник Г.В. Деменев. В течение пяти суток деменевская группа по ночам предпринимала попытки прорвать вражеское кольцо окружения, но каждый раз натывалась на интенсивный пулеметно-минометный обстрел или попадала на минное поле и вынуждена была возвращаться обратно в лес. И только на шестые сутки деменевской группе под покровом ночи удалось прорваться через вражеское кольцо и с минимальными потерями (238 человек было убито и пропало без вести, а 283 ранено) выйти в расположение войск Волховского фронта.

В ходе этого прорыва тяжелое ранение получил и Деменев, которому осколком вражеской мины раздробило обе ноги, и солдаты на шинели вынесли его в расположение наших войск, где вместе с другими ранеными поместили во фронтовой госпиталь. На следующий день всех тяжелораненых, в том числе и Деменева, самолетом отправили в Москву и поместили в военный госпиталь, расположенный на Петровско-Разумовском проезде, где Деменеву сделали несколько операций и лечили полгода.

Во время пребывания в госпитале от вновь поступивших туда раненых офицеров Волховского фронта Деменев узнал, что 15 июля 1942 года генерал Власов добровольно сдался в плен немцам, после чего всех старших офицеров 2-й ударной армии отстранили от занимаемых должностей, вывели в резерв командования фронтом, и ими занялся «Смерш». А старших офицеров этой армии, занимавших высшие командные должности, и генералов арестовали и отправили в тюрьмы, и их дальнейшая судьба в то время была никому не известна.

Но Деменев не поверил этим рассказам, решив, что это не что иное, как фронтовые байки. И только когда в госпиталь приехали следователи «Смерша» и стали допрашивать раненых офицеров и генералов, побывавших в Любаньском мешке, в том числе и Деменева, которых к тому времени с чьей-то легкой руки стали называть «власовцами», он понял, что все, о чем рассказывали офицеры, никакие не фронтовые байки, а жуткая правда. А когда Деменев после полугодичного пребывания в госпитале уже смог ходить без костылей, а только с дубинкой, то 31 декабря 1942 года его выписали из госпиталя и вместо того, чтобы отпустить домой поправлять свое здоровье, отправили в Лефортовский следственный изолятор, где следователи «Смерша» почти каждый день в течение месяца допрашивали его. А когда допросы закончились, Деменеву предъявили обвинительное заключение, в котором он обвинялся в нескольких преступлениях: в том, что не разглядел во Власове врага народа; в том, что при выходе из окружения из Любаньского мешка отпустил двух пленных казаков – генерала и полковника, а не привел их в расположение войск ВФ; в том, что в Гражданскую войну не убедил генерала Краснова не воевать против советской власти. Деменев не опровергал предъявленных ему обвинений, кроме первого. В отношении этого обвинения он сказал, что не только он, но и И.В. Сталин тоже не разглядел во Власове врага народа: постоянно продвигал его вверх по служебной лестнице, присваивал ему генеральские звания и награждал высокими правительственными наградами. Но за эти слова Деменева обвинили еще в одном преступлении – в обвинении Сталина в политической близорукости.

Через неделю после предъявления всех обвинений военный трибунал разжаловал Деменева в рядовые, лишил всех советских правительственных наград и приговорил его к десяти годам лишения свободы без права переписки и свиданий, после чего Деменева вместе с большой группой заключенных эшелонам в товарном вагоне отправили в Казахстан в КарЛаг.

Пока Деменев отбывал свой срок незаслуженного наказания в Карагандинском лагере, его жену Марину, проживавшую в Москве, «компетентные органы» попытались заставить подписать отказ от своего мужа Герасима как от «врага народа». Но она не предала своего мужа – не подписала отказ от него, и ее на пять лет отправили в ссылку в Казахстан, в Акмолинскую область, где она, не выдержав сурового физического и морального испытания, на третьем году ссылки умерла и была похоронена на кладбище в деревне Максимовке, где она отбывала ссылку.

Не оставили в покое и детей Деменевых. Младших несовершеннолетних детей, сына Олега и дочь Елену, отправили в разные детские дома. А старшего сына Вадима, добровольно ушедшего на фронт, еще до того, как его отец был осужден, а мать отправлена в ссылку, направили служить в разведывательный батальон. Но когда его отец Герасим Деменев был осужден и объявлен врагом народа, Вадима перевели в пехоту, где он провоевал до конца войны и, оставив свой автограф на Рейхстаге, с одной-единственной медалью «За отвагу», полученной им во время службы в разведбате, вернулся в Советский Союз, где дослужил до окончания срока действительной военной службы.

Когда Вадим Деменев демобилизовался из армии и приехал домой в Москву, то в НКВД ему сказали, что если он хочет остаться в Москве и жить в квартире своих родителей, то должен подписать отказ от своего отца как от врага народа. В противном случае в течение 24 часов он должен будет уехать из Москвы и ближе ста километров к ней никогда не приближаться, при этом квартиру Деменевых отдадут другим людям. И ради сохранения родительской квартиры в надежде на то, что его младшие брат и сестра

после выпуска из детского дома смогут вернуться домой и остаться жить в Москве, Вадим подписал отказ от своего отца.

Когда его младшие брат и сестра достигли совершеннолетия и приехали домой, то с ними поступили так же, как и с Вадимом.

Но проблемы с местом жительства у детей Деменевых оказались не последними. Несмотря на то, что все они среднюю школу окончили с отличием, ни в институт, ни в техникум никого из них не приняли.

А Герасим Деменев, отсидев «от звонка до звонка» десятилетний срок своего незаслуженного наказания, приехал в деревню Максимовку, где отбывала ссылку и умерла его жена Марина, и остался жить в сторожке на Воропаевской заимке, чтобы до конца своей жизни быть рядом с ней и ухаживать за ее могилой.

Умер дед Гера, Герасим Владимирович Деменев, в сентябре 1955 года, не дожив всего трех дней до амнистии. Похоронили его рядом с женой Мариной Николаевной.

Часть первая

Командарм П. Н. Краснов

Глава 1. Дед Гера

Когда в 50-х годах XX века в Советском Союзе началось освоение целинных и залежных земель, в середине февраля 1955 года я, автор этой книги, вместе с такими же юношами и девушками, которых набралось целый железнодорожный состав, уехал в Казахстан осваивать целину. И, несмотря на то, что везли нас в товарных вагонах по 40 человек в каждом, а спали мы вповалку на деревянных двухъярусных, голых, без всякого постельного белья нарах, нахождение у всех было приподнятое – мы ехали выполнять государственную программу по обеспечению нашей великой страны хлебом.

В город Акмолинск наш состав прибыл 3 марта 1955 года, где нас распределили по районам этой области, а затем по колхозам, совхозам и бригадам. Меня в составе группы молодых людей в количестве сорока человек направили в колхоз имени Н. С. Хрущева в деревню Максимовку Акмолинского района, а оттуда ранним утром группу в количестве четырнадцати человек, в том числе и меня, на двух телегах, запряженных по два вола в каждую, отправили на заимку Воропаево, куда мы с большим трудом, толкая телеги вместе с волами, выбившимися из сил, преодолев 40-километровый путь, добрались только к полуночи. На заимке нас встретил по-военному подтянутый, худощавый человек, выше среднего роста, с длинной седой бородой, который представился нам сторожем заимки и пастухом коров, лошадей и волов одновременно. Он также сказал, что фамилия его Деменев, а звать Герасим Владимирович. Но здесь все зовут его дед Гера. Возраст этого человека на первый взгляд определить было невозможно. На вид, если представить его без бороды и учесть его четкие, но неторопливые и не слишком медленные движения, он выглядел лет на пятьдесят, не больше. Но если принять во внимание его седые бороду и волосы, а также глубокие морщины на лице и чуть дребезжащий, похожий на старческий, голос, то можно было предположить, что ему уже перевалило за семьдесят лет.

На заимке Воропаево, как оказалось, не было ни клуба, ни библиотеки, ни других каких-либо мест, где можно было бы более-менее культурно отдохнуть. Даже электричества здесь не было, поэтому вечера коротать приходилось при свете керосиновой лампы или в полной темноте. А идти за сорок километров в деревню Максимовку, где был колхозный клуб, работающий только по воскресным вечерам, было далеко и бессмысленно. Поэтому свободное от работы время, а работали мы в две смены сутки через сутки и без выходных дней, люди коротали, кто как мог. Семейные, коренные жители Максимовки на велосипедах уезжали домой, а одинокие проводили время вместе с нами, приезжими, на заимке. Единственным на заимке местом, где можно было хоть как-то коллективно провести время, была одновременно сторожка и квартира колхозного сторожа, деда Герасима. Помещение сторожки было небольшим – примерно десять квадратных метров. Стены сторожки, как и все здания на заимке Воропаево, были выполнены из саманного кирпича, состоящего из глины, соломы и коровьего кизяка. А потолок, который был одновременно и крышей, состоял из камыша, обмазанного сверху и снизу глиной. В одной стене сторожки был дверной проем, который закрывался дверью, сплетенной из соломы, а в противоположной стене было одно маленькое окошко, застекленное кусками стекла. В помещении сторожки стояли солдатская металлическая кровать с постелью, закрытый со всех сторон металлический кухонный стол, в котором хранились кое-какие продукты деда Герасима, две железные табуретки, на одной из которых стояли цинковое ведро с водой и алюминиевая кружка, а на другой, накрытой куском овечьей шкуры, сидел сам хозяин сторожки.

Вдоль одной из глухих стен стояла небольшая деревянная скамейка с металлическими ножками, на которой едва могли поместиться два человека. На стене, рядом с дверным проемом, была прибита небольшая досочка с гвоздями, на которых висела одежда сторожа. А на стене, у которой стояла кровать, в деревянной рамке под стеклом висел портрет маршала Советского Союза С.М. Буденного. Кроме так называемой мебели в углу сторожки стояла

маленькая кирпичная печка с железной плитой, на которой дед Герасим, используя вместо дров или угля сухие коровьи лепешки, готовил себе пищу. Для освещения сторожки под потолком на проволоке висела керосиновая лампа. На улице у одной из глухих стен сторожки был широкий навес, состоящий из камыша, сверху обмазанного глиной, который опирался на две вертикально установленные металлические трубы. Под этим навесом на высоте пятидесяти сантиметров от земли лежали две металлические трубы, вмурованные одним концом в стенку сторожки, а другие их концы лежали на саманных кирпичах. На этих трубах лежало несколько досок, которые служили деду Герасиму топчаном, на котором он в теплое время года отдыхал на свежем воздухе. Когда к нему приходили люди, он эти доски раздвигал, в результате чего получалось несколько скамеек, на которых могли поместиться около полутора десятка человек. Вот в этой «беседке» мы и располагались, когда приходили к сторожу. А приходили мы к нему почти каждый свободный от работы вечер. Нашему визиту дед Герасим был всегда рад, так как мы скрашивали его одиночество, а возможно, и напоминали ему его детей. И он развлекал нас своими рассказами о войнах, а мы с замиранием сердца, боясь даже пошевелиться, слушали его и возвращались в свое общежитие далеко за полночь.

Все, кто в первый раз приходил в сторожку, спрашивали у Герасима, почему у него на стене висит портрет именно Буденного, а не Ленина, Сталина, Хрущева или кого-нибудь другого из членов Политбюро или правительства? И если у деда Герасима было свободное время, то он подробно и с нескрываемым удовольствием рассказывал, почему он уже около тридцати лет не расстается с портретом Семена Михайловича Буденного. А если у Герасима не было времени, то он просил любопытных приходить к нему в другой раз, потому что «в двух словах об этом рассказать невозможно», говорил он. Поведал Герасим Владимирович эту историю и нам, молодым целинникам.

Глава 2. Друзья-однополчане

Родился Герасим в 1882 году в Платовской станице (ныне Пролетарский район Ростовской области) в многодетной семье донского казака Владимира Викторовича Деменева, состоящей из пяти сыновей и трех дочерей. Герасим был средним по счету ребенком, а из братьев самый младший. Когда Герасим родился, то два его старших брата и одна сестра уже были взрослыми и помогали родителям обрабатывать землю и управляться с домашним хозяйством. Земельный надел у Деменевых был небольшой, но благодаря трудолюбию их семьи жили они хоть и небогато, но и не бедно. В середняках ходили. Всегда успевали вовремя отсеяться и урожай собрать. Было у них две лошади, две коровы, один или два теленка, пара свиней, небольшие стаи кур и гусей. Так что жили Деменевы со своим хлебом, молоком, мясом, салом и яйцами. Овощей и фруктов тоже было достаточно. Была у Деменевых и небольшая плантация винограда, а значит, как и у каждого порядочного казака, у них было и свое вино. Поэтому в семье Деменевых всегда было, что выпить и чем закусить. А что еще нужно для полного счастья семье казака? Все дети Деменевых получили полное начальное образование в церковно-приходской школе по месту жительства. А Герасиму повезло больше всех, ему удалось получить даже среднее образование. Правда, для этого ему пришлось жить у дяди в уездном центре, а домой приезжать только на выходные и праздничные дни и в каникулы. Поэтому помогать родителям по хозяйству он мог только в эти дни. Из-за этого братья и сестры Герасима, особенно старшие, с укором поглядывали на него, а иногда и прямо в глаза говорили, что он в семье «нахлебник». Все работают круглый год, а он только в гости домой приезжает и наравне со всеми пользуется плодами их труда. Да еще и за его обучение в школе родителям приходится платить немалые деньги. Но отец такие разговоры жестко пресекал, объясняя детям, что «пусть хоть один ребенок

в их семье станет образованным человеком и не будет копаться в навозе». После таких разговоров с отцом братья и сестры замолкали, но их косые взгляды на себе Герасим ловил постоянно. Но, несмотря на эти разногласия в семье, Герасим все-таки окончил школу, да к тому же еще и с отличием. А когда пришло время идти служить в армию, Герасим поступил в Новочеркасское военное училище, по окончании которого был направлен в Маньчжурию в 46-й Донской кавалерийский казачий полк на должность командира взвода.

Среди личного состава взвода, которым довелось командовать Деменеву, был бравый и очень веселый казак срочной службы Семен Буденный. Когда в 1904–1905 годах полк участвовал в Русско-японской войне, Буденный был самым храбрым и находчивым казаком не только во взводе и сотне, но и в полку. Уже тогда о его боевых подвигах в полку ходили легенды. На него всегда можно было положиться, зная, что он не подведет и выполнит любое задание. Командование высоко оценило боевые качества казака Семена Буденного и наградило его медалью «За храбрость». Тогда же первую правительственную награду – орден Святой Анны IV степени – получил и командир взвода, хорунжий Герасим Деменев. И, несмотря на то, что должности и звания у Деменева и Буденного были не равнозначны, да к тому же еще Буденный был казак срочной службы, они с ним подружились с первых дней прибытия Деменева в полк, хотя дружба между офицерами и нижними чинами в то время в армии категорически запрещалась и жестко пресекалась, вплоть до разжалования офицеров в рядовые или предания их суду военного трибунала. Но, несмотря на это, младшие офицеры дружили с рядовыми казаками и унтер-офицерами или просто находились с ними в хороших отношениях, потому что без этого, особенно когда подразделение участвует в боевых действиях, было нельзя. Каждый офицер, идущий вместе со своими подчиненными в атаку, должен быть уверен, что они его не подведут, потому что в бою всякое может случиться. Были случаи, правда, редкие, когда особо вредным и без причин придирчивым офицерам в атаке срубали головы свои

же казаки. Пойди разберись потом, кто это сделал: враг или свой. Свидетелей в таких случаях обычно не бывает. А если кто из рядовых и видел, то станет на сторону казака. Сам «мститель» тоже никому об этом не скажет, а «всадник без головы» – тем более.

Много наших солдат, казаков, матросов и офицеров погибло на этой войне. Только на русском военном кладбище в городе Порт-Артуре было захоронено 15 тысяч доблестных русских воинов, отдавших свою жизнь, защищая русскую землю от самураев. Примерно столько же, а возможно, и еще больше наших воинов погибло и похоронено и в других местах Дальнего Востока. Когда Русско-японская война закончилась, то часть казаков отправили домой, а часть, в том числе Деменев и Буденного, перевели в Приморский драгунский полк, где они вместе прослужили до 1914 года. К этому времени Деменев дослужился до есаула и стал командиром эскадрона. А Буденный по окончании действительной военной службы остался в полку сверхсрочником, которого в 1907 году отправили в школу наездников при высшей офицерской кавалерийской школе в Санкт-Петербурге. Год успешной учебы в этой школе и первое место на соревнованиях по верховой езде давали Буденному возможность остаться служить в самой школе. Но до конца доучиться в ней Буденному не дали. Сочтя, что он и так уже хорошо подготовлен, если занимает первые места на соревнованиях, его отозвали обратно в полк, где поручили объезжать неуков. Дослужился Буденный до вахмистра и получил звание старшего унтер-офицера. Но, несмотря на большую разницу в должностях и чинах, дружба между Деменевым и Буденным не прекратилась. А когда летом 1914 года им дали отпуск и они вместе поехали на свою родину в станицу Платовскую, то их дружба еще больше окрепла. В это время родители Буденного тоже жили в станице Платовской, куда они переехали из хутора Козюрин. Днем отпусчники помогали своим родителям управляться с домашним хозяйством, а по вечерам вместе ходили на вечеринки, где собиралась станичная молодежь.

Отпуск пролетел незаметно, и друзья уже стали готовиться в обратную дорогу к месту службы. Но за четыре дня до окончания

отпуска началась Первая мировая война, и обоих отпускников, вместо возвращения к прежнему месту службы на Дальнем Востоке, вместе с мобилизованными из запаса направили в 18-й Северский драгунский полк Кавказской кавалерийской дивизии под командованием генерала Шарпантье, которую направили на Западный фронт. Деменева назначили командиром 5-го эскадрона, а Буденного – командиром драгунского взвода в первый эскадрон, где он воевал с немцами так же храбро, как и в Русско-японскую войну с японцами. Но только теперь уже чудеса храбрости проявлял не только Буденный лично, но и взвод под его командованием.

Однажды при проведении разведки в районе польского местечка Бжезины лихой взвод Буденного захватил в плен целую роту вражеских солдат и офицеров, а также несколько десятков повозок с боеприпасами, обмундированием и продуктами, и доставил все это в свою часть. За этот подвиг все драгуны взвода получили медали «За храбрость», а их командир Семен Буденный – Георгиевский крест IV степени.

Вскоре Кавказскую кавалерийскую дивизию перебросили на Кавказ в район города Тифлиса (ныне Тбилиси), где Буденный чуть не лишился жизни. Защищая интересы драгун, он ударил своего командира сотника П.И. Поливанова, который постоянно по пустякам, а чаще всего без всякой причины, придирался к драгунам и занимался рукоприкладством. И, несмотря на то, что никто из драгун не подтвердил этот факт (все говорили следователю, что сотника ударил норовистый конь), Буденному грозил военно-полевой суд и расстрел. Но, учитывая его честную и безупречную службу, командование полка и дивизии решило под суд Буденного не отдавать, а ограничиться лишением его Георгиевского креста. Перед строем полка с Буденного сорвали награду и на этом дело закрыли. А во избежание повторения конфликтов с сотником Поливановым Буденного перевели в пятый эскадрон тоже на должность командира взвода.

Глава 3. Кавказский фронт

29–30 октября 1914 года турецкий флот в Черном море обстрелял российские порты – Севастополь, Одессу и Новороссийск. А сухопутные войска 3-й турецкой армии, развернувшись на фронте от Черного моря до города Мосул, двинулись в сторону турецко-российской границы, намереваясь нанести главный удар на карском направлении и вспомогательный – на батумском.

Для отражения турецкой агрессии российское правительство открыло 2 ноября 1914 года на Кавказе Кавказский фронт, войскам которого была поставлена задача – вторгнуться на территорию западной Армении, разбить там передовые части турок и создать прочную оборону на приграничных горных рубежах России.

Российские войска на Кавказе занимали фронт протяженностью 720 километров от Черного моря до озера Урмия. Но в связи со сложным рельефом местности они вынуждены были действовать четырьмя изолированными друг от друга группами на разных оперативных направлениях – трапезундском, ольтинском, эрзерумском и эриванском. Каждая группа войск Кавказского фронта состояла из нескольких отрядов разной численности. Главный удар по турецким войскам российское командование решило нанести на эрзерумском направлении, потому что оно было лучше других обеспечено дорогами, что позволяло использовать для наступления крупные силы. К тому же взятие города Эрзерума открывало путь российским войскам на город Эрзинджан, а через него – в Анатолию. В связи с тем, что эрзерумское направление являлось главным на русско-турецком фронте, то и количество российских войск на этом направлении было сосредоточено больше, чем на других. В этой группировке наших войск были и 5-й кавалерийский эскадрон Кавказской кавалерийской дивизии под командованием есаула Г.В. Деменева, и взвод старшего унтер-офицера С.М. Буденного.

Наступление войск Кавказского фронта началось 2 ноября 1914 года, которые пересекли русско-турецкую границу и вторглись

на территорию Турции. Но турки тоже не сидели сложа руки, а продолжали двигаться навстречу нашим войскам. Началось встречное ожесточенное сражение российских и турецких войск, которое на эрзерумском направлении продолжалось в течение пяти дней и закончилось тем, что сарикамышский отряд Кавказской армии 7 ноября 1914 года захватил турецкую Кеприкейскую позицию, расположенную в 50 километрах от города Эрзерума, а также ряд других важных пунктов. Но дальше развить наступление русским не удалось. Крупные силы турок нависли над правым флангом российских войск, угрожая их окружению. Чтобы избежать этого, русским пришлось отступить на рубеж населенных пунктов Али–Килиса–Ардос–Хоросан, на котором наступление обеих противоборствующих сторон прекратилось, но ненадолго. 14 ноября 1914 года турки возобновили наступление, которое с переменным успехом продолжалось в течение пяти дней и закончилось тем, что русские вынудили турок с 19 ноября 1914 года перейти к обороне. А через два дня 21 ноября российские войска снова перешли в наступление и отбросили турок на значительное расстояние. Но в связи с приходом зимы дальнейшее наступление продолжать не было смысла, потому что в горах зимой оно не могло принести ощутимых результатов. Поэтому командование Кавказским фронтом приняло решение – Сарикамышскому отряду русских войск остановиться на рубеже населенных пунктов Маслахат–Азан-кей–Юзверан–Арди и перейти к обороне.

В ходе Кеприкейской операции русские потеряли шесть тысяч человек. Но игра стоила свеч. Турки потеряли в ней почти в три раза больше своих солдат и офицеров – пятнадцать тысяч убитыми и три тысячи дезертировавшими с фронта и сдавшимися в плен русским.

В бою за Кеприкейскую позицию особо отличился взвод под командованием Семена Буденного, который был направлен в тыл противника для проведения разведки. Выполняя приказ командования, взвод под покровом ночи проник во второй эшелон турецких войск, получил необходимые разведданные, а на обратном пути атаковал турецкую артиллерийскую батарею, состоящую

из трех пушек. Орудийные расчеты драгуны порубили шашками, а пушки вывезли в распоряжение своего полка. За этот подвиг всех драгунов взвода Буденного наградили медалями, а «проштрафившегося» старшего унтер-офицера Семена Буденного снова наградили Георгиевским крестом IV степени. За Кеприкейскую операцию высокую правительственную награду – орден Святого Владимира IV степени – получил и командир 5-го эскадрона есаул Герасим Деменев.

Но если на эрзерумском, эриванском и трапезундском направлениях российские войска добились некоторых успехов и заняли труднодоступные естественные рубежи и тем самым преградили туркам пути для наступления, то на ольтинском направлении для Кавказского фронта сложилась неблагоприятная обстановка. В районе города Хопы турки сосредоточили крупные силы и 16 ноября 1914 года четырьмя группами своих войск перешли в наступление в направлении российской границы. Одна группа атаковала наши войска в городе Артвин и захватила его. А другие три группы пересекли российскую границу и по трем параллельным ущельям двинулись в направлении города Батума, угрожая зайти в его тыл. Но российские войска ольтинской группы, совместно с подошедшими им на помощь войсками Михайловской крепости города Батума, в ходе ожесточенного боя остановили наступление турецких войск, и, возможно, им удалось бы заставить турок повернуть назад. Но в это время внезапно с тыла и флангов на русских напали восставшие аджарцы. В результате чего российским войскам пришлось самим повернуть назад и отступить к Батуму, а турки продолжили наступление. И, заняв города Артвин и Борчку и подойдя со стороны Черного моря к реке Чорох, они остановились и стали активно готовиться к наступлению на город Батум. Воспользовавшись временной передышкой, командование Кавказским фронтом подтянуло в район Батума свои резервы, и при поддержке корабельной артиллерии Черноморского флота российские войска перешли в контрнаступление и к концу ноября 1914 года выдворили турок за пределы России. После чего на русско-турецком фронте наступило затишье, но опять ненадолго.

22 декабря 1914 года турецкие войска под руководством министра обороны Турции Энвер-паши, прибывшего в город Эрзерум, снова пересекли турецко-российскую границу и 25 декабря 1914 года достигли города Сарикамыш. Бой завязался на улицах окраины города. И, наверное, турки полностью захватили бы этот город. Но в это время к Сарикамышу подошли дополнительные российские войска, оперативно снятые с других участков Кавказского фронта, и под непосредственным командованием начальника штаба Кавказского фронта генерала А.З. Мышлаевского и начальника штаба Кавказской армии генерала Н.Н. Юденича прибывшим в город Сарикамыш русским удалось в этом районе окружить группировку турецких войск, состоящую из двух – 9-го и 10-го – пехотных корпусов, и разгромить их. После чего остатки недобитых войск 10-го турецкого корпуса сумели вырваться из окружения и по козьим тропам уйти в горы. Но, несмотря на то, что русские не стали их преследовать, спастись туркам все равно не удалось – в горах они почти все замерзли, а остатки войск 9-го турецкого корпуса сдались в плен русским.

В ходе Сарикамышской операции турки потеряли около 100 тысяч своих солдат и офицеров, но и российские войска в этом бою понесли большие потери – 20 тысяч убитых и раненых.

Одержав победу в Сарикамышской операции, войска Кавказского фронта снова пересекли русско-турецкую границу и предприняли наступление на турецкий город Эрзерум. Но взять его не смогли – не хватило сил, и они вынуждены были вернуться на исходные позиции. А турки, потерпев поражение в Сарикамыше, совместно с курдами вторглись в персидский Азербайджан и захватили город Табриз, где начали концентрировать свои войска, намереваясь пересечь персидско-русскую границу и двинуться на город Баку. Но российские войска опередили их. Пока турки в Табризе готовились к наступлению на Баку, русские первыми пересекли российско-персидскую границу, вступили на территорию Персии и 30 января 1915 года выбили турок из Табриза. После взятия Табриза войска Кавказского фронта продолжили успешное наступление и выдворили турок с персидской территории. Но для

дальнейшего наступления у них уже не хватило сил. За время боев на территории Персии эта группа российских войск понесла значительные потери личного состава и остро нуждалась в пополнении, которого командованию Кавказским фронтом взять было негде. Поэтому наши войска вынуждены были на персидско-турецкой границе остановиться, а затем по приказу командования Кавказским фронтом вернуться на территорию России.

В мае–июне 1915 года войска Кавказского фронта вели ожесточенные бои с турками севернее озера Ван, где продвинулись на сто километров и овладели рядом населенных пунктов, наиболее крупными из которых были города Дудак, Малазгирт, Урмия, Ван. В ходе этой операции турки потеряли большое количество живой силы и оружия, в результате чего группировка турецких войск в этом районе значительно ослабла. Поэтому у Кавказского фронта появилась реальная возможность разгромить турок в районе озера Ван и продолжить наступление в глубь неприятельской территории. Но так как в этом бою войска Кавказского фронта тоже понесли значительные потери личного состава, то для продолжения наступления соединения этого фронта необходимо было срочно пополнить людьми. Однако Николай II не только не посылал на Кавказский фронт подкреплений, а, наоборот, периодически забирал из него наиболее боеспособные части, заменяя их второстепенными формированиями. К тому же войска этого фронта испытывали острую нехватку боеприпасов. На фронтовых складах имелся боезапас из расчета по 50 легких и 50 гаубичных снарядов на одно орудие и по 50 патронов на одну винтовку. Но, несмотря на это, российское правительство не поставляло Кавказскому фронту необходимого количества боеприпасов, что привело к значительному снижению боеспособности соединений этого фронта. Турки, узнав об этом, не замедлили воспользоваться таким состоянием наших войск и 9 июля 1915 года перешли в контрнаступление. Начались кровопролитные бои, в ходе которых туркам удалось потеснить русских и захватить города Караалисы и Малазгирт, что создало угрозу всему Кавказскому фронту. Чтобы спасти положение, генерал Н.Н. Юденич, который в январе 1915 года стал командующим Кавказской

армией, в срочном порядке собрал из войск Кавказского фронта ударную группировку, состоящую из 24 батальонов пехоты и 31 кавалерийской сотни (в эту группу вошли 18-й Северский драгунский полк, командиром которого к тому времени стал Г.В. Деменев, и взвод Буденного), и 1 августа 1915 года нанес удар по левому флангу турецких войск. Начались ожесточенные бои, продолжавшиеся в течение почти месяца, в ходе которых русским удалось остановить наступление турок, а затем и отбросить их на значительное расстояние. Но в связи с тем, что в ходе этого сражения юденичевская группировка российских войск понесла значительные потери в живой силе и вооружении, для продолжения наступления у нее уже не оставалось сил. Поэтому русским пришлось прекратить наступление, в результате чего в конце августа 1915 года русско-турецкий фронт стабилизировался на рубеже населенных пунктов Бюлюк–Баши–Эрджиш–Ван.

Все части юденичевской группировки российских войск храбро сражались с турками в районе озера Ван. Но особо отличился в бою под городом Ван взвод Буденного, которому пришлось вступить в неравный бой с целой сотней турецкой конницы. И благодаря смелости и высокому мастерству владения оружием драгуны взвода Буденного шашками изрубили больше полусотни турок, а оставшиеся в живых еле унесли свои ноги от преследовавших их русских драгунов. И только когда остатки турецкой сотни достигли линии обороны своей пехоты, которая открыла по нашим конникам пулеметный огонь, буденновцы прекратили преследование врага и благополучно с минимальными потерями вернулись в расположение своих войск.

За этот подвиг все драгуны взвода Буденного получили правительственные награды. Одни – медали «За храбрость», другие – Георгиевские кресты IV степени, а Семен Буденный – Георгиевский крест III степени. Кроме взвода Буденного в бою под городом Ван отличились и все остальные подразделения 18-го Северского драгунского полка, за что его командир войсковой старшина Г.В. Деменев был награжден орденом Святого Станислава II степени с мечами.

Чтобы переломить ход боевых действий в районе озера Ван в пользу русских и продолжить дальнейшее наступление, необходимо было юденичевскую группировку войск срочно пополнить свежими силами и обеспечить достаточным количеством боеприпасов. Но вместо этого по указанию Николая II (который 23 августа 1915 года сместил с поста главнокомандующего российской армией и флотом великого князя Николая Николаевича и назначил его наместником на Кавказе и командующим Кавказским фронтом, а обязанности главнокомандующего взял на себя) Кавказскую кавалерийскую дивизию, в которую входили 18-й Северский драгунский полк и взвод Буденного, сняли с Кавказского фронта и эшелоном в товарных вагонах отправили в город Баку. Этим же эшелоном была отправлена и большая группа раненых российских солдат и офицеров, среди которых был и тяжело раненный войсковой старшина Герасим Деменев. По прибытии эшелона в Баку всех раненых воинов, в том числе и Деменева, поместили в Бакинский военный госпиталь, а Кавказскую кавалерийскую дивизию отправили на Украину в город Проскуров. И с тех пор пути Деменева и Буденного разошлись на два с половиной года.

Глава 4. Юго-Западный фронт

Несмотря на тяжелое ранение, полученное Деменевым под городом Ван, молодой организм офицера быстро справился с болезнью, и уже через две недели его выписали из госпиталя и дали месячный отпуск для восстановления здоровья. И Деменев поехал в свою родную станицу Платоновскую.

Но не дали Герасиму полностью использовать предоставленный ему отпуск. Спустя две недели его послали на медицинскую комиссию, которая признала его годным к военной службе. После чего направили Деменева на Юго-Западный фронт в восьмую армию, которой в то время командовал генерал-майор А.А. Брусилов, и назначили заместителем начальника штаба 2-й Сводной казачьей дивизии, состоящей из кубанских и терских казаков, которой командовал генерал-майор Петр Николаевич Краснов. Приняв рапорт Деменева и ознакомившись с его документами, Краснов снял телефонную трубку, позвонил кому-то и сказал:

– Святослав Варламович, зайдите ко мне.

Через минуту в кабинет комдива вошел невысокого роста и среднего телосложения полковник, которому Краснов, показывая рукой на Деменева, сказал:

– Вот вам, Святослав Варламович, новый заместитель, войсковой старшина Деменев Герасим Владимирович, который прибыл к нам с русско-турецкого фронта после ранения. А это (показывая рукой в сторону полковника) и есть начальник штаба нашей дивизии – полковник Денисов Святослав Варламович, с которым Вам предстоит вместе служить и воевать.

После чего Краснов поздравил Деменева с прибытием во 2-ю Сводную казачью дивизию и, обращаясь к полковнику Денисову, сказал:

– Святослав Варламович, введите войскового старшину в курс дела и приступайте к работе.

А когда Деменев с Денисовым вышли из кабинета Краснова, то Денисов сказал Деменеву, что ему повезло, что он попал в эту дивизию, потому что в ней служат его земляки, которыми командует боевой и очень талантливый генерал Петр Николаевич Краснов. После чего Денисов представил Деменева работникам штаба и ввел его в курс дела. И началась у Герасима Владимировича новая рутинная, незнакомая и непривычная для него штабная работа. Немного позже от Денисова и других офицеров штаба Деменев узнал о боевом пути генерала Краснова и его боевых подвигах, о которых ходили легенды не только в дивизии и 8-й армии, но и по всему Юго-Западному фронту. Но больше всего офицеры восхищались рейдами дивизии по вражеским тылам, которые возглавлял лично сам Краснов. Не очень-то верил Деменев в рассказы работников штаба о легендарных подвигах Краснова, считал, что все это не что иное, как фронтовые байки. Но то, что все в дивизии: и рядовые казаки, и офицеры – уважали своего комдива, Деменеву, как кадровому военному, нравилось. Да и высокие боевые награды: орден Святого Станислава II степени с мечами, французский орден Почетного легиона, орден Святой Анны IV степени, орден Святого Владимира IV степени с мячами и бантом, орден Святого Георгия IV степени, висевшие на груди генерала, а также Георгиевское оружие – подтверждали правдивость офицерских рассказов о Краснове. А вскоре Деменев и сам лично увидел, на что способен их генерал.

К моменту прибытия Деменева в дивизию в ее штабе уже заканчивалась разработка плана очередного рейда по тылам врага. Обстановка на Юго-Западном фронте в это время была очень сложная. Под натиском германских и австро-венгерских войск российские армии отступали. И чтобы остановить противника, командование Юго-Западного фронта и 8-й армии приняли решение активизировать проведение рейдов по вражеским тылам. А учитывая имеющийся во 2-й Сводной казачьей дивизии опыт подобных рейдов, эту операцию поручили генералу Краснову. Но буквально за сутки до намеченного рейда, когда для этого все было подготовлено, разведчики из головного дозора доложили Краснову, что на сопредельной вражеской территории в селе, расположенном

недалеко от линии фронта, сосредоточилось большое количество немецкой пехоты. Солдаты и офицеры разбрелись по всему селу и отдыхают. Узнав об этом, Краснов без всякой подготовки, сам лично повел дивизию в атаку на это село. На эту операцию Краснов взял и нового заместителя начальника штаба Деменева, видимо, для того чтобы в бою проверить, на что он способен. Развернувшись в лаву, казаки вихрем налетели на село, где врасплох застали германцев, не ожидавших нашего наступления. В панике немцы стали разбегаться по селу, спасаясь от казаков. Но казаки настигали их и беспощадно рубили шашками. В этой короткой атаке казаки захватили несколько вражеских пулеметов, угнали большое количество немецких лошадей-тяжеловозов, а с пушек сняли затворы. Нескольких неприятельских солдат и офицеров взяли в плен, от которых узнали, что в этом селе казаки разгромили целую немецкую бригаду, только что прибывшую на фронт.

Через сутки после этой атаки на немцев дивизия под личным командованием Краснова и с участием начальника штаба дивизии Денисова совершила подобный предыдущему, но только уже плановый и тщательно подготовленный рейд по австро-венгерскому тылу, который оказался не менее удачным, чем предыдущий, и задержал продвижение противника на несколько дней.

Анализируя результаты проведенных рейдов по вражеским тылам, командование 8-й армии и ЮЗФ пришло к выводу, что подобные рейды способствуют достижению намеченных целей и дают возможность нашим войскам передохнуть и тщательнее подготовиться к отражению атак противника. Поэтому Краснову было поручено продолжать водить свою дивизию в рейды по вражеским тылам, и он регулярно их проводил, сея панику в стане врага и нанося ужас на солдат противника.

Такое положение дел на фронте не устраивало немцев и австро-венгров, и они решили покончить с дерзкой дивизией. И в один из осенних дней 1915 года, когда 2-я Сводная казачья дивизия сравнительно легко прорвала оборону противника и ушла в очередной рейд по его тылам, немецкое командование заранее перебросило к месту прорыва этой дивизии венгерскую конницу,

которая должна была преградить путь русским войскам, возвращающимся на свои позиции, и уничтожить их. Командование ЮЗФ и 8-й армии об этом маневре противника тогда не знало, как не знали о нем и в штабе 2-й Сводной казачьей дивизии. Поэтому на обратном пути дивизия Краснова неожиданно наткнулась на вражеский заслон, который был обнаружен нашим передовым дозором. Перед Красновым встал вопрос: «Что делать? Увести дивизию обратно в тыл противника и продолжить рейд или с боем прорываться через вражеский заслон?». И он, выслушав мнение полковых командиров, которые были полны решимости пробиваться, повел дивизию на прорыв. Под покровом ночи казаки незаметно подошли к противнику на минимальное расстояние и, развернувшись в лаву, внезапно бросились в атаку. Началась беспощадная рубка. Но бой длился недолго. Не выдержав такого стремительного натиска казаков, венгры прекратили сопротивление и в панике начали разбегаться. Этот короткий, но очень жестокий ночной бой закончился в пользу казаков. Дивизия успешно прорвалась через вражеский заслон и с минимальными потерями личного состава вернулась на свои позиции.

Специально устроенная немецким и австро-венгерским командованием ловушка для 2-й Сводной казачьей дивизии обеспокоила руководство 8-й армии и ЮЗФ, поэтому Краснову было рекомендовано временно отказаться от проведения подобных рейдов по вражеским тылам. Но складывающаяся на фронте обстановка вынуждала продолжать такие рейды. Да и Краснов со своим штабом был полон решимости проводить их. И дивизия начала готовиться к очередному рейду.

С тех пор как Деменев прибыл во 2-ю Сводную казачью дивизию, с каждым новым рейдом по вражеским тылам он все больше и больше убеждался в правоте оценки личным составом дивизии боевых качеств комдива Краснова. А побывав вместе с ним в боях и увидев, как он руководит боем своей дивизии, Деменев уже перестал сомневаться в правдоподобности легенд, слагаемых о Краснове. И хотя сам Краснов лично не рубил врагов шашкой и, по сути, «отрывал от дела» целую сотню казаков, охранявших его

и в полную силу в боях не участвовавших, но само присутствие генерала вдохновляло казаков в бою. И чтобы не подвести своего комдива, они дрались с неприятелем, как черти, с двойной и даже с тройной энергией.

К этому времени в штабах ЮЗФ и 8-й армии произошли кадровые перестановки. Был освобожден от занимаемой должности командующий фронтом генерал Н.И. Иванов, вместо которого назначили командующего 8-й армией генерала Брусилова, а командующим 8-й армией был назначен генерал Пестрецов. Произошли изменения и во 2-й Сводной казачьей дивизии. Ее пополнили 10-м Донским казачьим полком, которым еще до войны несколько лет командовал Краснов. В результате этого пополнения дивизия стала еще более боеспособной.

Регулярные рейды 2-й Сводной казачьей дивизии по вражеским тылам и стойкость русских солдат в окопах достигли своей цели и охладили воинственный пыл германцев и австро-венгров, которые вынуждены были прекратить наступление и перейти к обороне. В результате на фронте наступила позиционная война, в ходе которой войска обеих противоборствующих сторон готовились к очередным схваткам. Российские войска вели подготовку к очередному наступлению, в котором главный удар решено было направить на Луцк. А германские и австро-венгерские войска готовились к отражению наших атак. Для этого они создали на этом направлении непреодолимую, как им казалось, линию обороны, состоящую из двух, а местами даже из трех укрепленных полос, на каждой из которых построили целый ряд окопов и блиндажей, соединенных между собой траншеями. Перед каждой линией окопов и траншей установили по полтора десятка рядов заграждений из колючей проволоки. Вторую полосу обороны, такую же, как и первую, они построили на расстоянии пяти-семи километров от первой, а на расстоянии десяти километров от второй – третью. Кроме технических боевых сооружений немецкое и австро-венгерское командование сосредоточило на луцком направлении большое количество своих войск. И вот такую сильно укрепленную линию обороны противника российским войскам предстояло прорвать.

Поэтому войска Юго-Западного фронта, и особенно 8-й армии, на которую был возложен главный удар фронта на город Луцк, основательно готовились к этой операции. Готовилась к прорыву обороны противника на своем участке фронта и 2-я Сводная казачья дивизия. Работники штаба вместе с командиром дивизии неоднократно проигрывали различные варианты предстоящей операции. Краснов лично проверял проекты планов, в которые часто вносил свои коррективы. Сложность предстоящей операции для 2-й Сводной казачьей дивизии заключалась в том, что она не имела необходимого количества пехоты, без которой казакам при наступлении приходится очень трудно. И штаб дивизии пришел к выводу, что в сложившейся ситуации придется бросить на прорыв обороны противника спешенных казаков Терского полка. Краснов одобрил этот план и сказал, что он лично поведет пластунов в атаку. А Денисову приказал, как только пешие казаки прорвут оборону противника и австро-венгры начнут отступать, возглавить и ввести в прорыв конницу. Денисов с Деменевым предложили Краснову поручить им вести в бой пеших казаков. Но Петр Николаевич отверг это предложение и сказал:

– Бой, господа офицеры, предстоит очень тяжелый, и, чтобы добиться в нем успеха, я должен лично вести в атаку свое подразделение. Это придаст казакам больше уверенности. А будет уверенность – будет и победа.

Наступление наших войск началось на рассвете 3 июня 1916 года. После длительного артиллерийского обстрела вражеских позиций по всему ЮЗФ русские войска пошли в атаку. Пошла в наступление и 2-я Сводная казачья дивизия, казаки которой на расстоянии одной версты от линии фронта спешили и, передав лошадей коноводам, вместе с пехотой пошли в наступление. Расстояние до вражеской линии обороны стремительно сокращалось. Казаки-пластуны вместе с пехотинцами достигли первого ряда проволочных заграждений обороны противника, и саперы стали делать в них проходы. Часть солдат пехотного полка, преодолев проволочные заграждения, направилась к вражеским траншеям. Все это время окопы противника молчали. А когда вслед за солдатами с криками «Ура!» побежали на врага и казаки-пластуны,

по нашим войскам залпами огня ударили вражеские пулеметы. Сраженные пулями, один за другим стали падать убитые и раненые солдаты и казаки. Атака захлебнулась. Цепь наступающих сначала остановилась, а затем повернула обратно. Первыми назад побежали казаки-пластуны, чтобы укрыться в своих траншеях, а вслед за казаками побежали и пехотинцы. Но не всем нашим воинам удалось добежать до укрытий. Многие из них, кто убит, а кто ранен, истекая кровью, остались лежать на нейтральной полосе, и вытащить их оттуда из-за плотного огня противника не было никакой возможности. А Краснов, несмотря на решимость лично вести пеших казаков в атаку, все-таки не решился на это, но внимательно следил за ходом боя. И когда понял, что атака захлебнулась, приказал полковым командирам задействовать все имеющиеся в дивизии орудия и стрелять до тех пор, пока позиции противника не смешаются с землей. И только после этого повторить атаку, в которой в качестве пехоты дополнительно задействовать и казаков Кубанского полка. И снова заговорили наши пушки. А когда орудийная стрельба прекратилась, дивизия возобновила попытку овладеть первой линией обороны противника. Но опять не добилась успеха, и казаки, понеся большие потери, вынуждены были вернуться на свои позиции. В результате чего приказ генерала Брусилова прорвать оборону противника в течение трех дней ни 2-я Сводная казачья дивизия, ни 8-я армия, ни в целом ЮЗФ не выполнили.

После неудавшегося наступления наших войск на фронте снова наступила передышка, длившаяся более десяти дней. Обе стороны активно готовились к очередным боям, которые возобновились во второй половине июня 1916 года. На этот раз Краснов бросил в бой весь личный состав дивизии и сам лично повел ее в наступление, которое оказалось успешнее предыдущих. Казаки, видя своего комдива, идущего вместе с ними в атаку, несмотря на плотный огонь противника и большие потери, преодолели провололочные заграждения первой вражеской линии обороны, ворвались в окопы неприятеля и вступили с австро-венграми в рукопашную схватку. После короткого рукопашного боя вражеские войска,

не выдержав стремительного натиска русских, начали отступать. Казаки, заняв первую вражескую линию обороны, на плечах отступающего противника ворвались во вторую – и тоже заняли ее. А на взятие третьей вражеской линии обороны уже не хватило сил. Казаки выдохлись, и им пришлось перед ней остановиться. По законам войны в таких случаях, чтобы закрепить и продолжить достигнутый успех, бросают в бой резервы. Но их не было, и продолжать наступление было некому. Не добились в этот день полного успеха и другие соединения ЮЗФ. И только войскам корпуса под командованием генерала Каледина удалось до конца выполнить приказ командующего фронтом Брусилова и прорвать на своем участке фронта все три линии обороны противника.

После неудачного штурма 2-й Сводной казачьей дивизией третьей линии обороны противника Краснов получил приказ командира корпуса возобновить штурм вражеских позиций. И на второй день на рассвете заговорили все орудия дивизии, которые в течение всей первой половины дня вели обстрел вражеских укреплений. А когда пушки замолкли и наступила тишина, дивизия пошла в атаку. На этот раз, хоть и с большими потерями, удалось взять третью линию обороны противника и закрепиться на ней. А в течение двух последующих суток и все остальные соединения 8-й армии прорвали все три линии обороны противника, овладели городом Луцком, форсировали реку Стырь и продвинулись в глубь австро-венгерских войск на тридцать километров. Но в это время на помощь австро-венгерским войскам пришли свежие германские части, переброшенные сюда с Западного фронта – из Франции, и дальнейшее наступление войск ЮЗФ приостановилось. Да и приказа продолжать наступление не было. В результате на фронте снова наступила передышка и появилась возможность заменить уставшие в длительных и кровопролитных боях войска и отвести их на отдых. Отвели на отдых и 2-ю Сводную казачью дивизию. Но радости у казаков от этого не прибавилось. Они хорошо понимали, что окопная жизнь для них не закончена, и скоро им придется снова вернуться на позиции. И опасения казаков оказались не напрасными. Когда срок, отведенный на отдых, истек, из штаба армии

пришел приказ о занятии дивизией назначенных ей позиций. Все в дивизии, от ее командира до рядового казака, были категорически против использования казаков в качестве пехоты, особенно в позиционной войне. Но если рядовые казаки не хотели сидеть в окопах, чтобы «не кормить вшей», то Краснов и офицерский состав дивизии справедливо полагали, что, посидев в окопах вместе с пехотинцами, казаки потеряют свои боевые навыки, «наглопитаются солдатского духа», пропитанного революционными идеями, в результате чего Россия может потерять преданных защитников Отечества. Этими мыслями Краснов поделился с командиром корпуса, который был с ним солидарен. Но ни изменить что-либо, ни помочь Краснову он ничем не мог, потому что это было не в его власти. И казакам снова пришлось вернуться в окопы в качестве пехоты.

А в середине октября 1916 года Краснова вызвали в штаб 8-й армии, откуда он вернулся уже командиром вновь формирующегося корпуса, в который вошли две пехотные дивизии и 2-я Сводная казачья дивизия.

На новой должности Краснову не хватало таких хорошо знакомых ему, опытных и преданных своему делу людей, как Денисов и Деменев. Новый начальник штаба корпуса полковник В.А. Давыдов был опытным штабистом и хорошим аналитиком, но у Краснова почему-то не складывались с ним доверительные отношения. Поэтому он неоднократно обращался к командующему 8-й армией перевести Денисова и Деменева в штаб корпуса, но генерал Л. Г. Корнилов, который к этому времени стал командующим 8-й армией, сменив на этом посту генерала Пестрецова, постоянно отклонял просьбы Краснова. Рокировать такие кадры, как начальники штабов, командиры дивизий и полков, командир корпуса самостоятельно не мог (эти должности были в компетенции штаба армии). Но комплектовать другие должности и перемещать офицеров в пределах своего корпуса он имел полное право. И Краснов воспользовался этим правом – перевел Деменева на должность помощника начальника штаба корпуса. В связи с повышением в должности войсковой старшина Деменев получил и новый чин – ему присвоили очередное звание полковника.

А тем временем на ЮЗФ снова началось наступление российских войск, которые с тяжелыми боями и огромными потерями личного состава безрезультатно пытались наступать на врага. Но это наступление наших войск шло такими медленными темпами, что больше походило не на разгром войск противника, а на уничтожение своей армии. И виной этому стала неразбериха в стране, которая привела к разложению российской армии. Началось неповиновение нижних чинов офицерам и дезертирство солдат с фронта, которые самовольно покидали боевые позиции и пытались уйти домой. Подобные случаи стали появляться и среди солдат корпуса Краснова. Все это очень беспокоило Петра Николаевича, но изменить что-либо было не в его власти. Единственное, что он мог сделать для предотвращения дезертирства в своем корпусе, так это выставить казацкие заслоны, на которые возложил обязанности задерживать дезертиров и отправлять в штаб корпуса, а в случае их неповиновения – расстреливать на месте. Но и такие крутые меры не помогли. Солдаты все равно пытались бежать с фронта. Казаки, выполняя приказ комкора, делали все от них зависящее для того, чтобы избежать применения оружия по беглецам на поражение. И только в исключительных случаях, когда дезертиры игнорировали требование остановиться и продолжали бежать или при задержании оказывали вооруженное сопротивление, казаки вынуждены были открывать огонь на поражение. Но таких случаев было очень мало. В основном все заканчивалось задержанием бежавших солдат и доставкой их в штаб корпуса, откуда их должны были отправлять в военный трибунал армии.

А вскоре вблизи линии фронта, на виду у сидящих в окопах солдат, на деревьях и телеграфных столбах стали появляться висельники, к ногам которых были привязаны плакаты с надписью «дезертир». Узнав об этом, все, в том числе и Деменев, решили, что это военный трибунал армии выносит такие жестокие приговоры, для того чтобы остановить дезертирство солдат с фронта. А вешают дезертиров на виду у всех для устрашения других солдат, чтобы они знали, что ждет их в случае самовольного ухода с боевых позиций.

Но однажды, когда Деменев неожиданно вошел в кабинет своего друга, начальника контрразведки корпуса полковника П.П. Овчинникова, он увидел, как тот вместе со своими помощниками пытается солдата-дезертира, бежавшего с передовой. Солдат лежал на полу кабинета в луже собственной крови, которого два офицера били сапогами, а Овчинников, с перекошенным от злости лицом, орал:

– Ты будешь говорить, большевистская сволочь?

Но солдат молчал. И непонятно было: или он не хотел говорить, или был без сознания, а может быть, уже был мертв, но, несмотря на это, офицеры продолжали его беспощадно бить. Увидев за таким занятием своего друга, Деменев остолбенел, не мог произнести ни единого слова и молча стоял как вкопанный. А когда Овчинников обернулся и увидел стоящего в дверях Деменева, то и на него закричал:

– А тебе что здесь нужно? Почему ты зашел в мой кабинет без предупреждения?

Деменев никогда раньше не видел и не слышал, чтобы Овчинников так грубо с кем-нибудь разговаривал, в том числе и с ним. Вид и манеры поведения Овчинникова всегда соответствовали поведению культурного и образованного человека. И не только Деменев, но и все, кто знал Пашу Овчинникова, не могли себе даже предположить, что за этим добродушным лицом скрывается настоящий палач. Овчинников, видимо, тоже понял, что переборщил, так грубо разговаривая со своим другом, и дал команду своим подчиненным убрать бесчувственное тело солдата из кабинета и бросить его в подвал, где содержались другие задержанные дезертиры. А когда офицеры унесли обезображенного солдата, Овчинников сказал:

– Извини, Гера. Погорячился я. Сам видишь, какая у меня работа и чем мне приходится заниматься. Но ты тоже хорош. В мой кабинет без предварительного предупреждения никто и никогда заходить не должен. А ты нарушил это правило. Вот я и не сдержался, наругал тебе. Прошу учесть это на будущее.

А затем, немного успокоившись, сказал:

– Садись. Говори, зачем пришел?

У Деменева на этот раз не было никаких служебных вопросов к Овчинникову, и он по пути зашел к своему другу просто так поболтать на отвлеченные от службы темы, о чем и сказал Овчинникову.

– Ну, раз такое дело, то нам с тобой нужно горло немного промочить, чтобы снять стресс. Иначе разговор не получится, – сказал Овчинников и пригласил Деменева в соседнюю комнату, где стоял накрытый стол, прикрытый скатертью.

Они сели за стол и стали пить коньяк, закусывая английскими консервами. А когда немного захмелели, Деменев спросил Овчинникова, что будет с солдатом, которого допрашивали в его кабинете, и с другими дезертирами. На что Овчинников ответил:

– Да ничего особенного. Пока живой, будем бить. А когда подохнет, то с привязанным к ногам плакатом с надписью «дезертир» повесим на дереве или телеграфном столбе вблизи линии фронта, чтобы другим неповадно было бежать с передовой. А когда повисит пару недель и хорошо подвялится, отвезем его в лес на корм волкам или бросим в какой-нибудь водоем на корм рыбе. То же самое будет и с другими дезертирами, которые сейчас находятся в подвале контрразведки, и с теми, которые впредь будут пытаться бежать с фронта. Только такими методами мы сможем хоть и не полностью изжить дезертирство, но сократить его до минимума. Иначе все солдаты оставят окопы и разбегутся по домам. И тогда немцы и австро-венгры без боя захватят столько нашей территории, сколько им нужно будет, а возможно, и всю Россию, которую превратят в свою колонию. Такого развития событий допустить нельзя. Поэтому нам и приходится поступать с дезертирами именно так, как мы с ними и поступаем. Другого выхода я не вижу.

– Но ведь есть приказ командующего фронтом всех дезертиров направлять в военный трибунал армии, и пусть там решают их судьбу. А зачем же корпусной контрразведке брать на себя функции военного трибунала и заниматься самосудом? – сказал Деменев.

На что Овчинников ответил:

– Военные трибуналы сейчас тоже заражены демократическими настроениями. Поэтому не всегда приговаривают дезертиров

к смертной казни. А если и приговорят – то к расстрелу, и приведут приговор в исполнение в лучшем случае перед строем небольшого подразделения, и заруют где-нибудь в землю так, что и могилу их никто не найдет. А остальные солдаты не увидят этого и узнают об этом только из уст офицеров, которым они не очень-то доверяют. А мы всех дезертиров, без исключения, после мучительной смерти вешаем на обозрение всех солдат, сидящих в окопах, чтобы они каждый день видели, какая участь ждет тех, кто попытается самовольно оставить фронт, и делали из этого соответствующие выводы.

До этого случая Деменев видел пару раз у линии фронта повешенных дезертиров. Но он считал, что это единичные случаи, и дезертиров целыми и невредимыми повесили по приговору военного трибунала армии. Но то, что это носит массовый характер и делается без всякого следствия и суда, по личной инициативе начальника корпусной контрразведки полковника Овчинникова, он даже предположить не мог. Не столько от слов, сказанных Овчинниковым, сколько от того, с каким спокойствием он об этом говорил, у Деменева, несмотря на тридцатиградусную жару, на спине выступил холодный пот, а по всему телу забегали мурашки. Деменев пожалел, что задал Овчинникову такой неприятный вопрос, и, чтобы прекратить этот разговор, перевел его на другую тему. Но, несмотря на выпитую на двоих бутылку коньяка, разговор у друзей не клеился, и Деменев, сославшись на неотложные дела и извинившись за несвоевременное вторжение в кабинет Овчинникова, ушел. Вернувшись в свой кабинет, он долго не мог прийти в себя от увиденного и услышанного и никак не мог решить, доложить или нет Краснову о самоуправстве Овчинникова. О том, что комкор не знает о таком вопиющем безобразии в корпусе, Деменев был уверен. Краснов – порядочный человек. Он в бою может убить любого врага. Но чтобы такими жестокими методами убивать своих солдат, хоть и дезертиров, а затем еще и глумиться над покойниками, вешая их на виду у людей, на такое он не способен. Видимо, это самодеятельность самого Овчинникова. И только к концу дня Деменев решил, что комкор должен знать об этом. Но в этот день он

не решился зайти к Краснову с таким сообщением, потому что Петр Николаевич не любил разговаривать с офицерами, когда от них пахло спиртным. Поэтому только на второй день утром Деменев доложил комкору о самоуправстве начальника корпусной контрразведки полковника Овчинникова. Узнав о таком диком чрезвычайном происшествии в своем корпусе, Краснов так возмутился, что чуть собственноручно не застрелил Овчинникова. Но Давыдову с Деменевым удалось убедить его не делать этого. И Краснов отправил Овчинникова в штаб армии, откуда тот в корпус больше не вернулся, и дальнейшая его судьба Деменеву неизвестна.

В конце 1916 года на фронте появилось новое явление – «братание» между русскими, австро-венгерскими и германскими солдатами. Солдатские парламентарии с обеих сторон призывали друг друга покидать окопы и отправляться домой. Появились случаи «братания» солдат и на участке фронта корпуса Краснова. Об этом явлении Краснов доложил генералу Корнилову, от которого узнал, что «братание» солдат обеих противоборствующих сторон наблюдается на позициях не только 8-й армии, но и всего ЮЗФ. И чтобы пресечь такие явления, Корнилов приказал Краснову принять самые строгие меры к виновным, вплоть до предания их суду военного трибунала. Соответствующий приказ об этом был направлен в войска 8-й армии, в том числе и в корпус Краснова, с которым был ознакомлен весь личный состав корпуса под роспись. Но, несмотря на это, «братание» солдат на фронте не прекратилось.

В январе 1917 года перед командованием ЮЗФ была поставлена задача – выбить Австрию и Венгрию из коалиции с Германией. В связи с этим в войсках началась активная подготовка к очередному наступлению. В это время была проведена и частичная перестановка командных кадров этого фронта. Сместили с должности командующего ЮЗФ генерала Брусилова и назначили на этот пост командующего 8-й армией генерала Корнилова.

Вместе с войсками армии и фронта готовился к наступлению и корпус генерала Краснова. Со дня на день ждали приказа о наступлении. Но, вопреки этим ожиданиям, Краснов получил из штаба ЮЗФ приказ совсем другого содержания. Корнилов

приказал в течение двух суток перебазировать 10-й Донской казачий полк к ближайшей железнодорожной станции и отправить его в Петроград для наведения там порядка. Подготовку и отправку этого полка в Петроград Краснов поручил Деменеву и приказал ему отправиться в столицу вместе с ним. Какой конкретно характер наведения порядка в столице подразумевался, никто ни казакам, ни Деменеву объяснить не мог. На все вопросы ответ был один:

– Зачем вас туда посылают, вам скажут по прибытии на место.

Но 10-му Донскому казачьему полку не суждено было попасть в Петроград. Полк простоял четыре дня в ожидании состава на станции, а затем уже и погрузился в него, но вечером четвертого дня командир полка, войсковой старшина Балабанов получил по телеграфу сообщение, что в Петрограде произошла революция. Государь Николай II отрекся от престола. Власть в России перешла в руки Временного комитета Государственной думы. В связи с этими Балабанову было приказано вернуть 10-й Донской казачий полк в распоряжение генерала Краснова. Получив такой приказ, Деменев с Балабановым дали казакам команду выгружаться. И полк приступил к выгрузке из вагонов лошадей и полкового имущества и начал готовиться к походному маршу. Но что случилось в столице и куда пойдет полк, решили пока не говорить казакам. И только утром на второй день Балабанов, построив полк, объяснил казакам ситуацию, сложившуюся в Петрограде, и объявил приказ Корнилова о возвращении полка обратно на фронт. А когда полк прибыл в расположение корпуса, Краснов обратился к казакам с большой речью, которую закончил словами:

– Нет больше в России государя, но есть Россия, великая и неделимая, которую никто, кроме нас, не защитит.

А тем временем войска ЮЗФ продолжали готовиться к наступлению, которое было назначено на 28 февраля 1917 года. Но в этот день из штаба армии поступил новый приказ: «Наступление отложить». А по какой причине оно откладывается и на сколько дней, разъяснений не поступило. Но вскоре все разъяснилось. Оказывается, наступление российских войск было отложено на неопределенное время из-за того, что в связи с отречением

Николая II от престола в России наступило безвластие. Вместо царя в стране пока еще только создается Временное правительство во главе с князем Львовым. Узнав об этом, Краснов решил уйти из армии и подал рапорт об отставке. Но командующий ЮЗФ генерал Корнилов прошение Краснова отклонил и приказал готовить войска к принятию присяги Временному правительству, на которое Краснов после падения самодержавия возлагал надежды. Но когда это правительство приняло декрет «О правах солдат», предусматривающий ликвидацию сословий, в том числе и казачьего, отмену отдания чести военнослужащими, выборы солдатских комитетов, что, по мнению Петра Николаевича, ускоряло развал русской армии и делало ее просто небоеспособной, Краснов стал настороженно относиться к новому правительству. О том, что декрет Временного правительства «О правах солдат» направлен на развал русской армии, понимали все: и офицеры, и солдаты, но каждый по-своему. Офицеры боялись, что, потеряв армию, Россия утратит свой суверенитет, потому что некому будет ее защищать. А солдаты, которые были в основном из деревень, радовались, что скоро можно будет вернуться домой, чтобы обрабатывать свою землю и кормить семью.

Такие законы Временного правительства привели к тому, что с каждым днем солдаты стали вести себя все вольней и вольней. И если казаки при встрече с комкором Красновым еще по-прежнему вставали и приветствовали его, то солдаты даже не пытались это делать и делали вид, что не замечают генерала и других офицеров, идущих вместе с ним по траншеям. Но, боясь нежелательных последствий, ни Краснов, ни сопровождающие его офицеры не делали замечаний невежественным солдатам. А когда в войсках, в том числе и в корпусе Краснова, стали избирать солдатские комитеты, то Краснов попытался не допустить этого в казачьих полках. Но идеи демократии уже проникли и в казацкие части. Вопреки желанию комкора, в полках 2-й Сводной казачьей дивизии были избраны солдатские комитеты, которые решили, что казаки самовольно фронт не покинут, но ловить солдат, бегущих с фронта, больше не будут, потому что у них есть свои солдатские

комитеты, вот пусть они и решают, как солдатам поступать с дезертирами. Казаки в решения солдатских комитетов вмешиваться не будут и препятствовать уходу солдат с фронта тоже не будут.

А тем временем на ЮЗФ по-прежнему было затишье. Солдаты обеих противоборствующих сторон переговаривались между собой и звали друг друга в гости. В штабе ЮЗФ и штабах его соединений, в том числе и в штабе корпуса генерала Краснова, прекрасно понимали, что затишье на фронте временное. Германское командование непременно воспользуется сложившейся в России ситуацией и неразберихой в российской армии и начнет наступление. Но когда и где это произойдет, командованию ЮЗФ было неизвестно.

Кризис в России, измученной войной и внутривнутриполитическими распрями, как снежный ком, продолжал нарастать. На предприятиях многих городов начались забастовки. По улицам городов прокатилась волна демонстраций рабочих и солдат, требующих прекратить войну. Временное правительство пыталось убедить народ, что Россия должна соблюдать договор со странами Антанты и довести войну с Германией до победного конца. Но все попытки этого правительства не увенчались успехом и вызывали у людей лишь гнев.

Не обошла стороной волна забастовок и демонстраций и столицу России. В апреле 1917 года начались демонстрации рабочих предприятий и солдат в Петрограде, что привело к частичной смене Временного правительства, председателем которого и военным министром стал эсер А.Ф. Керенский. Генерал Краснов публично всецело поддерживал политику Временного правительства и призывал к этому личный состав вверенного ему корпуса. Но наедине с помощником начальника штаба корпуса Деменевым он высказывал недоверие Керенскому и его правительству, считая, что от них армии один вред.

Между тем перемены в России продолжались не только в правительстве, но и в войсках, в том числе и на ЮЗФ, а также в военном министерстве. Временное правительство назначило главкомверхом генерала М.В. Алексеева, которого вскоре сменил генерал А.А. Брусилов. Но тоже ненадолго. Вскоре и его сместили,

и Верховным главнокомандующим назначили командующего Юго-Западным фронтом генерала Л.Г. Корнилова.

А в это время на ЮЗФ хоть и продолжалось затишье, но по данным разведки германское командование подтягивало свои резервы к линии фронта. По всему было видно, что немцы скоро начнут наступление. Это Краснов хорошо понимал, поэтому вместе со своим штабом готовил корпус к обороне. Но вскоре Краснов получил приказ командующего 8-й армией под покровом ночи отвести корпус в тыл на отдых. К утру корпус был выведен к месту отдыха, а его место на позициях заняли пехотные дивизии других корпусов. Но во время отдыха вышел из повиновения 16-й Донской казачий полк, где казаки арестовали своего полкового командира. Узнав об этом, Краснов вместе с Деменевым прибыл в расположение полка, и комкор приказал казакам построиться. Но строить полк оказалось некому. Полковой командир был арестован, а остальные офицеры полка гуляли по селу. С большим трудом удалось построить полк, и Краснов стал объяснять казакам, что своим поведением они нарушают присягу и позорят звание казака, что их отцы и деды, послав своих сыновей на фронт, надеются, что они защитят их и спасут Россию. Казаки слушали генерала внимательно, не перебивая его. Возможно, Краснову и удалось бы переубедить казаков и привести полк в порядок. Но в это время в село вошел пехотный полк, солдаты которого смешались с казаками и арестовали комкора Краснова, а вместе с ним и полковника Деменева и, взяв с собой одного казака для обвинения арестованных, отправили их сначала в Витиборгский комитет, а оттуда в город Минск на суд армейского трибунала. Но в этой ситуации Краснова потряс не сам факт его ареста солдатами пехотного полка, а то, что за него не вступились казаки, которых он до сих пор считал наиболее сознательными и дисциплинированными воинами в российской армии, на которых он возлагал надежду за будущее России. Но теперь он утратил эту последнюю надежду и окончательно убедился в том, что российская армия полностью разложилась.

К чему бы трибунал приговорил Краснова и Деменева, неизвестно. Скорее всего, к расстрелу. Потому что в отношении

арестованных офицеров и генералов в то время выносили в основном два вида приговоров – оправдать или расстрелять, других формулировок почти что не было. Но оправдательные приговоры выносились очень редко. Чаще всего обвиняемых приговаривали к расстрелу. Но Краснову с Деменевым на этот раз повезло. Краснову чудом удалось через начальника железнодорожной станции города Минска связаться с командующим Западным фронтом генералом В.И. Гурко, который дал указание немедленно освободить арестованных Краснова и Деменева и отправить их в свой корпус. Вернувшись в штаб корпуса, Краснов написал очередной, уже третий по счету, рапорт на увольнение из армии. Но ни в штабах армии и фронта, ни в военном ведомстве России просьбу Краснова не удовлетворили. Но и на прежнюю должность командира корпуса его не вернули, а назначили командиром 1-й Кубанской казачьей дивизии. И с этого времени пути Деменева и Краснова разошлись, но ненадолго. Краснов уехал принимать новую дивизию, которая стояла под городом Мозырь, а Деменев остался в своем корпусе на прежней должности. Но корпус вскоре расформировали, и Деменева назначили командиром 10-го Донского казачьего полка, который включили в состав 3-го Конного корпуса, которым командовал генерал Крымов. А Краснов ненадолго задержался на должности командира дивизии. Уже в августе 1917 года его снова назначили командиром корпуса, но не прежнего, а 3-го Конного, который по распоряжению Верховного главнокомандующего генерала Корнилова по железной дороге направлялся в Петроград и находился в движении. Позже Деменев узнал от Краснова, что части этого корпуса, погруженные в эшелоны, были разбросаны по восьми железным дорогам разных направлений так, что даже командиры полков не всегда знали, где находятся их сотни и эскадроны. В результате только в Пскове Краснову удалось разыскать штаб и некоторые части 3-го Конного корпуса и принять их под свое командование.

Получив новое назначение и прибыв в Псков, Краснов срочно собрал на совещание полковых и дивизионных командиров, которые к этому времени уже прибыли в Псков или находились

недалеко от него и имели связь со штабом корпуса. Командир 10-го Донского казачьего полка полковник Деменев, полк которого уже находился в Пскове, ехал на совещание к генералу Краснову с радостью. Ведь он почти два года служил и воевал под его началом, начиная с дивизии и заканчивая корпусом, которыми командовал Краснов. За это время они не один пуд соли съели вместе с ним. Наступали, проводили рейды по вражеским тылам, отступали, теряли в боях с врагом своих сослуживцев. И даже несколько дней в минской тюрьме вместе просидели в ожидании приговора военного трибунала. Они всегда понимали друг друга с полуслова. Поэтому Деменев и радовался предстоящей встрече со своим бывшими, а теперь уже и будущим командиром. Обрадовался и генерал Краснов, увидев на совещании бывшего заместителя начальника штаба 2-й Сводной казачьей дивизии и корпуса, а теперь командира родного ему 10-го Донского казачьего полка полковника Деменева. Сразу же после совещания Краснов поехал знакомиться с частями 3-го Конного корпуса, расположенными в Пскове и в его окрестностях, и начал с 10-го полка, в который поехал прямо с совещания вместе с Деменевым. Перед тем как отправиться в свой полк, Деменев сообщил начальнику штаба, что едет вместе с генералом Красновым, и приказал к их прибытию построить полк. И когда Краснов с Деменевым приехали в полк, то он уже был построен и встретил своего бывшего командира полка, а теперь уже командира корпуса, в парадном строю и в полном составе. Большинство казаков этого полка знали Краснова лично еще по тем временам, когда он им командовал, поэтому встретили его с радостью и ликованием. Осмотрев внешний вид личного состава полка, Краснов в целом остался доволен. Но у многих казаков обмундирование поизносилось и требовало замены. Требовался ремонт и замена конской сбруи. Но все это негде было взять, потому что централизованного снабжения армии уже давно не было, и каждый командир сам выкручивался, как мог. Кому-то удавалось где-то что-то раздобыть, приодеть и накормить своих людей, и они имели более-менее сносный вид. Но многие командиры были или не способны заниматься снабжением, или просто не хотели

обременять себя лишними заботами. Сами были сыты и одеты, а их подчиненные были предоставлены сами себе. Поэтому казакам ничего другого не оставалось, как митинговать и заниматься грабежами. За такое отношение к своим подчиненным многих офицеров казаки арестовали, а некоторых и расстреляли.

Из 10-го Донского казачьего полка Краснов вместе с Деменевым, которого он попросил поехать с ним, отправились осматривать другие полки и дивизии 3-го Конного корпуса, положение в которых оказалось намного хуже, чем Краснов и Деменев могли себе представить. Везде, куда они приезжали, генерала встречали не в строю, как это было в 10-м полку, а полуоборванной толпой. Офицеров среди солдат было очень мало, потому что одних солдаты арестовали, а другие сами устранились от своих обязанностей и вели разгульный образ жизни. Все руководство в дивизиях и полках взяли на себя солдатские комитеты. И во всех частях Краснову задавали один и тот же вопрос:

– Куда и зачем нас ведут?

На этот вопрос Петр Николаевич честно отвечал:

– Не знаю, – потому что он действительно не знал, зачем этот корпус везут в Петроград, хотя и догадывался, но никому об этом не говорил.

Не только в полках и дивизиях, но и в штабе 3-го Конного корпуса многие офицеры тоже были арестованы, а начальник штаба генерал Солнышкин после смерти бывшего командира корпуса генерала Крымова, который покончил жизнь самоубийством, запил и самоустранился от выполнения своих обязанностей. Поэтому с согласия штаба армии Краснову пришлось срочно заменить его полковником Деменевым. В это время в штаб корпуса приехали комиссары от Временного правительства, с помощью которых Краснову с Деменевым удалось убедить солдатские комитеты освободить арестованных офицеров, чтобы наладить в частях корпуса хотя бы элементарную дисциплину.

Волей-неволей, но в своей работе по руководству корпусом Краснову пришлось опираться на солдатские комитеты, с помощью которых ему удалось выгрузить из вагонов прибывшие

в Псков Приморский драгунский и Уссурийский казачьи полки и разместить их по деревням. Жизнь в корпусе понемногу стала налаживаться. Но неожиданно пришел приказ Керенского, который к этому времени арестовал Верховного главнокомандующего генерала Корнилова и сам занял эту должность: 1-ю Донскую казачью дивизию перебросить в район населенных пунктов Павловск—Царское Село, а Уссурийскую казачью дивизию сосредоточить в районе населенных пунктов Гатчина—Петергоф. Мотивировалось это тем, что финны и немцы намереваются высадиться в районах этих населенных пунктов. Но Краснов с Деменевым хорошо понимали, что никакой выброски ни финнов, ни немцев в этих районах не предполагается, а две наиболее надежные казачьи дивизии передислоцировали туда из Пскова для того, чтобы ослабить и без того низкую боеспособность 3-го Конного корпуса, опасаясь, чтобы он не пошел на Петроград и не выступил против Временного правительства. Но приказ Верховного главнокомандующего, хочешь не хочешь, а выполнять надо, и две казачьи дивизии заняли предписываемые им районы. А Петр Николаевич уехал в Царское Село к командирующему Петроградским военным округом генералу Теплову, который сообщил Краснову, что 3-й Конный корпус направляется в Петроград для подавления вышедшего из повиновения Петроградского военного гарнизона. Но никакой боевой задачи 3-му Конному корпусу генерал Теплов не поставил, а сказал Краснову, что он и сам не знает, что и как нужно делать. Вернувшись в корпус, Краснов направил генералу Алексееву, который главкомверхом Керенским был назначен начальником Генерального штаба, докладную записку, в которой охарактеризовал обстановку в 3-м Конном корпусе, и предложил убрать подальше от Петрограда неблагонадежную Уссурийскую казачью дивизию, а вместо нее влить в корпус Гвардейскую и 2-ю Сводную казачью дивизии. Кроме того, он предложил три окончательно «разложившихся» казачьих полка отправить на Дон для «перевоспитания».

Глава 5. Северный фронт

Но генерал Алексеев отклонил предложение Краснова и приказал ему 3-й Конный корпус в полном составе направить в район города Остров, где он должен войти в резерв командующего 5-й армией Северного фронта генерала Бурцева. Во исполнение этого приказа 3-й Конный корпус был переброшен в указанный район и размещен по окрестным деревням. Сосредоточенные в Острове подразделения 3-го Конного корпуса, хоть и были частично деморализованы, но все-таки представляли серьезную силу. Краснов максимум внимания уделял боевой подготовке личного состава корпуса, обеспечению солдат и казаков обмундированием, питанием и другими необходимыми вещами, а лошадей сбруей и фуражом. И, несмотря на огромные трудности, ему в этом отношении многое удалось сделать. Но корпус по-прежнему почему-то продолжали растаскивать на части. И способствовал этому в первую очередь командующий Северным фронтом генерал Черемисов, который в начале октября 1917 года приказал Краснову, кроме уже взятых из корпуса Донской и Уссурийской казачьих дивизий, направить две сотни казаков в Старую Руссу, две сотни – в Торопец, две сотни – в Осташков, два полка – в Ревель и один полк – в Витебск. Все эти части были отправлены в указанные районы вместе с пушками. И делалось все это под предлогом опасности наступления немцев. А во второй половине октября 1917 года по приказу генерала Черемисова Краснов вынужден был направить еще шесть сотен с четырьмя орудиями в населенный пункт Боровичи для подавления мятежа, где солдаты убили начальника военного гарнизона и командира полка и вышли из подчинения командования дивизией. В результате всех этих растаскиваний от грозной силы 3-го Конного корпуса, состоящего из пятидесяти сотен, осталось всего восемнадцать, и то из разных полков, а из 24 орудий – только половина. А приказы в штаб корпуса следовали один за другим, и при этом часто противоречили один другому. Так 23 октября

1917 года командующий Северным фронтом генерал Черемисов приказал передислоцировать остатки 3-го Конного корпуса в район населенных пунктов Старый Пебальч и Вендетта. Но не успел штаб подготовить войска корпуса к передислокации, как на другой день Краснов получил приказ Керенского – срочно направить Донскую казачью дивизию в Петроград для подавления готовящегося там большевистского переворота. Краснов вернул в Лугу тех донских казаков, которые ранее по приказу генерала Черемисова были отправлены в Ревель и Новгород, и, сосредоточив в Луге всю Донскую казачью дивизию, решил направить ее в Петроград походным маршем, чтобы не связывать ее войска с железнодорожными путями, которые полностью были забиты железнодорожными составами, и, чтобы попасть по железной дороге в Петроград, потребовалось бы несколько суток. Но не успели подготовить эту дивизию к походу, как из штаба 5-й армии поступило сообщение, что Временное правительство низвергнуто. Керенский бежал из Петрограда. Власть в России перешла в руки большевиков во главе с Лениным и Троцким. В сложившейся ситуации перед Красновым встал вопрос: кому подчиняться? Назначил его на должность командира корпуса Верховный главнокомандующий генерал Корнилов. Но Керенский сместил Корнилова с этой должности и сам стал главнокомверхом, которому Краснов тоже подчинялся и выполнял его приказы, надеясь, что под его руководством дисциплина в армии будет восстановлена и в ней будет наведен должный порядок, а с помощью армии порядок будет наведен не только в Петрограде, но и во всей стране. Но теперь самого Керенского и его правительства уже нет. А в большевистскую пропаганду, обещающую народу мир и землю, Краснов не верил. Он был убежден, что такие обещания разлагают армию и дают солдатам возможность бросать оружие и расходиться по домам, оставляя Россию на растерзание германцам. С таким вариантом развития событий Краснов смириться не мог. Поэтому он стал ярким противником большевиков и стал готовить войска своего корпуса к борьбе с ними. Но теперь, когда Временное правительство низвергнуто, спасать его и самого Керенского необходимость отпала, а значит, и

в Петроград спешить больше незачем. И, тем не менее, Краснов понимал, что, только освободив Петроград от большевиков и ликвидировав советское правительство, в России можно будет навести порядок. Но он также прекрасно понимал и то, что имеющимися в его подчинении силами идти на большевистский Петроград бессмысленно. Для того чтобы победить большевиков, нужно собрать воедино хотя бы все части 3-го Конного корпуса и только после этого выступать на Петроград. Поэтому Краснов решил встретиться с командующим Северным фронтом генералом Черемисовым, чтобы добиться возврата всех частей 3-го Конного корпуса в Лугу и получить задание, где и как дальше задействовать этот корпус. Приняв такое решение, Краснов вместе с начальником штаба корпуса полковником Деменевым уехал в Псков в штаб фронта. Но Черемисов тоже не знал, что делать в сложившейся ситуации. Поэтому никаких разъяснений и указаний Краснову не дал. Не дал Черемисов добро и на передислокацию войск 3-го Конного корпуса в Лугу, сославшись на то, что там, где они сейчас находятся, они нужнее, чем в Луге. Тогда Краснов с Деменевым пошли к комиссару Временного правительства Войтинскому, который сообщил им, что в Пскове находится сам Керенский, бежавший из Петрограда на автомобиле с американским флагом. Узнав об этом, Краснов попросил комиссара организовать встречу с Керенским. Войтинский согласился и проводил офицеров в помещение, где находился глава бывшего Временного правительства. А когда Краснов и Деменев вошли туда, Керенский сказал:

– Генерал! Я приказываю Вам немедленно выступить со своим корпусом на Петроград для подавления там большевистского переворота. Вам ясно, генерал?

– Так точно, ваше превосходительство. Только корпуса у меня практически нет и идти на Петроград некому, – сказал Краснов.

– Где же он? – спросил Керенский.

– На сегодняшний день в моем подчинении находится только одна – Донская казачья дивизия, которой будет недостаточно для того, чтобы выбить большевиков из Петрограда. А остальные части 3-го Конного корпуса по приказу командующего Северным

фронтом генерала Черемисова разбросаны по разным городам России, – ответил Краснов.

– Скажите, генерал, в каких городах находятся части вашего корпуса и что требуется для того, чтобы немедленно собрать их в одном месте и выступить на Петроград? – снова спросил Керенский.

Краснов объяснил бывшему главкомверху, в каких конкретно городах находятся части 3-го Конного корпуса, и сказал:

– Для того чтобы отозвать их оттуда и сосредоточить в одном месте, нужен Ваш приказ: генералу Черемисову – вернуть все войска этого корпуса в мое распоряжение, а начальникам железных дорог – обеспечить беспрепятственное продвижение эшелонов с этими войсками в Лугу. Но если даже и соберутся все войска 3-го Конного корпуса вместе, то все равно будет недостаточно сил для того, чтобы победить большевиков. Слишком большими военными силами они располагают. Большевистское правительство поддерживают рабочие-красногвардейцы, матросы и большинство солдат Петроградского гарнизона. Поэтому чтобы победить большевиков, нужны дополнительные силы.

– Вы, генерал, получите не только все части вашего 3-го Конного корпуса, но и дополнительно к ним 37-ю пехотную и 1-ю кавалерийскую дивизии, а также весь 16-й армейский корпус, – сказал Керенский и спросил:

– Такого количества войск, надеюсь, хватит для выполнения поставленной перед вами задачи?

– Да, такими силами Петроград будет освобожден от большевистской заразы. Но только когда все эти части соберутся в Луге, неизвестно, – ответил Краснов.

– Не сомневайтесь, генерал. Я отдам генералу Черемисову и начальникам железных дорог соответствующий приказ, и все эти войска немедленно прибудут в Лугу. Так что можете считать, что все эти части уже находятся под вашим командованием, – ответил Керенский.

Получив такие обнадеживающие обещания, Краснов и Демев собрались уходить. Но Керенский остановил их и спросил:

– Вы куда, господа?

– В Остров, ваше превосходительство, – ответил Краснов.

– Я поеду с вами, – сказал Керенский и велел подать автомобиль.

Приехав в Остров, Керенский приказал Краснову собрать на митинг солдатские комитеты, чтобы поговорить с ними о предстоящем штурме большевистского Петрограда. Посоветовавшись с Деменевым, Краснов решил собрать на митинг комитетчиков не только своего корпуса и приданных ему частей, но и офицеров и всех остальных желающих послушать бывшего главкомверха и временного правителя России. Людей собралось много, и Керенский стал объяснять присутствующим, что Февральская революция свершилась без крови, и Временное правительство, пришедшее мирным путем на смену прогнившему самодержавию, навело бы порядок в стране и помогло бы нашим союзникам довести войну до победного конца. Но большевики не дали это сделать. Они незаконно захватили власть и хотят ввергнуть Россию в гражданскую войну, в ходе которой вся страна будет залита кровью, а также хотят открыть фронт и отдать Россию на растерзание германцам. И если большевикам удастся осуществить свои планы, то это будет предательство как по отношению к российскому народу, так и по отношению к нашим союзникам. Такого развития событий допустить нельзя. Поэтому на присутствующих возлагается задача очистить Петроград от большевиков и вернуть власть законно избранному Временному правительству.

– Врешь! Большевики обещают дать всем людям мир, крестьянам землю, а рабочим фабрики и заводы. А ты нас опять в окопы хочешь затащить, вшей кормить, – раздались крики среди присутствующих.

– Братцы! Не слушайте его! Если ему нужна эта война, пусть он сам и воюет. А нам она не нужна, – продолжали кричать в зале.

Керенский замолчал, а затем нерешительной походкой вышел из зала. И как только бывший временный правитель России покинул зал, на его место вышел матрос, который сказал:

– Братья-казаки! Керенский призывает вас воевать против питерцев и продолжать войну с немцами и австро-венграми. Но вы не слушайте его и его генералов, которые ради своих интересов

жаждут вашей крови. Бросайте оружие и возвращайтесь в свои станицы, где вас ждут ваши семьи.

– Правильно говорит матрос, – снова послышались голоса казаков, – нам не нужна эта война. Мы не хотим и не будем напрасно проливать свою кровь и кровь своих соотечественников-петроградцев.

Но не все казаки были такого же мнения. Среди них нашлись и сторонники Керенского, которые обвинили комитетчиков в том, что они продались большевикам, и покинули зал. А вслед за ними ушли и остальные приглашенные. В зале остались только комитетчики, которые немного поспорили между собой и тоже разошлись, не приняв никакого решения. А когда митинг комитетчиков закончился, и Краснов и Деменев зашли в комнату Керенского, тот спросил у Краснова:

– Генерал, Вы решили с руководством станции насчет вагона?

– Да, ваше превосходительство, – ответил Краснов. – Вагон скоро будет подан. А для сопровождения Вашего автомобиля в пути следования до станции выделен взвод донских казаков.

– Хорошо, – сказал Керенский и добавил: – Вам, генерал, я приказываю немедленно начать поход на Петроград, где уничтожить войска, поддерживающие большевиков, и арестовать Ленина и Троцкого.

Краснов, нахмурившись, возразил:

– Я, ваше превосходительство, жду прибытия обещанных Вами войск, которых в моем распоряжении до сих пор нет.

– В этой ситуации вся надежда только на казаков, и мы должны на них опираться, – сказал Керенский, после чего пригласил Краснова и Деменева в свой автомобиль и вместе с ними, в сопровождении взвода конных казаков, уехал на станцию.

Когда они прибыли туда, их встретил почетный караул, состоящий из одной сотни казаков. Поздоровавшись с казаками и услышав их дружное «Здравия желаем, господин Верховный главнокомандующий!», Керенский сказал:

– А Вы, генерал, сомневались в казаках. Вот настоящие защитники нашего Отечества! С такими орлами мы любого врага победим.

Керенский вместе с Красновым и Деменевым поднялся в вагон, и они стали ждать отправления поезда. Но вместо этого в вагон Керенского вбежал начальник станции и сообщил Краснову, что машинисты отказываются вести поезд с Керенским, так как боятся расправы со стороны большевиков. Выслушав начальника станции, Краснов вызвал к себе командира Енисейской казачьей сотни есаула Коршунова, который когда-то работал на паровозе помощником машиниста, и приказал ему вести этот поезд без остановок до самой Гатчины. И Коршунов повел поезд по намеченному маршруту. А в Пскове состав попытались остановить солдаты и даже обстреляли его. Но никто при этом не пострадал, и поезд с Керенским без последствий на полном ходу проскочил Псков и остановился только на каком-то маленьком полустанке, чтобы пропустить встречный состав. После чего состав продолжил идти без остановок до конца намеченного пути. На подъезде к Гатчине в купе, в котором ехали Краснов с Деменевым, быстрым шагом, почти бегом, вошел Керенский и с ходу, без всяких предисловий, сказал Краснову:

– Генерал! Я назначаю Вас командующим армией, идущей на Петроград очищать город от большевиков. Поздравляю Вас, генерал!

Когда Керенский вышел из купе, Краснов сказал Деменеву:

– Командующий армией, состоящей всего из десяти казацких сотен? Негусто.

На рассвете поезд прибыл на станцию Гатчина-товарная, где, выгрузившись из вагонов, казаки с ходу заняли железнодорожную станцию, узел связи и разоружили несколько рот солдат лейб-гвардии Измайловского полка, поддерживавших сторону большевиков. В результате Гатчина оказалась в руках казаков и стала исходной точкой для похода армии Краснова на большевистский Петроград.

В этот же день армия Краснова пополнилась двумя сотнями казаков с двумя пушками, которые прибыли в Гатчину из Новгорода. А вскоре Краснова вызвал к себе Керенский, который расположился в гатчинском замке. Вернувшись оттуда, Краснов сказал Деменеву, что Керенский приказал ему немедленно наступать на Петроград.

– Но с какими силами? – спросил Деменев.

– Вот и я задал такой же вопрос Керенскому, на который он мне ответил, что в Петрограде нам никто никакого сопротивления не окажет, – сказал Краснов.

– Но если там некому сопротивляться, то почему Керенский бежал оттуда и зачем нам туда наступать? – снова спросил Деменев.

– Я согласен с Вами, Герасим Владимирович. Но задать такой вопрос Керенскому я не мог. А приказ Верховного главнокомандующего, хоть и бывшего, мы обязаны выполнить. Поэтому будем готовиться к наступлению, – сказал Краснов.

От офицеров, прибывших из Петроградского военного гарнизона в Гатчину, стало известно, что в Петрограде идет борьба между большевиками и сторонниками Временного правительства. Большевиков поддерживают вооруженные отряды рабочих и матросов. А сторонники Временного правительства в лице какого-то «Комитета спасения Родины и революции», которые создали новое Временное правительство без Керенского, ведут агитацию в частях Петроградского военного гарнизона, чтобы солдаты переходили на их сторону. Но солдаты гарнизона колеблются, не зная, чью сторону им принять.

А тем временем в Гатчину, хоть и медленно, стали прибывать некоторые части, обещанные Керенским. В результате чего так называемая армия Краснова к моменту наступления на Петроград насчитывала 16 тысяч человек, среди которых было около одной тысячи казаков. Наступление красновской армии началось на рассвете 27 октября 1917 года. Но недалеко от Царского Села ее войска наткнулись на заставу, состоящую из одной роты солдат, которых казаки с ходу могли бы изрубить саблями и расчистить себе дорогу для дальнейшего наступления армии. Но Краснов не разрешил казакам вступить с солдатами в бой, а приказал своим войскам остановиться и предложил вступить с солдатами в переговоры, на которые отправил членов солдатского комитета. И вскоре заставка без боя сложила оружие, и красновские войска продолжили движение. Но когда они поравнялись с Царским Селом, с его стороны раздались выстрелы. Оказалось, что это была

линия обороны войск, поддерживающих большевистское правительство, которые преградили дорогу красновцам, и колонна вынуждена была снова остановиться. Но Краснов и на этот раз решил в бой не вступать, а провести переговоры, на которые сам вместе с Деменевым и членами солдатского комитета поехал в Царское Село и, увидев у ворот Царско-Сельского парка митингующих солдат, направился к ним. Подъехав к толпе митингующих, Краснов остановился и сказал:

– Солдаты, мы идем в Петроград, чтобы восстановить законное Временное правительство. Пропустите нас без боя. Зачем зря кровь проливать?

В поддержку предложения Краснова высказались и комитетчики. Мнения среди солдат разделились. Одни кричали: «Пусть едут», другие: «Не пропустим!». Краснов еще что-то хотел сказать солдатам, но не успел. В это время к толпе митингующих на автомобиле подъехал сам Керенский, который тоже начал убеждать солдат не оказывать сопротивления казакам и пропустить их в Петроград, чтобы они навели там порядок. Несколько минут Керенский убеждал солдат в недопущении братоубийственной войны и закончил свое выступление словами:

– Солдаты! Вы – опора России. На вас вся надежда Временного правительства. Не поддавайтесь на провокацию продажных большевиков и не поддерживайте их, а поворачивайте оружие против контрреволюционеров и вместе с казаками идите на большевистский Петроград. А если не хотите защищать законное Временное правительство, то не мешайте делать это казакам и без кровопролития пропустите их в Петроград.

Пока Керенский выступал перед солдатами, казаки по приказу Краснова стали разоружать солдат, которые почти без сопротивления сложили оружие и отправились в казармы. Керенский уехал, а армия Краснова без боя вступила в Царское Село. Но не успел Краснов отдать своим войскам соответствующие распоряжения о ходе дальнейшего наступления на Петроград, как к нему подошел эсер Б.В. Савинков, который предложил Краснову арестовать Керенского, чтобы самому стать во главе Временного

правительства. Но Краснов не принял предложение Савинкова. Не поддержали Савинкова и комиссары Временного правительства Станкевич и Войтинский, которые тоже приехали в Царское Село.

Сосредоточив свои войска в районе Царского Села, Краснов произвел частичную их перегруппировку и занялся подготовкой к дальнейшему наступлению на Петроград. Но долго заниматься этим Краснову не дали. Керенский и комиссары Станкевич и Войтинский потребовали от него немедленно возобновить наступление на Петроград. И оно возобновилось. Оставив пехоту в Царском Селе, Краснов с Деменевым повели казачьи полки в наступление на Пулково. Вместе с наступающими войсками Краснова пошли Савинков и еще два члена Временного правительства. Но недалеко продвинулись красновские войска. Вскоре они попали под обстрел дальнобойных пушек противника, а навстречу красновцам, под прикрытием броневиков, двигались густые цепи большевистских войск – рабочие-красногвардейцы, солдаты и матросы. Армия Краснова остановилась. Краснов дал команду казакам спешиться и открыть по пехоте противника ружейно-пулеметный огонь, а по броневикам – артиллерийский, а после уничтожения броневиков артиллерийский огонь перенести на вражескую пехоту. И после первых же орудийных выстрелов один броневик загорелся, а остальные повернули назад. Но, несмотря на пушечный и ружейно-пулеметный обстрел, цепи противника не остановились и не повернули обратно, а короткими перебежками продолжали наступать. Краснов дал команду своим войскам под прикрытием артиллерийского огня выдвигаться навстречу противнику. Казаки развернулись в цепь и пошли в наступление, но продолжалось оно недолго. Артиллерия большевиков подавила почти все казачьи артиллерийские батареи и пулеметные точки, в результате чего войска противника хоть и медленно, но продолжали наступать, неумолимо приближаясь к позициям красновцев.

Чем бы это сражение между двумя противоборствующими сторонами под Пулково закончилось, неизвестно. Но в самый разгар боя вернувшиеся из Царского Села интенданты, посланные туда

за боеприпасами, доложили Краснову, что команда, охраняющая склады с боеприпасами, соблюдает нейтралитет и отказалась выдать красновцам боеприпасы. Лишившись регулярного снабжения боеприпасами, армия Краснова утратила свою боеспособность и под натиском превосходящих сил противника повернула назад. В результате чего к исходу дня большевистские войска заняли населенные пункты Большое Кузьмино и Редкое Кузьмино, вышли на Варшавскую железную дорогу, приблизились к Царскому Селу и зашли в тыл красновских войск. Как дальше развивались бы события под Пулковом, неизвестно, но с наступлением ночи боевые действия с обеих сторон прекратились. Днем, в разгар боя, и Краснов, и Деменев забыли о находившихся в их армии членах Временного правительства. А вечером, когда бой стих и о них вспомнили, то оказалось, что только Савинков до конца дня находился среди казаков, а остальные двое неизвестно когда и куда сбежали.

В этот же вечер Краснов сказал Деменеву:

– Прорваться к Петрограду через Пулково у нашей армии не хватит сил, а другого пути у нас нет. Вся надежда только на Петроградский военный гарнизон и казачьи части, дислоцированные в Петрограде, которые, услышав бой под Пулковом, возможно, выступят против большевиков и ударят им в спину. Но если это не произошло в разгар боя в течение дня, то теперь, когда наша армия отошла от Пулкова на значительное расстояние, вряд ли это произойдет. И помощи нам ждать больше неоткуда.

Ночью Краснов собрал на совещание командиров полков, сотен и батарей, которым отдал свой последний приказ, предписывающий войскам своей армии отойти к Гатчине и занять там оборону. Но пока Краснов совещался с офицерами своей армии, казачьи комитеты, вместе с прибывшими к ним матросами, провели свое совещание, на котором матросы пообещали казакам беспрепятственно пропустить их на Дон, если они заключат мирный договор. Казаки согласились с предложением матросов и вместе с ними написали текст договора, который комитетчики принесли Краснову и убедили Петра Николаевича подписать его. Суть этого договора заключалась в следующем:

«Большевики прекращают боевые действия в Петрограде и против армии Краснова, а также объявляют полную амнистию всем офицерам и юнкерам, давшим подписку о неприменении оружия против советской власти. Краснов отводит свои войска от Лигово и Пулково, и пригороды этих населенных пунктов становятся нейтральными. Кавалерия армии Краснова остается в Царском Селе, Павловске и Петергофе только для охраны этих населенных пунктов. И ни та, ни другая сторона до окончания переговоров между Временным и большевистским правительствами не переходят указанной в договоре линии».

К утру войска армии Краснова отошли на указанные в договоре рубежи под Гатчину и заняли там оборону. Штаб армии разместился в Гатчинском дворце. В этом же дворце, под охраной казаков, разместился и сам Керенский. А утром к Краснову пришли казаки-комитетчики и группа матросов-переговорщиков во главе с матросом П.Е. Дыбенко с просьбой отдать матросам Керенского в обмен на Ленина. Ни Краснов, ни Деменев не поняли, шутил ли матрос Дыбенко, предлагая такую сделку, или действительно он так думал. Но Краснов не согласился с предложением Дыбенко и заявил, что пусть они сначала предъявят Ленина, а потом будет решаться вопрос с Керенским. А когда матросы с комитетчиками ушли и Краснов сказал Керенскому, что они требуют его выдачи, Александр Федорович, боясь, что казаки предадут его, попросил Краснова заменить казачий караул, охранявший его, юнкерами. Краснов выполнил просьбу Керенского и заменил караул. В середине дня к Краснову пришли комитетчики 9-го Донского казачьего полка тоже с требованием выдать им Керенского, чтобы доставить его в Смольный. Но Краснов и их требование отклонил. Сошлись на том, что для охраны Керенского, чтобы он не убежал, комитетчики поставят свой караул из надежных казаков. А когда комитетчики ушли и Краснов с Деменевым зашли к Керенскому, то Краснов сказал ему, что настало время бежать.

— Но как? Во дворе полно матросов и казаков, — сказал побледневший Керенский.

– Часовые стоят только у парадного подъезда здания, а другие выходы не охраняются, и через них можно выйти из дворца незамеченным, – ответил Краснов.

Выйдя от Керенского, он намеренно затянул сбор казачьего караула, а когда тот пришел и стал осматривать помещение, в котором должен был находиться Керенский, то оказалось, что его там нет. Как ему удалось пройти незамеченным через двор Гатчинского дворца, забитый казаками и матросами, никому, даже самому Краснову, было неизвестно.

Не обнаружив в Гатчинском дворце бывшего временного правителя, казаки возмутились и стали кричать на Краснова, что, дав возможность Керенскому бежать, он предал их, и за это его нужно арестовать. Чем бы этот конфликт между казаками и командармом закончился, неизвестно. Скорее всего, казаки арестовали бы Краснова, а возможно, и расстреляли. Но тут случилось непредвиденное. В Гатчину стали входить большевистские войска. Первым пришел лейб-гвардии Финляндский полк. Вслед за Финляндским полком в Гатчину вошли матросы, а за ними красногвардейцы. В массе этих войск казаки совершенно растворились и оказались в плену у большевиков, вырваться из которого уже не было никакой возможности. В такой обстановке казакам стало не до внутренних разборок. Теперь нужно было думать, как вырваться из окружения большевистских войск и уйти на Дон. Казаки поняли, что в одиночку сделать это невозможно. Вырваться из Гатчины можно было только организованно и под руководством такого опытного командира, как Краснов. И не ошиблись. Через несколько дней Краснову удалось без боя вывести казаков своей армии из Гатчины и отправить их в Великие Луки. Пока армия Краснова находилась в Гатчине, несмотря на наличие войск с разными взглядами на создавшуюся в стране обстановку, эксцессов почти не было. Если где-то матросы и пытались приставать к казакам и офицерам, то матрос Дыбенко останавливал их, и конфликт на этом заканчивался. А в конце дня к Краснову пришли матрос Дыбенко и подпоручик гвардейского полка Тарасов, которые предупредили его, что на следующий день к 10 часам утра он

должен явиться в Смольный, чтобы решить дальнейшую судьбу казаков.

– Отказываться от этой поездки я Вам не советую, – сказал Дыбенко, – потому что в противном случае придется Вас арестовать и доставить туда под конвоем, а всех ваших казаков разоружить. Так не лучше ли Вам, генерал, отправиться с нами добровольно.

После такой постановки вопроса Краснову ничего другого не осталось, как согласиться с предложением Дыбенко. Только он попросил взять с собой своего адъютанта Чеботарева и начальника штаба корпуса Деменева. Дыбенко возражать не стал, и на этом разговор закончился. И утром на второй день Краснов, Чеботарев, Деменев и Тарасов отправились в Петроград. По пути под Пулковую машину обстреляли красногвардейцы. Но, слава богу, никто не пострадал, и машина благополучно приехала в Петроград. Приехавших офицеров сопровождали в Смольный и завели в комнату, у дверей которой стоял караул из двух матросов. В комнате уже находилось несколько человек, и некоторые из них были знакомы Краснову.

– Это арест? – спросил Краснов у Тарасова.

– Нет, это временное задержание до выяснения, кто может Вас принять, – ответил тот и ушел.

Вернулся Тарасов вместе с каким-то матросом только к вечеру и, сказав Краснову, что этот матрос будет его допрашивать, снова ушел. А пришедший с Тарасовым матрос дал Краснову бумагу, чернила и ручку и попросил его написать, по чьему приказу казаки наступали на Петроград и как бежал из Гатчинского дворца Керенский. Краснов и Деменев письменно ответили на заданные вопросы и отдали бумагу матросу.

– Теперь мы свободны? – спросил Краснов.

Но матрос, ничего не ответив, ушел. А Краснов, Деменев и Чеботарев вместе с остальными арестованными остались коротать ночь в заточении и неизвестности об их дальнейшей судьбе. Ночью некоторых арестованных куда-то вызывали, после чего одних отпускали, а другие возвращались обратно. К полуночи в комнате

остались всего восемь человек. Утром Краснова, Деменева и Чеботарева привели в комнату, где за столом сидел человек с погонами прапорщика, который представился Н.В. Крыленко, и сказал:

– Ваше превосходительство, у нас возникли разногласия с казачьим комитетом по поводу пушек, которые мы должны забрать у казаков и отправить на фронт. Но казаки не отдают их, поэтому я прошу Вас, ваше превосходительство, приказать артиллеристам сдать пушки.

– Нет, – сказал Краснов, – такого приказа я им не отдам, а сами артиллеристы, пока живы, никогда и никому свои пушки не отдадут.

Получив от генерала отказ сдать казацкие пушки, Крыленко пригласил в свою комнату солдатские и казацкие комитеты, которые долго обсуждали этот вопрос и в конце концов обоюдно решили оставить пушки казакам. А когда вопрос с пушками был решен, то Краснов напомнил Крыленко, что его обещали отпустить через час, а держат в этом гадюшнике уже целые сутки. На что Крыленко ответил, что прибывших вместе с ним офицеров он может отпустить хоть сейчас, а его, Краснова, до прояснения сути дела он отпустить не может. Но и здесь держать его нет подходящих условий. Поэтому Крыленко посоветовал Краснову поселиться где-нибудь в Петрограде, а его офицеры могут ехать в Гатчину или остаться вместе с ним.

– У меня в Петрограде есть квартира, и мы все вместе можем поселиться там, – ответил Краснов.

– Прекрасно, – сказал Крыленко, – назовите адрес, и вас отвезут на вашу квартиру. Но прежде чем отправить вас туда, я должен взять с вас подписку о невыезде из города и о неприменении оружия против советской власти.

Краснов, Деменев и Чеботарев написали такие расписки и отдали Крыленко, который, внимательно прочитав их, сказал:

– Хорошо, господа офицеры, советская власть вам верит и надеется, что свое офицерское слово вы сдержите.

После чего спросил:

– У вас ко мне есть еще какие-нибудь вопросы?

– Да, – сказал Краснов. – Я прошу Вас разрешить моему адъютанту Чеботареву съездить в Гатчину за моей женой и привезти ее в петроградскую квартиру.

Крыленко разрешил, и Чеботарев уехал в Гатчину, а Краснова и Деменева отправили обратно в комнату для арестованных. Вечером пришел Тарасов и сказал, что машина для их отправки на квартиру подана и ждет у подъезда. Но когда Краснов с Деменевым, в сопровождении Тарасова, вышел из арестантской комнаты, то солдаты и красногвардейцы окружили их и не хотели выпускать из здания Смольного. Одни кричали, что нужно расстрелять генерала на месте, другие – что его нужно отправить в военный трибунал. Чем все закончилось бы, неизвестно. Скорее всего, генерала Краснова расстреляли бы без суда и следствия здесь же во дворе Смольного, а вместе с ним и полковника Деменева. Но Краснову с Деменевым и на этот раз повезло. Неожиданно к ним подошла группа матросов во главе с боцманом огромного роста и богатырского телосложения, который сказал кричащим солдатам и красногвардейцам, что они генерала и полковника переводят в другое, более подходящее для их содержания помещение, и повели их по коридору. Затем открыли дверь одной из комнат и попросили офицеров пройти в нее. А когда они вместе с матросами зашли туда, то оказалось, что из этой маленькой комнаты есть выход из здания Смольного, через который матросы вывели офицеров во двор и посадили в машину «скорой помощи», а затем в сопровождении Тарасова и шести гвардейских матросов поехали в город. Когда машина выехала за территорию Смольного, боцман сказал:

– Простите, ваше превосходительство, так-то оно будет спокойней. А то как бы чего плохого не случилось.

А затем спросил:

– Куда Вас отвезти?

Генерал назвал адрес, и офицеров отвезли на квартиру Краснова.

Живя в петроградской квартире, Краснов с Деменевым пользовались полной свободой. Поэтому Краснову удалось через Донской казачий комитет добиться отправки эшелонов с казаками

своей армии в Великие Луки, куда стекались войска, не признавшие советскую власть. Вместе с войсками в Великие Луки отправился и штаб 3-го Конного корпуса, в наличии которого было два миллиона рублей денег, вагон нового обмундирования, два вагона продуктов и различного имущества, несколько машин и большое количество лошадей.

Но если войскам армии Краснова удалось вырваться из большевистского окружения, выехать из Гатчины и сосредоточиться в более-менее безопасном месте – Великих Луках, то сам командующий этой армией генерал Краснов и начальник штаба полковник Деменев, живя в Петрограде, по-прежнему находились в опасности. Краснов прекрасно понимал, что если в ближайшее время он не уедет из Петрограда, то его тоже арестуют, а вместе с ним могут арестовать Деменева и Чеботарева, которые жили в квартире Красновых. Но выехать из города, так же как и въехать в него, офицерам можно было только по специальным пропускам, выданным советской властью. Но Краснову и его офицерам, находящимся под подпиской о невыезде, рассчитывать на получение таких пропусков не приходилось. Поэтому они пытались получить их нелегально, что тоже было сделать не так-то просто. Но на этот раз Краснова и его офицеров выручили члены казацкого комитета 3-го Конного корпуса, сотник Карташов и подхорунжий Кривцов, которые 6 ноября 1917 года привезли им пропуска на выезд из Петрограда. И на второй день, как только наступили сумерки, Краснов с женой, которую Чеботарев привез из Гатчины в Петроград, Деменев, Кривцов и Чеботарев на штабной машине 3-го Конного корпуса поехали за город. И относительно благополучно выехав из Петрограда, в 10 часов вечера они уже были в Новгороде, где заправили машину горючим и поехали дальше. К утру следующего дня прибыли в Старую Руссу, сели на поезд и через сутки приехали в Великие Луки, где на железнодорожной станции уже стояли эшелоны 10-го Донского казачьего полка, готовые отправиться на Дон. Деменев предложил и Краснову уехать с этим полком на Дон. Но Петр Николаевич не принял это предложение и сказал, что еще не настало время ему уезжать из Великих Лук,

потому что свой долг перед 3-м Конным корпусом и армией он исполнил еще не до конца. В сложившейся ситуации он считал, что ему необходимо собрать все части своей армии в Великих Луках и только тогда в полном составе отправить их на Дон в распоряжение войскового атамана А.М. Каледина, который собирал под свое командование части, выступающие против большевиков. Каледин вместе с генералом Корниловым, бежавшим из-под ареста на Дон и вступившим в командование Добровольческой белой армией, вел бои с отрядами Красной гвардии и на корню уничтожал зарождающуюся на Дону советскую власть. Но быстро собрать все казачьи части в Великих Луках и организованно отправить их на Дон Краснову не удалось. И чем дольше казаки находились в этом городе, тем глубже проникала в их сознание большевистская пропаганда, под воздействием которой среди казаков началось массовое организованное дезертирство. Казаки вместе с офицерами уезжали в свои родные края большими группами, сотнями, эскадронами, полками и даже дивизиями с оружием и лошадьми. Но не к Каледину, чтобы сражаться с большевиками за свободу Дона, а домой в свои станицы, к своим семьям, чтобы обрабатывать землю. Первой вышла из повиновения 1-я Донская казачья дивизия, которая 12 ноября 1917 года самовольно стала грузиться в эшелоны для отправки на Дон. За ней стала требовать отправки домой Уссурийская казачья дивизия, которую Краснов тоже планировал отправить на Дон к Каледину. Но солдатский комитет этой дивизии добился у командующего фронтом Крыленко разрешения, и дивизия в первой декаде декабря 1917 года погрузилась в эшелоны и отправилась на Дальний Восток. Ненадолго задержались в Великих Луках и уральские казаки, которые небольшими группами тоже самовольно стали уезжать домой. Небольшая часть казаков перешла на сторону большевиков. Все это привело к тому, что численность армии Краснова таяла с каждым днем, и к середине декабря 1917 года от нее остались только команда штаба 3-го Конного казачьего корпуса и небольшое количество офицеров других частей, не уехавших вместе со своими частями домой. А для оставшихся в Великих Луках красновцев положение с каждым днем

становилось все сложнее и сложнее. Солдаты стали убивать офицеров. Поэтому им приходилось переодеваться в гражданскую одежду. Но и это их не спасало. Казаки знали офицеров в лицо и вместе с солдатами по-прежнему расправлялись с ними.

Краснов с Деменевым тоже опасались за свои жизни. Поэтому Краснов решил, что и им настало время бежать на Дон. Но как это сделать? Ведь они постоянно находятся на виду у команды штаба и других офицеров, которые все еще верили своему командарму и ждали его приказа. Одному Краснову бежать было несложно. Он ежедневно свободно и без охраны выезжал за город верхом на коне на прогулку, чем мог воспользоваться и не вернуться в штаб. Но в этом случае ему пришлось бы оставить в Великих Луках на произвол судьбы жену и офицеров. Кроме людей здесь остались бы имущество и деньги 3-го Конного корпуса, которые достались бы большевикам. Так поступить Краснов не мог, поэтому он стал искать другой выход из создавшегося положения.

За то время, пока Краснов находился в Великих Луках, он познакомился с местным комиссаром Пучковым, через которого добился пропуска эшелона с остатками своей армии в Пятигорск, якобы для ее окончательного расформирования. На самом же деле он хотел остановить эшелон в станице Великокняжеской и передать все свои войска, имущество и деньги генералу Каледину. Но, несмотря на обещания Пучкова, эшелон на Пятигорск все никак не подавали, и Краснов с остатками своей армии вынужден был томиться на станции в Великих Луках, рискуя потерять не только имущество и деньги корпуса, но и свою жизнь. А в первой декаде января 1918 года пришло распоряжение: все деньги, имеющиеся в корпусе, сдать Великокняжескому уездному казначейству. Оставшись без людей и денег, 3-й Конный корпус, а вместе с ним вся армия Краснова, практически перестали существовать, и передавать Каледину стало нечего.

В середине января 1918 года долгожданный эшелон подали, и остатки красновских войск, погрузив имущество, машины и лошадей в вагоны, отправились в Пятигорск. Но Краснов с этим составом в Пятигорск не поехал, а вместе с женой уехал в Москву навестить родственников. После чего он хотел догнать этот эшелон

в пути и на нем, вместе с казаками, уехать к Каледину. И, как впоследствии оказалось, эта поездка Краснова в Москву спасла ему жизнь. Эшелон с казаками армии Краснова и Деменевым, которого при отправке состава из Великих Лук Краснов назначил старшим, благополучно, без всяких эксцессов, шел в направлении Пятигорска. Но когда поезд прибыл в Царицын и остановился, чтобы заправиться водой и запастись углем, большевики загнали его в тупик и конфисковали все имущество, машины и лошадей, а также тщательно осмотрели все вагоны состава в поисках Краснова, которого военный трибунал заочно приговорил к смертной казни – расстрелу, и теперь его повсюду разыскивали солдаты, матросы и красногвардейцы. Фотографии Краснова развесили по всему городу Царицыну и на всех станциях от Царицына до Пятигорска. А когда Петр Николаевич с женой вернулся из Москвы, догнал в Царицыне свой эшелон и узнал обо всем этом, то понял, что надеяться на благоразумие большевиков больше нельзя, поэтому решил тайно пробираться на Дон. Приняв такое решение, Краснов раздобыл фальшивые документы на фамилию Гринейзен (девичья фамилия жены Краснова), переоделся в гражданскую одежду и, оставив в Царицыне офицеров и команду своего штаба, в переполненном до отказа общем вагоне пассажирского поезда вместе с женой уехал на станцию Тихорецкую.

А Деменев с остатками армии Краснова из Царицына уехал в Пятигорск, а затем в Новочеркасск, который к этому времени уже был занят красными, которые прибывших туда красновцев на Дон не пропустили, а предложили им вступить в Красную армию или разойтись по домам. Деменев выбрал последнее и, переодевшись в гражданскую одежду, уехал домой. Также поступили большинство казаков и офицеров 3-го Конного корпуса и всей армии Краснова. И лишь незначительная часть казаков перешла на сторону красных.

С тех пор пути Краснова и Деменева разошлись уже навсегда. Но, несмотря на это, они еще долго находились в непосредственной близости друг от друга, но только уже по разные стороны линии фронта.

Часть вторая
Командарм С. М. Буденный

Глава 1. Русско-турецкий фронт

Вернулся Деменев в свою родную станицу Платовскую в середине февраля 1918 года, где его встретили только престарелые родители. Все его сестры к этому времени вышли замуж и жили своими семьями отдельно от родителей, а некоторые и вдалеке от них. А все четыре брата, видимо, погибли на фронтах Первой мировой войны, потому что ни от одного из них за последний год не было никаких вестей. Последнее письмо родители Герасима получили от среднего сына Михаила еще в январе 1917 года, и с тех пор Деменевы больше не получили от своих сыновей ни одного письма. И Герасима они тоже считали погибшим, потому что за последний год он им ни разу не написал. В круговерти последних событий в стране ему, офицеру высокого ранга, просто было не до этого. Да и почта в наступившей в стране неразберихе работала из рук вон плохо. Отдохнув немного, Герасим стал помогать родителям вести домашнее хозяйство, которое за последние годы из-за отсутствия крепких мужских рук пришло в запустение.

В станице Платовской Герасим Деменев снова встретился со своим старым боевым товарищем Семеном Буденным, который вернулся домой еще в ноябре 1917 года, и вместе с местным казаком Окой Городовиковым работал инструктором при станичном правлении, где они обучали молодых казаков верховой езде и владению холодным оружием. За время разлуки друзей Семен Буденный стал обладателем полного банта Георгиевского кавалера. Произошло это знаменательное для него событие на русско-турецком фронте в 1916 году.

Прибыв с Кавказского фронта на Украину, Кавказская кавалерийская дивизия четыре месяца простояла в городе Проскурове, а в начале января 1916 года ее снова перебросили в город Баку, где включили в состав русского экспедиционного корпуса, который в середине января 1916 года на пароходах через Каспийское море переправили в Персию.

Высадившись в порту города Энзели, корпус походным маршем направился на город Багдад.

Узнав о движении русских войск, турецкое командование прилагало максимум усилий для того, чтобы задержать их. Турецкие конные отряды и днем, и ночью нападали на колонны российских войск, пытаясь остановить их движение. Но наши драгуны сравнительно легко отбивали турецкие атаки, и корпус продолжал двигаться по намеченному пути. Первое серьезное сопротивление нашим войскам турки оказали под городом Менджиль на мосту через реку Сефидруд. Здесь, на левом берегу этой реки, они заминировали подход к мосту, а на правом берегу установили пушки и пулеметы и открыли по нашим войскам ураганный огонь, не давая им возможности даже приблизиться к мосту. Встретив такое мощное и хорошо подготовленное сопротивление турок, корпус вынужден был остановиться и вступить с ними в бой. С полудня и до позднего вечера продолжалась артиллерийско-пулеметная дуэль обеих противоборствующих сторон. Но выбить турок, вкопавшихся в землю на правом берегу реки, нашим войскам в этот день не удалось. С наступлением ночи бой с обеих сторон прекратился. Чтобы наметить план дальнейших боевых действий, командованию корпусом необходимо было узнать, что происходит на правом берегу реки и какими силами турки там располагают. Для этого нужно было провести разведку на вражеской территории и взять толкового «языка». На выполнение этого задания на турецкий берег реки ночью была послана группа разведчиков, которые взяли в плен турецкого старшего унтер-офицера и благополучно доставили его в расположение корпуса. Будучи нижним чином, пленный турок не мог точно знать, сколько и какие силы находятся на правом берегу реки. Но места расположения пулеметных и артиллерийских точек на карте показал, а также сообщил некоторые другие сведения, интересующие командование корпуса. В ходе допроса пленного турка выяснилось, что он является командиром саперного взвода, устанавливавшего мины на левом берегу реки на подступах к мосту и на самом мосту, который в случае отступления турецких войск будет взорван, чтобы задержать дальнейшее

продвижение русских хотя бы на несколько дней. Узнав, что мост заминирован и в любую минуту может быть взорван, командование корпуса озадачилось вопросом, что делать. Понятно было, что если турки взорвут мост, то навести новую переправу через Сефидруд под артиллерийским и пулеметным огнем противника будет очень сложно. В результате чего на форсирование реки потребуется слишком много времени, за которое турки в других удобных для них местах создадут новую, возможно, еще более прочную, чем здесь, оборону, на преодоление которой опять придется потратить много времени и сил.

Такого развития событий допустить было нельзя. Поэтому решено было под покровом ночи разминировать мост и уничтожить пулеметные и артиллерийские точки противника, после чего на рассвете форсировать нашей конницей мост и отбросить турок как можно дальше от реки, чтобы дать возможность остальным войскам корпуса перейти мост. На выполнение этого задания были направлены две группы. Одна, состоящая из пяти очень опытных саперов-водолазов, – на разминирование моста, а другая, состоящая из взвода драгун, под командованием Буденного, – на уничтожение артиллерийских и пулеметных точек противника. Под покровом ночи взвод Буденного тихим шагом отошел на два километра от моста и вплавь в ледяной воде вместе с лошадьми переправился на правый берег реки, где, разделившись на две равные части, на рассвете приступил к выполнению задания командования. Одна часть взвода пошла на уничтожение артиллерийских, а другая – пулеметных точек противника. Вихрем налетели буденовцы на дремавших турок с тыла, шашками изрубили их пушечные и пулеметные боевые расчеты, а с пушек и пулеметов сняли затворы. После чего ракетой дали сигнал о выполненном задании и пошли по тылу турецких войск, уничтожая их живую силу. К этому времени и саперы-водолазы уже выполнили свое задание – разминировали мост. Поэтому, получив сигнал от Буденного, наша конница ринулась на мост и, изрубив шашками турок, охранявших его, стремительно проскочила на правый берег реки. Дерзкое уничтожение артиллерийских и пулеметных точек, а также

стремительная атака русской конницы для турок оказались настолько неожиданными, что они почти без сопротивления в панике стали разбегаться в разные стороны. Но драгуны, не дав им опомниться, беспощадно рубили их шашками. В ходе этого короткого боя наши драгуны уничтожили большое количество турок, а оставшихся в живых отбросили на значительное расстояние от моста. Все это позволило остальным войскам русского экспедиционного корпуса спокойно перейти мост и продолжить поход.

За блестящее выполнение этого задания все разведчики, саперы-водолазы и драгуны взвода Буденного получили различные награды, а командир взвода Семен Буденный – Георгиевский крест II степени.

Но, потерпев поражение на реке Сефидруд и в городе Менджиль, турки не прекратили препятствовать движению русского корпуса. Их отряды по-прежнему продолжали нападать на его колонны. Но все эти нападения были в основном незначительны, и нашим драгунам удавалось отбивать их без остановки движения корпуса. И только в наиболее крупных населенных пунктах, таких как Казвин, Султанбулак, Хамадан, Асадабад и Кенгавер, через которые вела дорога на Багдад, турки оказывали более серьезное сопротивление, для подавления которого войскам корпуса приходилось останавливаться и вести ожесточенные бои, продолжавшиеся в течение нескольких часов, а иногда и дней. И чем ближе русский экспедиционный корпус подходил к Багдаду, тем сильнее турки оказывали сопротивление. Но самое сильное противодействие они оказали под городом Керманшахом, сломить которое с ходу нашим войскам не удалось, в результате чего корпус вынужден был остановиться и перейти к обороне. А турки, несмотря на то, что в районе Керманшаха уже находилась крупная группировка их войск, продолжали наращивать здесь свои силы – подтягивая дополнительные свежие части и вооружение. По всему видно было, что турки готовятся к атаке.

Чтобы узнать обстановку в стане врага, командованию русским экспедиционным корпусом как воздух нужны были «языки», за которыми в тыл противника была направлена группа из пяти

пластунов (кавалеристов без лошадей) во главе с командиром драгунского взвода Семеном Буденным. Под покровом ночи лазутчики проникли в расположение турецких войск, скрытно пересекли три линии вражеской обороны, захватили старшего турецкого офицера со штабными документами и благополучно без потерь вернулись обратно. Захваченные группой Буденного документы и «язык» оказались настолько ценными, что командованию русским корпусом стали известны все подробности о турецкой группировке войск в районе Керманшаха.

За этот подвиг вся группа буденновцев-разведчиков была награждена Георгиевскими крестами различных степеней, а Семен Буденный – Георгиевским крестом I степени. По Георгиевскому статусу ему полагался высший унтер-офицерский чин – подпрапорщик. Но Буденного, по неизвестной причине, к такому званию не представили, и чин старшего унтер-офицера так и остался для него последним в царской армии.

Глава 2. Гражданская война

Много других важных событий как в стране, так и в жизни Семена Буденного произошло за это время. Весь 1916 год и первый квартал 1917 года Кавказская кавалерийская дивизия, в которой служил Буденный, провела на чужбине. В конце марта 1917 года ее сняли с русско-турецкого фронта и отвели в порт города Энзели, где погрузили на транспортные суда и отправили в Баку, а оттуда по железной дороге в город Екатеринофельд. К этому времени в России уже произошла Февральская буржуазная революция, был свергнут царь и появилось новое правительство во главе с Александром Федоровичем Керенским. Поэтому дивизию заставили присягнуть Временному правительству. А в связи с тем, что в войсках российской армии стали избирать солдатские комитеты, то и в Кавказской кавалерийской дивизии избрали эскадронные, полковые и дивизионный солдатские комитеты. Председателем солдатского комитета 5-го эскадрона драгуны избрали Семена Буденного, а на собрании полка его избрали еще и членом полкового солдатского комитета.

Почти три месяца Кавказская кавалерийская дивизия простояла в Екатеринофельде. А в первых числах июля 1917 года ее железнодорожным эшелоном перебросили в Белоруссию на Западный фронт. Здесь, по настоянию большевиков, начались переборы солдатских комитетов, в ходе которых Семена Буденного выбрали председателем полкового солдатского комитета, а вскоре и дивизионного. После чего Буденный стал жить интересами не только своего взвода и эскадрона, но и всей дивизии.

В Белоруссии Буденный познакомился с членом фронтового солдатского комитета армий Западного фронта М.В. Фрунзе, который связал его с Минским горкомом партии большевиков. Встречаясь с большевиками и читая рекомендованную ими литературу, Буденный стал постигать основы большевистской науки. Еще не став членом партии большевиков, он, разделяя и поддерживая идеи

большевизма, в меру своих сил и возможностей старался воплотить их в жизнь.

Во второй половине ноября 1917 года Кавказская кавалерийская дивизия самовольно демобилизовалась, и драгуны разъехались по домам. Вернулся домой в станицу Платовскую и Семен Буденный, прихвативший из части седло и оружие. А когда в январе 1918 года местные крестьяне организовали в станице Платовской советскую власть, то Семен Буденный и Ока Городовиков всей душой и с восторгом приняли новую власть и примкнули к ней.

Зимой 1918 года вблизи крупных городов и промышленных центров юга России между отрядами Красной гвардии, которые вместе с революционно настроенными солдатами и казаками, вернувшимися с фронта, защищали советскую власть, с одной стороны, и дружинами, состоящими в основном из офицеров, юнкеров и студентов, которые были ярыми противниками новой власти и пытались вернуть в России буржуазно-помещичий строй и восстановить монархию, с другой стороны, начала зарождаться гражданская война. Но силы обеих противоборствующих сторон в этот период были незначительны, потому что и к красным, и к белым в ту зиму шли люди либо идейные, либо неприкаянные, либо просто любители «половить рыбу в мутной воде». А основное боеспособное население — демобилизованные казаки и солдаты, измученные многолетней окопной жизнью на фронтах империалистической войны, отъедались и отсыпались у родных очагов. Воевать им друг с другом пока не за что было. Кроме никому не нужного снега, лежащего на полях, да воздуха, которого пока хватало всем, делить было нечего. Но уже в феврале 1918 года война докатилась до Сальских и Маныческих степей. Выбитый красными из Новочеркасска отряд донского походного атамана генерала Попова приближался к этим местам, надеясь укрыться в Сальской степи от большевиков и дожидаться «пробуждения казачества». Атаман Попов совершенно справедливо полагал, что весной осмелевшие иногородние крестьяне, прикрываясь большевистским лозунгом «Земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает», выйдут на поля делить помещичьи земли и земельный запас казачьих станиц,

который они всегда у казаков арендовали. Казаки же, естественно, не потерпят захвата кем бы то ни было своей земли, и тогда между ними начнется резня. Добиваясь своей правды, каждый выберет ту власть, которая будет защищать его интересы. Бедные и безземельные пойдут к красным, а богатые и казаки – к белым, в результате чего пополнятся отряды и тех и других. И на чьей стороне окажется больше людей, та и победит.

На своем пути отряд атамана Попова разгонял Советы и жестоко уничтожал «советчиков». Советы в свою очередь кинулись создавать отряды самообороны, которые в силу своей малочисленности, слабой организованности и незнания военного долга не могли оказать профессиональным военным – поповцам – должного сопротивления, в результате чего на реке Маныч они были разбиты и отброшены к крестьянским слободам Орловки и Мартыновки. Захватили поповцы и станицу Платовскую, но ненадолго. Семен Буденный собрал из надежных ребят небольшой отряд, ночным налетом выбил оттуда поповцев и освободил станицу Платовскую, а всех, кого за сотрудничество с большевиками белые посадили под замок и при отступлении не успели расстрелять, освободил. Из этих же людей он и создал свой отряд, который при поддержке царицынских красногвардейцев загнал отряд атамана Попова в глубь Сальской степи. В результате чего в станице Платовской и в окрестных станицах наступило затишье: ни белые, ни красные пока не нападали друг на друга.

А тем временем местные красногвардейцы несколько раз пытались объединиться. Но каждый раз между командирами отрядов начиналась грызня за власть и никакого объединения не получалось. Большинство командиров этих отрядов были унтерасверхсрочники, служившие в царской армии. В каждом отряде были в основном свои односельчане и родственники – братья, сваты, кумовья и другие, которые подчинялись только тому, кого сами избрали командиром. И в отряде Семена Буденного была почти вся его родня, близкие и соседи. И все-таки, несмотря на это, все красногвардейские отряды удалось свести вместе. Командиром сводного отряда избрали Никифорова, служившего

раньше с Буденным в одной дивизии, а самого Буденного назначили командиром кавалерийского эскадрона и доверили ему всю отрядную конницу.

Семен Буденный вместе с Окой Городовиковым занимался сбором оружия для местной Красной гвардии и агитировал старичников вступать в ее ряды. Буденный неоднократно предлагал и Деменеву вступить в отряд Красной гвардии. Но Герасим категорически отказывался от его предложения, ссылаясь на то, что ему нужно помогать родителям, восстанавливать развалившееся хозяйство, и он не хочет идти ни к красным, ни к белым. Буденный особо не настаивал на своем предложении, но предупреждал Деменева, что ему вряд ли удастся надолго сохранить свой нейтралитет.

– Рано или поздно, – говорил Буденный, – тебе, Герасим, придется сделать выбор, с кем идти. И я сомневаюсь, что тебе это удастся сделать добровольно. Сейчас ни белые, ни красные никого силой в свои отряды не тащат. Но скоро настанет время, когда и те, и другие будут насильно мобилизовать всех мужчин, годных к строевой службе, в свою армию. Так не лучше ли тебе сейчас, пока есть такая возможность, самому сделать выбор и добровольно вступить в тот или иной отряд? Как своего боевого друга, я не буду насильно удерживать тебя, если ты примешь решение уйти к белым. Но помни! Дружба наша на этом закончится навсегда. И не дай бог встретиться нам с тобой в бою по разные стороны фронта. Ты сам знаешь, рука у меня твердая, удар точный, так что пощады от меня не жди, не будет.

Но Деменев оставался при своем мнении и продолжал заниматься домашним хозяйством. Слова Буденного глубоко запали в душу Герасима. Он, как и Семен, прекрасно понимал, что в складывающейся ситуации ему, здоровому мужчине, да к тому же еще и кадровому военному, вряд ли удастся отсидеться в стороне от тех событий, которые происходят в стране. Согласен он был и с тем, что рано или поздно та или другая власть все равно его мобилизует и без его согласия. Тем более что уже сейчас на территориях, занятых белыми, насильно мобилизуют годных к военной службе мужчин, и в первую очередь тех, кто служил в царской

армии. И пока у него еще есть возможность самостоятельного выбора, с кем ему по пути, то им нужно воспользоваться. Но вот чью сторону принять, он никак не мог решить.

Неизвестно, как долго Деменев продолжал бы заниматься домашним хозяйством, сохраняя нейтралитет, если бы однажды ночью к нему домой не явился неожиданный и незванный гость – бывший начальник контрразведки 3-го Конного корпуса полковник Павел Овчинников, с которым Деменев не просто вместе служил и воевал с немцами и австро-венграми под командованием генерала Краснова, но и до определенного времени дружил с ним. Визит такого гостя с той стороны, да еще в ночное время, настоятельно Герасима, но он не подал виду и встретил Овчинникова радушно – так, как и полагается встречать старых знакомых. Увидев, в каких условиях живет семья Деменевых, Овчинников не стал долго ходить вокруг да около, а напрямую предложил Герасиму вступить в ряды белого движения, а конкретно в армию атамана Войска Донского генерала А.М. Каледина, которая полна решимости очистить донскую землю от большевиков и защитить интересы казачества – не допустить национализации и раздела между безземельными крестьянами казачьих земель. Но сил у этой армии пока недостаточно, чтобы справиться с большевистскими войсками. Поэтому Каледин поручил ему, Овчинникову, который теперь возглавляет контрразведку этой армии, посетить всех офицеров бывшего 3-го Конного корпуса и других офицеров, служивших в царской армии, с предложением добровольно вступить в Донскую армию. И почти все офицеры, которых он уже посетил, согласились принять сторону белого движения.

– Тебя, Герасим, я представил Каледину как добросовестного и честного человека, отличного военного специалиста, прекрасного аналитика, организатора и командира, способного одинаково хорошо выполнять обязанности и на штабной, и на командной должностях. Поэтому Алексей Максимович возлагает на тебя большие надежды и намерен назначить начальником штаба армии. А это, сам понимаешь, и генеральское звание, и высокое положение в обществе, – сказал Овчинников.

Увидев, что Деменев от такого неожиданного предложения растерялся, Овчинников не стал торопить его с ответом, а посоветовал хорошо подумать, прежде чем принять решение, с кем ему по пути, и дать ему, Овчинникову, ответ, за которым он придет через неделю. После чего так же тепло и вежливо, как и при встрече, попрощавшись с Герасимом и его родителями, Овчинников ушел. Проводив ночного гостя, Герасим вспомнил слова Буденного, который советовал ему самостоятельно сделать выбор, пока еще есть такая возможность, и принять ту или иную сторону. После ночного визита Овчинникова Деменев понял, что дальше с решением этого вопроса тянуть нельзя. В его распоряжении осталась всего одна неделя, в течение которой он должен окончательно определиться, с кем ему по пути. Прав был Буденный, когда говорил Герасиму, что если он сам не решит этот вопрос, то за него это сделают другие, но только уже против его воли. И вот этот час наступил, когда принятие решения больше нельзя откладывать. С этими мыслями Герасим остался один на один в своей комнате и не мог уснуть до самого утра. Деменев понимал, что если победят большевики, то казачий запас земли отберут и разделят между безземельными крестьянами. Но ведь эти земли все равно никто не обрабатывает, казакам и своей земли вполне хватает, которую они не все и не всегда полностью обрабатывают. А тут столько земли пустует, в то время как другие люди, не имея ни клочка земли, батрачат на богатых казаков и помещиков за кусок хлеба или помирают с голоду. И если таких безземельных крестьян на Дону и Кубани примерно половина по сравнению с казаками, то в остальных регионах России их большинство, которые, для того чтобы отстоять свои права на землю, пойдут в Красную гвардию, и победа будет за ними. Но и стать на сторону красных, чтобы воевать против своих бывших сослуживцев, с которыми не один год вместе в окопах просидел, тоже не резон. Стать на сторону белых и вступить в армию Каледина – бессмысленно, потому что белое движение не поддерживается простыми людьми, из которых и состоит население России. Любая армия без поддержки своего народа обречена на поражение. Поэтому белое движение не имеет

никакой перспективы и рано или поздно потерпит окончательное поражение, а оставшихся в живых белогвардейцев, и особенно тех офицеров, которые дали подписку о неприменении оружия против советской власти, безусловно, расстреляют. Такая перспектива Герасима тоже не устраивала. Днем домашняя работа немного отвлекала Герасима от таких мрачных мыслей, а ночью они с новой силой наваливались на него. В результате он не мог найти себе места и все ходил и ходил по избе из угла в угол до самого утра. Утром, с распухшей от бессонницы головой, уходил на работу, которая его немного успокаивала. Но вечером, когда он приходил домой и оставался в комнате один, все повторялось сначала. Видя такое состояние сына, родители Герасима решили, что он сошел с ума, потому что он и впрямь был похож на сумасшедшего. И так продолжалось несколько суток. И только на четвертые сутки Герасим принял окончательное решение – уйти в Красную армию. Он знал, что в Красной армии служит много бывших офицеров царской армии на различных должностях, в том числе и на командных. Однако должности интересовали Герасима меньше всего. Где командование сочтет нужным, там он и будет служить, даже на должности рядового бойца, потому что если и придется погибнуть в бою, то неважно, на какой должности, главное, что за трудовой народ, к которому относился весь его род и из которого он сам вышел. С такой мыслью на четвертую ночь Герасим уснул мертвым сном и проспал до обеда следующего дня. Будить его родители не стали, так как обрадовались, что их сын наконец-то успокоился. Проснувшись с посвежевшей головой и вспомнив о принятом накануне решении, он понял, что поступил правильно, и теперь никто и ничто не заставит его свернуть с выбранного пути. Родители Герасима, узнав о принятом решении сына, согласились с ним и благословили его на новые ратные дела. Исполнение своего решения Деменев не стал откладывать в долгий ящик, а в тот же день пошел к своему другу Семену Буденному и вступил в его отряд. Буденный был очень доволен, что отряд красногвардейцев пополнился не просто его старым другом, но и очень опытным и храбрым воином, и назначил Деменева командиром взвода, сказав при этом:

– Воюй, Герасим, пока взводным, а дальше время покажет, где тебя использовать с максимальной пользой для Красной армии. Чует мой сердце, что нас с тобой ждут великие дела, и твой боевой опыт скоро будет востребован, потому что белое движение продолжает набирать силу и никто, кроме нас, простых казаков, рабочих и крестьян, его не победит.

От сознания правильно сделанного выбора настроение Герасима было приподнятое, и он возвращался домой, не чувствуя под собой ног. Единственное, что его немного беспокоило, так это предстоящая встреча с Овчинниковым, которая должна была состояться уже через два дня. Деменев никак не мог решить, сказать или нет Овчинникову, что он вступил в Красную армию. После долгих раздумий он решил не говорить об этом Овчинникову. С его мнением согласились и родители, которые тоже считали, что об этом пока не только Овчинникову, но и вообще никому говорить не надо. Мол, нечего афишировать, где находится их сын. Бог знает, какая обстановка дальше сложится в России. А вдруг власть снова сменится, и вместо красных придут белые, черные, зеленые или еще какого-нибудь цвета радуги?

С таким мнением и так же приветливо, как и в первый раз, и встретил Герасим своего бывшего сослуживца Пашу Овчинникова, который вошел в дом Деменевых с широкой улыбкой на лице. Но когда Герасим сказал ему, что от его предложения он отказывается и воевать больше ни с кем не будет, доброжелательная улыбка моментально исчезла с его лица. Оно перекошилось и стало злым. На щеках самопроизвольно задвигались желваки, а взгляд стал презрительным и уничтожающим. Такое лицо у Овчинникова Герасим видел только один раз на русско-германском фронте, когда однажды неожиданно вошел к нему в кабинет, а он в это время со своими помощниками пытал солдата-дезертира, бежавшего с передовой. Вспомнив этот случай и видя злое лицо своего бывшего друга, Герасим подумал, что если бы и он попал в лапы Овчинникова, то и с ним тот поступил бы так же, а возможно, и еще более жестоко. Услышав отрицательный ответ, Овчинников, словно читая мысли Деменева, со злостью сказал:

– Тебе не удастся отсидеться в станице до конца Гражданской войны. Если ты не пойдешь к нам, то красные припомнят тебе прошлое сотрудничество с генералом Красновым и расстреляют тебя. А если вздумаешь перейти на сторону краснопузых, то всех твоих родственников мы уничтожим, а с тобой поступим так же, как с тем дезертиром, которого ты видел при допросе в моем кабинете на русско-германском фронте. Запомни, что предательства мы никому не прощаем.

После этих слов Овчинников, не попрощавшись ни с Герасимом, ни с его родителями, сильно хлопнув дверью, ушел. Угрозам Паши Овчинникова Деменев не придавал особого значения, решив, что парень сгоряча все это наговорил или хотел напугать Герасима, чтобы он изменил свое решение и примкнул к белому движению. Но, как впоследствии оказалось, зря. Палач Павел Овчинников слов на ветер не бросал, что немного позже и подтвердилось. И хотя угрозы Овчинникова Деменев не принял всерьез, он все-таки засомневался – правильно ли поступил, не сообщив Буденному о предстоящей встрече с такой птицей высокого полета. Герасим понимал, что если бы он это сделал, то Овчинникова наверняка арестовали бы и расстреляли. И, несмотря на то, что он это вполне заслужил, Деменев не привык сводить счеты с кем бы то ни было чужими руками, тем более используя такие полицейские методы, как наушничество. И на этот раз он считал, что это было бы предательством по отношению к Овчинникову. Другое дело в бою. И если ему когда-нибудь доведется сойтись с Овчинниковым в поединке, то у него не дрогнет рука отрубить ему голову. Но это в бою. А уничтожать противника путем наушничества он и не умел, и не хотел. Поэтому решил, что поступил совершенно справедливо, не сообщив Буденному о предстоящей встрече с незванным гостем с той стороны, Овчинниковым, надеясь на то, что она в его жизни больше никогда не повторится. Но, как оказалось, пути господни неисповедимы: и Овчинников не забыл своей угрозы, и Деменеву довелось встретиться с ним еще раз. Но все это произошло немного позже.

А пока по станицам ползли слухи один страшнее другого. Стало известно, что очагом всероссийской контрреволюции стал Дон, где, кроме Донской казачьей армии, возглавляемой атаманом Войска Донского генералом А.М. Калединым, началось формирование генералами М.В.Алексеевым, Л.Г.Корниловым и А.И. Деникиным белогвардейской Добровольческой армии. А весной 1918 года, как и предполагал генерал Попов, восстали казаки, и началось их массовое выступление против советской власти. По станицам и хуторам рыскали казачьи отряды, очищая донскую землю от красных: налетят на станицу, порубят всех советчиков и поддерживающих советскую власть, заменят советские красные флаги царскими трехцветными знаменами и восстановят старую казачью власть. Из Сальских степей в сторону Ростова и Новочеркасска двинулся отряд атамана Попова, который на своем пути тоже ликвидировал советскую власть, а советчиков расстреливал. В апреле 1918 года Добровольческая армия Деникина силами белогвардейского отряда под командованием генерала М.Г. Дроздовского освободила от красных донскую столицу Новочеркасск, где создала руководящий центр – «триумвират», который установил контакт со странами Антанты и США и получил от них военную помощь – танки, пушки, стрелковое оружие, боеприпасы, обмундирование и продовольствие.

Не сдержал свое офицерское слово – не брать в руки оружие против советской власти – и генерал П.Н. Краснов, которого после самоубийства атамана Войска Донского генерала Каледина и ареста большевиками генерала Назарова, избранного на эту должность после смерти Каледина, в мае 1918 года казаки избрали атаманом Войска Донского. Став атаманом, Краснов в рекордно короткие сроки сформировал из донских казаков сотысячную армию, которая под его руководством и непосредственным командованием бывшего начальника штаба 2-й Сводной казачьей дивизии С.В. Денисова, ставшего к тому времени генералом, вместе с Добровольческой белой армией под командованием генералов А.И. Деникина, Л.Г. Корнилова и М.В. Алексеева «очищала» от красных станицы Донской области и на корню уничтожала там

только что народившуюся советскую власть. Пожар гражданской войны на Дону и Кубани разгорелся с новой силой. Началась жестокая и беспощадная бойня – стенка на стенку, без жалости, без пленных. Казаки, профессиональные воины, под командованием боевых офицеров, теснили разрозненные отряды Красной армии на всех фронтах. Чтобы остановить наступление белых, необходимо было все сальские красные отряды объединить в одно боевое подразделение. И на станции Куберле такое объединение произошло. Во главе объединенного отряда стал бывший офицер царской армии Шевкоплясов, а конницу отряда отдали под начало Бориса Мокоевича Думенко – казака родом из хутора Казачий Хомутец, а его заместителем назначили Семёна Михайловича Буденного. Думенко в царской армии служил конным артиллеристом, имел звание вахмистра, был сверхсрочником, награжден двумя Георгиевскими крестами.

Но, несмотря на объединение, отряд красногвардейцев не смог остановить наступление белоказачков и вынужден был отступать к Царицыну. Вслед за отрядом потянулись огромные обозы с семьями и имуществом красногвардейцев, потому что оставаться в своих станицах было опасно. Казаки без жалости рубили шашками не только красногвардейцев и советчиков, но и их семьи, не щадя ни малого, ни старого. Имея численное превосходство в коннице, казаки даже отступать красным спокойно не давали. Они постоянно налетали на них, преграждали пути отступления, рубили шашками всех подряд без разбору, а имущество, оружие и лошадей забирали себе. Поэтому думенковской коннице, которая к тому времени получила название Первого кавалерийского карательного полка, не было ни сна, ни покоя. Только на отчаянной храбрости конников да на личном опыте Думенко и держался этот полк.

Во время Первой мировой войны, когда Думенко служил на действительной военной службе, ему, конному артиллеристу, всю душу вымотали одним приемом. Он должен был на всем скаку лошадей вылететь на бричке с установленной на ней пушкой в чистое поле навстречу противнику, развернуться перед ним на

необходимом для стрельбы расстоянии и, врезав картечью прямо в упор неприятелю, так же стремительно ускакать обратно. Такой вид боя действовал на противника ошеломляюще и порождал в его рядах панику, после чего нашим конникам оставалось только преследовать убегающего противника и рубить шашками. Но для такого приема боя требовалось большое количество пушек, высокое мастерство наездников и до автоматизма натренированный расчет. Но ничего этого, кроме тачанок, у Думенко не было. Не было, видимо, всего необходимого для ведения такого вида боя и у противника, поэтому ни та, ни другая сторона им не пользовалась. Но Думенко нашел выход из этого положения. Вместо пушек он установил на бричках пулеметы. И когда это изобретение, которое называли тачанкой, опробовали в бою, то оказалось, что оно не менее эффективно, чем орудийные упряжки. Пулеметные тачанки стремительно выезжали навстречу противнику и, развернувшись задом к нему, открывали шквальный огонь из пулеметов. В результате конная лава противника, ужаленная сотнями свинцовых шмелей, опрокидывалась, и в стане врага наступало замешательство. Воспользовавшись этим, думенковская конница с гиком набрасывалась на врага и рубила его шашками. Противник не выдерживал такого стремительного натиска красной конницы и обращался в бегство, а думенковцы гнали его до тех пор, пока не уморятся кони.

Красногвардейцы полка уважали своего командира Бориса Думенко за его личную храбрость, справедливое отношение к людям и умение командовать. Он никогда не прятался за спины своих подчиненных, всегда шел в бой вместе с ними, а чаще всего и впереди них. Уважал своего командира и Семен Буденный, но при этом завидовал ему – считал, что он не хуже Думенко смог бы командовать полком, а, возможно, даже лучше него. Но не обойти Буденному такого орла, как Думенко. Видимо, судьба у него такая – в помощниках ходить. Такое положение не устраивало Семена Буденного, и он решил во что бы то ни стало стать командиром конного полка. Но он прекрасно понимал, что любые мечты сами по себе не сбываются, их нужно настойчиво всеми способами самому претворять в жизнь. Сверхсрочная унтерская служба многому

научила Буденного. И прежде всего – начальство понимать с полуслова. А начальство на горизонте нарисовалось покрупнее Думенко. С подходом отряда к Царицыну попали сальские красногвардейцы в ведение и подчинение царицынской группы войск и Реввоенсовета Северо-Кавказского военного округа (СКВО), а короче говоря, под командование К.Е. Ворошилова и И.В. Сталина. На одном из совещаний СКВО, проводимом под Царицыным, на котором присутствовал весь командный состав войск этого округа, в том числе Борис Думенко, Семен Буденный и Герасим Деменев, был поднят вопрос о введении в войсках СКВО полковых солдатских комитетов. Но Буденный, который сам в недалеком прошлом был председателем полкового комитета, неожиданно для всех заявил, что солдатские комитеты не оправдали себя, поэтому вводить их в Красной армии нет необходимости, а инициаторов этого предложения нужно арестовать и отправить в царицынский Реввоенсовет. В зале поднялся шум. А когда он смолк, на середину зала вышел смуглый, худощавый, среднего роста человек – это был Иосиф Виссарионович Сталин, который спокойным голосом, неторопливо, с заметным кавказским акцентом сказал:

– Арестовывать никого не нужно. А что касается предложения товарища Буденного – в части отсутствия необходимости вводить в войсках Красной армии изжившие и не оправдавшие себя солдатские комитеты, оно в основном правильное. Но так как командирам частей кто-то должен помогать воспитывать личный состав, то вместо солдатских комитетов нужно назначить в каждом полку политического комиссара – «политкома».

Так на основании выступления на совещании командного состава под Царицыным С.М. Буденного и с легкой руки И.В. Сталина в 1918 году сначала в Северо-Кавказском военном округе, а затем и во всех частях Красной армии появились политические работники, которых в разное время называли по-разному – политкомы, замполиты, политруки. Но предназначение у них всегда было одно – воспитание личного состава войск в духе преданности советской власти и осуществление партийного контроля над командным составом частей.

После совещания И.В. Сталин подошел к Буденному и поговорил с ним о жизни, службе и войне, об отношении казаков к советской власти. А затем пожал ему руку и сказал:

– Ну вот, теперь мы с вами хорошо знакомы, товарищ Буденный.

В Царицыне Буденный познакомился с командующим Царицынской группой войск К.Е. Ворошиловым, который приезжал в думенковский полк, выступал перед бойцами и беседовал с командным составом полка, в том числе лично с Думенко и Буденным.

В то время пока думенковский полк находился в Царицыне, белоказаки окружили станицу Мартыновку, из которой не успели уйти с думенковцами жители этой станицы, советчики и небольшой отряд красногвардейцев, и всем им грозила смертельная опасность. Поэтому на их выручку Ворошилов послал думенковский полк, который с боем прорвался через вражеские заслоны в Мартыновку и вывел оттуда всех жителей этой станицы и находившихся там красногвардейцев, отражавших атаки белоказачков. За эту операцию нескольких командиров думенковского полка, в том числе самого Думенко, и командира взвода Деменева представили к правительственной награде – ордену Красного Знамени. И хотя фамилию Деменева Ворошилов вычеркнул из списка о награждении, сославшись на то, что он еще недолго воюет в Красной армии, Герасим не обиделся на командарма. Он и сам прекрасно понимал, что за такой короткий срок полковнику царской армии трудно заслужить полное доверие у советской власти, потому что слишком много офицеров, перешедших на сторону красных, оказались шпионами, которых белые специально засылали в ряды Красной армии, чтобы разлагать ее изнутри и с их помощью получать нужную информацию о советских войсках. Да и воюет он не за награды, а за советскую власть, выражающую и защищающую интересы простого народа, к которому, несмотря на высокий офицерский чин, он всегда относил и себя.

После возвращения из Мартыновки 1-й Крестьянский кавалерийский полк развернули в 1-ю Донскую кавалерийскую бригаду под командованием Бориса Думенко, заместителем которого снова стал Семен Буденный. А Герасима Деменева, взвод которого особо

отличился в Мартыновской операции, назначили командиром эскадрона. Так военная карьера Герасима Деменева пошла вверх по второму кругу, но только еще более стремительно, чем в царской армии.

Все хорошо складывалось в жизни Деменева: и служба, и карьера. И место свое в этой жизни он выбрал правильное, воюя за народную власть. Он, как и все красноармейцы, считал, что все беды в России происходят из-за богатых людей. Поэтому верил, что после разгрома белых, которые защищают богатых, и передачи земли крестьянам, а фабрик и заводов рабочим, в России исчезнет деление на богатых и на бедных. Все люди станут равны между собой, не будет эксплуатации, а значит, и бед никаких не будет. И только отсутствие связи с родственниками немного беспокоило Герасима. Писать письма родителям, проживающим на территории, занятой белоказаками, было практически невозможно, да и опасно, потому что по письмам белые могут узнать, что он служит в Красной армии. А вот племяннице Лизе — дочери старшего брата, которая в то время жила в Москве, Герасим письмо написал, надеясь от нее что-нибудь узнать о своих родственниках. Но то ли из-за плохой работы почты Лиза не получила его письмо, или просто вовремя не ответила ему, но только ответ от нее Деменеву пришлось ждать очень долго. Решив, что его письмо к Лизе просто не дошло, он и писать ей больше не стал. И только спустя три месяца Герасим получил от нее письмо, которое потрясло его до глубины души. Лиза сообщила, что через месяц после того, как он последний раз уехал из дома, его родители, отец и мать, заживо сгорели вместе со своим домом, а всех трех его сестер вместе с детьми кто-то зарезал прямо в их домах и квартирах. Но узнала она об этом от родственников своего мужа всего две недели тому назад. Поэтому ни Герасиму вовремя сообщить об этом, ни съездить на их похороны она не могла. Да если бы и своевременно узнала об этом, то вряд ли поехала бы на похороны, потому что и ее там могли убить.

Узнав такую страшную новость, Деменев сразу понял, чьих рук это дело. Овчинников, видимо, все-таки узнал, что Герасим ушел в Красную армию, и то ли по приказу своих атаманов Каледина или

Краснова, то ли по собственной инициативе расправился с его родственниками. А немного позже стало известно, что и у других старших офицеров, служивших в царской армии, и в первую очередь у тех, кто служил под началом генералов Каледина и Краснова, а затем перешедших на сторону красных, тоже убили всех родственников. И если до этого в голову Деменева иногда приходили мысли – правильно ли он сделал, вступив в Красную армию, то, узнав о гибели своих родителей и родственников и о том, кто к этому причастен, подобных сомнений у него больше не возникало. Вместо сомнений появилась жестокая ненависть ко всему тому, чему он раньше присягал и верой и правдой служил, не щадя своей жизни. Теперь в его голове была одна мысль – беспощадно бить белых бандитов (другого выражения по отношению к белым в его лексиконе больше не было). Кроме того, Деменева не покидала мысль, как и каким образом отомстить Овчинникову за смерть своих родных и родных своих сослуживцев, которые тоже стали жертвами палача Овчинникова.

Армии Ворошилова и Краснова постоянно противостояли друг другу. И хотя Деменев хорошо знал, что начальник контрразведки в любой армии, в том числе и в армии атамана Краснова, сам лично ни в атаку, ни в разведку не ходит, но чем черт не шутит, думал он. Может, когда-нибудь ему и доведется встретиться в атаке или при каких-нибудь других обстоятельствах со своим бывшим другом Павлом Овчинниковым, вот тогда он и поговорит с ним по-мужски. И такой случай вскоре действительно представился.

Войска атамана Краснова начали наступление на Царицын и плотно окружили его. До глубокой осени 1918 года советские войска царицынской группы СКВО отражали атаки красновских казаков, рвущихся к городу. В это время для более успешного руководства разрозненными отрядами, оборонявшими Царицын в ноябре 1918 года, их свели в одну 10-ю армию, командующим которой назначили К.Е. Ворошилова. Тогда же всю кавалерию 10-й армии свели в одну дивизию армейского подчинения. К думенковской бригаде добавили вторую бригаду из прорвавшейся к Царицыну с Кубани конницы Стальной дивизии под командованием

Дмитрия Жлобы и Крымский конный полк царской армии, который, под командованием будущего маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, добровольно влился в Вооруженные силы Советской республики. Командиром вновь сформированной Конной дивизии назначили Бориса Думенко, а Семена Буденного – снова его заместителем. Получил повышение по службе и Герасим Деменев, которого назначили командиром полка. Весь декабрь 1918 года думенковская Конная дивизия металась по фронту, латая дыры, прорванные белоказаками. А в январе 1919 года Семена Буденного во главе 1-й бригады этой дивизии, в которую входил и полк Деменева, послали на северный участок фронта, чтобы закрыть там очередную брешь, прорванную белоказачьей конницей в направлении города Камышина. Стремительной атакой бригада под командованием Буденного разгромила войска генерала Павлова, а затем в ходе двухдневного боя разбила и обратила в бегство отряд генерала Голубинцева. А вскоре на помощь Буденному подошла подчиненная Думенко Доно-ставропольская бригада под командованием бывшего казачьего офицера Константина Булаткина – племянника генерала Попова. Вдвоем они вышли к камышинскому боевому участку и закрыли разрыв фронта. В бою под станцией Иловлинской Буденный был ранен в руку и ногу, но остался в строю. За этот бой Семена Буденного наградили вторым орденом Красного Знамени (первый такой орден он получил в ноябре 1918 года за разгром Астраханской белоказачьей дивизии генерала Виноградова под станцией Гнилоаксайской). Такую же первую советскую награду получил и командир полка Герасим Деменев.

Постоянные налеты красновцев на различных участках фронта отвлекали значительные силы 10-й армии, оборонявшей Царицын, и не давали возможности ее командованию сосредоточить необходимое количество войск для нанесения главного удара по белоказачам. В такой обстановке все силы 10-й армии были направлены на то, чтобы залатать пробитые белоказаками дыры, удержать существующую линию обороны и не допустить противника в Царицын. Но, несмотря на это, председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий ежедневно требовал от Ворошилова перейти в наступление. Однако

имеющихся в наличии 10-й армии войск было недостаточно не только для наступления, но даже для обороны города. А дополнительных сил взять было неоткуда. В сложившейся ситуации нужно было принимать срочные меры, но никто не знал, какие.

Тактика проведения рейдовых атак, применяемая красновцами, была хорошо знакома Деменеву еще по российско-германскому и австро-венгерскому фронтам в период Первой мировой войны, когда он служил под началом генерала Краснова и по его заданию вместе со своим штабом разрабатывал планы таких рейдов по вражеским тылам. И не только разрабатывал планы, но и вместе с Красновым участвовал в этих рейдах, которые сеяли панику в рядах противника и так же, как сейчас 10-й советской армии, не давали ему возможности сосредоточить свои войска на одном участке фронта и перейти в генеральное наступление. Тогда такая рейдовая война российских войск, навязанная противнику, заставила его перейти к позиционной войне, что дало возможность российскому командованию перегруппировать свои силы и подготовиться к генеральному наступлению. А сейчас генерал Краснов проводит такие рейды против советских войск. Вспомнив об этом, Деменев предложил Буденному провести аналогичные рейды по тылам белоказаков. Выслушав предложение Деменева, Буденный сказал:

– А что, в этом, пожалуй, есть здравый смысл. Я доложу об этом Думенко, а там пусть он сам решает, что делать с твоим предложением.

А на второй день Деменева вызвали в штаб армии, где Ворошилов поручил ему лично принять участие в разработке плана одного пробного рейда по вражеским тылам и поставил перед штабом армии задачу: в строжайшей секретности и в кратчайший срок – не более трех суток – разработать такой план и представить ему на утверждение. Получив задание командарма на разработку плана рейдовой войны, все работники штаба армии вместе с Деменевым с головой окунулись в эту работу. Работали и днем и ночью без сна и отдыха, и уже к утру третьего дня такой план был готов и представлен командарму. Внимательно ознакомившись с ним,

Ворошилов утвердил его почти без замечаний и поручил проведение этой операции деменевскому Конному полку под командованием Буденного. Кроме того, Ворошилов приказал Буденному и Деменеву в ходе этого рейда взять толкового «языка», обязательно офицера и желательно штабного работника. На подготовку рейда Ворошилов дал двое суток.

На рассвете третьего дня деменевский Конный полк во главе с Буденным, прорвав оборону противника, вихрем поскакал по красновским тылам. Атака буденновцев оказалась настолько неожиданной и стремительной, что красновцы не успели оказать почти никакого сопротивления. Казаки в это время еще спали, поэтому запоздалый огонь по буденновцам вели только часовые, которые тоже дремали и проснулись от цокота лошадиных копыт красной конницы. Их буденновцы быстро успокаивали саблями и мчались дальше. Некоторые казаки, увидев перед собой конную лаву противника, не сделав ни одного выстрела, бросали оружие и убегали. Их буденновцы не трогали. Но чем дальше они углублялись в тыл противника, тем больше белоказачков попадалось на их пути, которые, беспорядочно отстреливаясь, разбегались в разные стороны. Буденновцы их не преследовали и в бой с ними не вступали. Рубили только тех, кто оказывал вооруженное сопротивление. Спустя час после начала рейда буденновцев по белоказачьим тылам уже полностью рассвело, и красновцы стали оказывать более организованное сопротивление. Но поставить достойный заслон буденновцам они не могли, потому что отряд Буденного двигался не по прямой линии, а зигзагами, постоянно меняя направление. Такое движение буденновцев сбивало с толку белоказачков, и они не могли заранее предвидеть, где и в какое время появятся красные. По этой причине красновцы не могли сконцентрировать необходимое количество своих войск на нужном направлении. В результате их сопротивление было стихийным и слабо организованным. Буденновцы легко подавляли небольшие очаги сопротивления белоказачков и двигались дальше.

Далеко продвинулись буденновцы. Дошли до самого Дона, где повернули обратно и стали пробиваться к Царицыну, сметая на

своем пути небольшие казацкие заслоны. Но у одной из станиц полк Деменева наткнулся на серьезное сопротивление белоказаков с применением трех пушек, из которых стреляли шрапнелью, что для конницы является губительным. Обойти буденновцам эту станицу было невозможно, потому что с одной ее стороны была река, а с другой – глубокий овраг с крутыми склонами. Поэтому Буденный решил пробиваться через станицу с боем. А чтобы избежать больших потерь от шрапнели, полк развернулся в цепь и на полном скаку, изрубив орудийные боевые расчеты противника, вошел в станицу, на улицах которой раздавались винтовочные выстрелы, а из окон некоторых домов строчили пулеметы. Буденновцы гранатами подавили эти огневые точки и двинулись дальше. Но чем ближе они подходили к центру станицы, тем сильнее и организованнее было сопротивление противника. А когда до ее центра оставалось около пятидесяти метров, то из окон двухэтажного кирпичного дома на буденновцев обрушился шквал огня из «максимов». Медлить было нельзя. Нужно было или возвращаться обратно, или с ходу идти на штурм особняка. И буденновцы выбрали последнее. Галопом приблизились вплотную к дому и через окна бросили в него несколько гранат. Пулеметы замолчали, и только выстрелы из револьверов продолжали звучать в доме. А затем из окон и дверей дома стали выскакивать офицеры и разбегаться в разные стороны. Но буденновцы быстро настигали убегающих и одним взмахом сабли обезглавливали их. Догнал одного убегающего офицера с револьвером в руке и Деменев. И только занес саблю над его головой, как тот обернулся и, немного пригнувшись, протянул руку с револьвером, чтобы выстрелить в Деменева. Но выстрелить он не успел. Сабля Деменева, которая должна была снести офицеру голову, отсекала ему руку, которая отлетела в сторону вместе с револьвером. Офицер схватил левой рукой обрубок правой руки, завертелся на месте, как волчок, и завопил неистовым голосом. Деменев снова занес саблю, чтобы добить раненого. Но в это время он увидел на плечах офицера полковничьи погоны, а затем и лицо полковника. Это был начальник контрразведки армии Краснова Павел Овчинников. Когда Деменев узнал своего старого «друга»,

а теперь идейного и личного врага, то его рука с саблей зависла в воздухе. Буденновцы, преследуя убегающих офицеров, уже удалились на значительное расстояние от особняка, и Деменев остался один на один с Овчинниковым, который, ничего не говоря, так и продолжал вертеться волчком и вопить. Деменев слез с коня, взял Овчинникова за грудки и спросил:

– Узнаешь, гад, своего старого друга?

Тот посмотрел на Герасима налитыми кровью глазами, и лицо его мгновенно стало таким, как в тот день, когда он в своем кабинете пытал бежавшего с фронта солдата, и таким, как в ту ночь, когда он грозился уничтожить всех родственников Деменева.

– А, Деменев, – произнес Овчинников. – Значит, зря я сомневался, уничтожая все твое племя. Ты действительно оказался краснопупым. Об одном жалею, что тебя самого не прикончил в ту ночь последней нашей встречи.

Овчинников еще что-то обидное говорил в адрес Деменева, но его слова плохо доходили до Герасима. Его мысли были заняты тем, каким наиболее мучительным способом уничтожить этого мерзавца.

– Ну, что ты стоишь, красная сволочь? Давай, руби. Иначе я сам тебя одной левой рукой зарублю! – закричал Овчинников.

«А может быть, взять его с собой, и пусть военный трибунал судит его за все совершенные им преступления? И, прежде чем его расстреляют, пусть каждый, чьих родственников он зверски убил, плюнет ему в лицо», – подумал Деменев. К тому же Овчинников – очень ценный «язык», как раз такой, какого Ворошилов приказал взять Буденному. И если с ним поработать его же методами, то он может дать очень ценную информацию, которая так необходима командованию 10-й армии. И Деменев решил взять Овчинникова с собой и доставить его в штаб армии. А если в пути сложится безвыходная ситуация, то пленного всегда можно будет уничтожить. Герасим достал свой индивидуальный медицинский пакет, забинтовал Овчинникову обрубок правой руки, а его левую руку веревкой привязал к туловищу. Затем посадил пленного на круп своей лошади, привязал его к седлу, вскочил на коня и помчался

догонять свой полк, бойцы которого, расправившись с убежавшими офицерами, ждали своего командира на окраине станицы.

— А это еще что за чудовище? — увидев на спине командирской лошади привязанного к седлу офицера, заговорили буденновцы. — Зачем он нам нужен? Вы что, хотите взять его с собой?

В это время к Деменеву подошел Буденный и тоже поинтересовался, что за полковник сидит на его коне. И когда Деменев объяснил Семену Михайловичу, кто этот офицер, и что от него можно получить очень ценные сведения, которые могут оказаться важнее всей информации, полученной с помощью многих рядовых «языков», и той, которую они добыли в ходе этого рейда, Буденный согласился взять Овчинникова с собой. Буденновцы посадили Овчинникова на лошадь, отбитую у противника, и привязали его к седлу. А к узде с обеих сторон лошади привязали две возжины, вторые концы которых два красноармейца привязали к своим лошадям. В результате чего получилось что-то вроде упряжки из трех лошадей, но только без телеги. Такие же тройки-упряжки сделали и десяти буденновцам, получившим ранения в ходе боя с казаками. И полк под командованием Буденного, петляя зигзагами по степи, помчался к своим. По дороге буденновцы освободили попавшую в плен бригаду 39-й красной дивизии и пригнали целый табун лошадей, отбитых у белоказачков. Но линию фронта на этот раз буденновцам пришлось преодолевать с боем, в ходе которого они сломили сопротивление противника, прорвали вражескую оборону и благополучно вернулись в расположение своей армии. Раненых в ходе рейда буденновцев отправили в армейский госпиталь, а Овчинникова, потерявшего по дороге сознание, после оказания ему медицинской помощи и приведения в чувство, начали допрашивать. Овчинников был отличным палачом, но никудышным воином. Он с особой жестокостью пытал и убивал безоружных людей, но сам был труслив и очень боялся боли и смерти. Поэтому за свою должность в контрразведке он держался не только руками и ногами, но и зубами. Делал все и даже намного больше того, что ему было положено делать, лишь бы его не послали на передовую. Поэтому на первом же допросе, когда его пообещали

вылечить, а затем предать суду военного трибунала, решение которого будет зависеть от того, какие он даст показания, Овчинников выдал все секреты армии Краснова, которые оказались настолько ценными, что с лихвой заменили всю многомесячную разведывательную работу, проделанную всем разведотделом 10-й армии и всего СКВО. Получив от Очинникова всю необходимую информацию, его отправили в армейский госпиталь, где под усиленной охраной лечили до полного выздоровления, а затем судили военным трибуналом, который приговорил Овчинникова к расстрелу. Привести приговор в исполнение попросил Деменев, чтобы лично отомстить Овчинникову за казнь не только своих ни в чем не повинных родных, но и за всех казненных им родственников других офицеров, добровольно вступивших в Красную армию. Такое разрешение Ворошилов дал Деменеву, и он со словами: «Получай, подонок, что заслужил», – разрядил весь барабан револьвера в своего бывшего друга и палача Павла Овчинникова, казнившего десятки солдат-дезертиров и невинных гражданских людей. На лице Овчинникова перед смертью не было ни страха, ни раскаяния. Оно было каким-то отрешенным и безразличным, как будто расстреливали не его, а какого-то совершенно незнакомого ему человека. И даже на слова Деменева, сказанные перед расстрелом Овчинникову, он ничего не ответил и не изменил выражения лица. С таким равнодушным выражением лица палач Павел Овчинников и ушел в мир иной.

За успешно проведенный рейд по тылам красновских войск и взятие особо ценного «языка» нескольких бойцов и командиров деменевского полка наградили орденами Красного Знамени. Командир полка Деменев получил второй такой орден, а Семен Буденный – третий.

Пока Буденный водил деменевский полк по красновским тылам, Думенко заболел тифом, и его отправили в госпиталь. А думенковской дивизией, переименованной к тому времени в Отдельную, стал командовать Буденный. Ворошилова отправили на Украину, а командующим 10-й армией назначили бывшего кадрового офицера царской армии А.И. Егорова.

После первого удачно проведенного рейда по вражеским тылам такие рейды стали проводить регулярно, а иногда даже по несколько рейдов одновременно, нагоняя страх на красновских казаков. Что, как и предполагал Деменев, привело к снижению активности боевых действий белоказачков на царицынском участке фронта и позволило 10-й армии во второй декаде февраля 1919 года перейти в наступление. Первой выступила Отдельная думеновская дивизия под командованием Буденного, которая пошла левым берегом Дона и погнала перед собой донские части белоказачков, а в районе хутора Ляпичев разгромила корпус генерала Толкушина, который, спасаясь от погони буденновцев, бросил своих солдат и коня, а сам по тонкому льду пешком ушел за Дон.

В конце февраля 1919 года вернулся в дивизию выздоровевший Думенко, под командованием которого у станицы Нагаевской дивизия остановила и обратила в бегство пришедших на помощь красновцам кубанских казаков. В ходе этого боя часть белоказачков перешла на сторону красных, которые привели Буденному коня, брошенного генералом Толкушиным. На этом коне по кличке Казбек Семен Михайлович провоевал всю Гражданскую войну.

Лихо наступала Отдельная думеновская дивизия на врага. Но недолго пришлось Борису Думенко командовать ею. В станице Романовской он снова заболел тифом и был отправлен в госпиталь. После чего Буденный снова возглавил эту дивизию и повел ее на окружной центр станицу Великокняжескую и освободил ее от белоказачков. Думенко в дивизию больше не вернулся, а после выздоровления пошел на повышение – его назначили помощником начальника штаба 10-й армии по кавалерийской части. А начальником Отдельной кавалерийской дивизии, которой присвоили 4-й номер, в марте 1919 года назначили Семена Буденного, который не менее успешно, чем Думенко, командовал ею, освобождая донскую землю от белоказачков.

Победителями вернулись Буденный и Деменев в свою родную станицу Платовскую, где от односельчан узнали, что отец Семена Буденного, который шел с беженцами, спасаясь от белоказачков, в дороге заболел тифом и вернулся домой, где местные

кулаки, узнав, что его сын в Красной армии, зверски избили его, в результате чего в январе 1919 года он скончался и был похоронен на кладбище у станицы Платовской. Буденный с Деменевым не стали задерживаться в родной станице, а, посетив могилы своих родителей на кладбище, повели свои войска дальше.

В начале апреля 1919 года 4-я Отдельная кавалерийская дивизия получила приказ форсировать реки Сал и Маныч, выйти к Батайску и отрезать Донскую белоказачью армию А.П. Богаевского, которого после отставки атамана Краснова в феврале 1919 года избрали атаманом Войска Донского, от войск Добровольческой армии А.И. Деникина. Молниеносным налетом конница Буденного опрокинула белоказачей и загнала их в разлившийся Маныч. На плечах убегающих богаевцев буденновцы форсировали Маныч и остановились у станицы Хомутовской, нависнув над поколебленным флангом Донской белоказачьей армии. В станице Хомутовской стояли кубанские и терские казаки генерала Покровского, которые пришли на помощь донским казакам. Два дня дивизия Буденного вела ожесточенный бой за эту станицу, в ходе которого буденновцы понесли большие потери. Многие красноармейцы были убиты и ранены. Тяжелые ранения получили комиссар дивизии Кузнецов, комбриг Городовиков и командир полка Стрепухов. Чтобы не допустить полного уничтожения 4-й Отдельной кавалерийской дивизии, буденновцы вынуждены были отступить и уйти обратно за Маныч. В результате красный фронт остановился по рекам Дон и Маныч.

В первой декаде мая 1919 года деникинский генерал С.Г. Улагай ударил по левому флангу красных войск на Маныче. В связи с этим конницу Буденного и новую кавалерийскую дивизию под командованием И.Ф. Апанасенко бросили на перехват улагайцев. Но пока гонялись за Улагеем, у станицы Великокняжеской П.Н. Врангель форсировал Маныч, и буденновцев послали «затыкать» очередную «дыру», образовавшуюся на красном фронте. Но на этот раз добиться успеха не удалось. Врангель встретил красную конницу бомбовыми ударами с самолетов и артиллерийским огнем. В результате буденновцам пришлось вернуться назад.

Начались тяжелые и кровопролитные бои, продолжавшиеся несколько дней, в ходе которых тяжелые ранения получили командарм Егоров и его помощник по кавалерии Думенко, которых отправили в тыл на лечение.

Не выдержав натиска белых, 10-я армия была вынуждена отступить к Царицыну. Новый командарм военспец Ключев увел ее под прикрытие царицынских укреплений. И только Буденный, ставший к тому времени вместо Думенко во главе всей конницы 10-й армии, дрался с врангелевцами в арьергарде несколько суток подряд без сна и отдыха. Не было времени ни людям покушать, ни лошадей покормить. Бойцы от усталости валились с ног. В таком состоянии буденновцы не могли не только наступать, но и обороняться. Поэтому Буденный вынужден был выделить своим бойцам четыре часа на отдых. И пока смертельно уставшие буденновцы спали, сам охранял их. Но, несмотря на ожесточенное сопротивление и отчаянные атаки, буденновцам не удалось ни потеснить врангелевцев, ни сдержать их натиск. И чтобы не допустить полного уничтожения кавалерии 10-й армии, Буденный вынужден был тоже отвести ее в Царицын. В Царицыне 4-ю и 6-ю кавалерийские дивизии объединили в Конный корпус, командиром которого назначили Семена Буденного. Новое назначение получил и командир полка Герасим Деменев – его назначили командиром бригады.

Под Царицыным Конный корпус Буденного прикрывал правый фланг 10-й армии, отбивая атаки белоказаков генерала К.К. Мамантова, которые рвались к Волге выше города Царицына. Но силы были слишком неравны, и буденновцам не удалось преградить Мамантову путь к Волге. В результате 10-я армия оказалась отрезанной от остальных войск Красной армии и после многодневного кровопролитного боя с войсками генералов Мамантова и Врангеля 30 июня 1919 года вынуждена была оставить Царицын и отойти вверх по Волге к Саратову. Но белоказаки под командованием генерала Голубинцева постоянно преследовали наши отступающие войска и дрались отчаянно. Особенно донские, которые в верховьях Дона в междуречье рек Хопра, Медведицы

и Иловли сражались за свои родные станицы и хутора. Их толкала в бой лютая ненависть к иногородним и коренным крестьянам, составляющим основной костяк 10-й армии. И теперь, когда эта армия, причинившая, по их мнению, наибольшее зло донскому казачеству, была ослаблена, они спешили добить ее или, как говорили белые офицеры, «изрубить на куски и утопить в Волге». Они лавой бросались на красноармейские пулеметы и, несмотря на большие потери, остервенело шли вперед.

В начале августа 1919 года 10-я армия остановилась, упершись флангами в реки Волгу и Медведицу. Конный корпус Буденного стал позади центра позиций этой армии, готовый в любую минуту кинуться туда, где будет особенно трудно. В середине августа 1919 года Южный фронт красных, при помощи подошедших с Урала частей, вновь перешел в наступление на Донскую область. Конный корпус Буденного командование 10-й армии направило вниз по реке Медведице в гущу казачьих станиц и хуторов, чтобы там он соединился с наступавшей с севера 9-й армией и прикрыл фланги 9-й и 10-й армий. Но генерал Мамантов со своей конницей прорвал красный фронт и пошел по тылам советских войск, уничтожая все и всех на своем пути.

А в это время в городе Саранске восстали насильно мобилизованные в Красную армию казаки и во главе с комкором Ф.К. Мироновым, бывшим казачьим офицером, а затем командиром корпуса Красной армии, пошли на фронт, обещая бить и белых, и красных. Но прежде чем пойти на фронт, Миронов решил объединиться с Усть-Медведицкой 23-й красной дивизией, которой он раньше командовал. С этой целью он повел свой корпус в расположение этой дивизии, которая находилась в непосредственной близости от буденновского корпуса. Объявленный красными вне закона, Миронов лично Буденного не интересовал. Но вместе с ним шел бывший красный комбриг Костя Булаткин, который через мироновских казаков прислал Буденному письмо, в котором писал, что Миронов, выступающий против белых и красных, и есть настоящий народный заступник, и предлагал Буденному присоединиться к нему и вместе с ним тоже бить и белых, и красных.

Принимать предложение Булаткина Буденный, конечно, не соби-
рался. Но своим письмом Булаткин подвел Буденного «под мона-
стырь». Если Миронова арестуют красные, и всплывет, что его
подручный Булаткин Буденному письмо написал, то в лучшем
случае его, Буденного, отстранят от командования, а в худшем по-
ставят к стенке рядом с Мироновым и тем же Булаткиным. Время
военное, суровое, разбираться и вникать в подробности никто не
будет. Выход напрашивался один – самому поймать Миронова
вместе с его бандой и, пользуясь тем, что он вне закона, шлепнуть
его, и концы в воду. А как раз в это время пришла директива,
предписывающая корпусу Буденного идти на город Новохоперск
ловить Мамантова. Путь на Новохоперск Буденный рассчитал так,
чтобы встретить по дороге идущий к фронту отряд Миронова.
И не ошибся: встретил мионовцев и арестовал их командира Ми-
ронова и его подручных. Но Булаткина среди мионовцев не оказа-
лось. Да и Миронова расстрелять Буденному не удалось. Политком
корпуса успел доложить по инстанции об аресте Миронова,
и Л.Д. Троцкий приказал немедленно отправить его в военный три-
бунал, который приговорил Миронова к расстрелу. Но и после это-
го Миронова не расстреляли, а через два дня объявили о его поми-
ловании. Такое решение было продиктовано тем, что война шла не
только с казачеством, но и за казачество. Казаков нужно было пере-
тягивать на свою сторону, чтобы лишить Богаевского и Деникина
возможности пополнять людьми свои армии. А если бы Миронова
расстреляли, то многие красные казаки могли бы уйти к белым.

В начале октября 1919 года корпуса генералов К. К. Маманто-
ва и Н. Г. Шкуро захватили город Воронеж, из которого был самый
короткий путь до Москвы. Поэтому Деникин планировал создать в
районе Воронежа свой плацдарм для наступления на советскую
столицу. Чтобы не дать Деникину возможности осуществить свои
планы, советское военное командование приняло решение создать в
районе Воронежа ударную группу советских войск, которая должна
была бы переломить ход войны в пользу красных. И такой группой
стали Конный корпус Буденного и 8-я армия. Эти соединения под
Воронежем несколько дней вели ожесточенные бои с войсками

Шкуро и Мамантова. Но взять Воронеж им все никак не удавалось. Погода в те дни стояла ненастная. Дожди шли непрерывно. Вся местность вокруг Воронежа покрылась сплошной сетью озер и болот. По такой погоде лучше обороняться, чем наступать. Поэтому советские войска остановились и стали ждать наступления белых со стороны Воронежа. Но шкуровцы и мамантовцы по такой погоде тоже не хотели наступать и решили отсидеться в большом и красивом городе. Зачем из него в такую погоду в чистое поле лезть? Не дождавшись наступления белых, Буденный решил выманить их из города. Для этого он 24 октября 1919 года написал письмо генералу Шкуро с обещанием завтра взять Воронеж. Отвез это письмо в штаб Шкуро переодетый в офицерскую форму лихой кавалерист Олеко Дундич, который попутно бросил в окно шкуровского штаба несколько гранат и благополучно вернулся к своим. Как и предполагал Буденный, Шкуро с Мамантовым на это письмо отреагировали оперативно – вывели свои войска из города и атаковали позиции красных. В утреннем тумане без поддержки артиллерии и пулеметов сошлись в рукопашном бою две конные массы. Бой был жестокий и беспощадный и продолжался полдня. А во второй половине дня белые выдохлись и, не выдержав натиска буденновцев, отступили в город. Но закрепиться в Воронеже они уже как следует не успели. Буденновцы на их плечах ворвались в город и совместно с красноармейцами 8-й армии выбили белых из Воронежа и взяли его. В этом бою особо отличились буденновцы эскадрона под командованием Олеко Дундича, серба по национальности, и 4-я кавалерийская дивизия под командованием Оки Городовикова, калмыка по национальности.

Из Воронежа конница Буденного пошла по деникинским тылам на запад и в середине ноября 1919 года вышла на важный железнодорожный узел – станцию Касторную, из которой в ходе двухдневного боя выбила белых и взяла ее. В этом бою образцы храбрости проявили буденновцы кавалерийского эскадрона под командованием А. Бацкалевича, белоруса по национальности. От станции Касторной Буденный повел свой корпус на юг, преследуя отступающего противника.

После взятия советскими войсками города Воронежа и станции Касторной обстановка на Южном фронте изменилась в пользу красных. Создались благоприятные условия для начала широкомасштабного наступления Красной армии на юге страны. В связи с этим началась подготовка войск Южного фронта к предстоящему наступлению. В ходе этой подготовки в буденновский Корпус ввели еще одну дивизию – 11-ю кавалерийскую, и по приказу Реввоенсовета Южного фронта от 17 ноября 1919 года конный корпус Буденного был преобразован в 1-ю Конную армию, командующим которой назначили С.М. Буденного, а членом Реввоенсовета – К.Е. Ворошилова. В ходе этой реорганизации новое назначение получил и Г.В. Деменев, которого назначили начальником 4-й кавалерийской дивизии.

Наступление войск Южного фронта началось в третьей декаде ноября 1919 года. Армия Буденного получила приказ стремительным броском на юг пройти рабочий Донбасс и выйти к Ростову-на-Дону и Таганрогу, чтобы отрезать Донскую белоказачью армию от деникинской Добровольческой армии, действующей на Украине. Для выполнения этой задачи 1-й Конной армии были приданы две стрелковые дивизии, бронепоезд, артиллерия и даже авиация. Шла вся эта группировка советских войск вдоль железной дороги, а вокруг нее сновали конные отряды, которые налетали на белых и отскакивали от них, тем самым завлекая противника под шквал огня стрелковых дивизий. Но белые, отступая, оказывали ожесточенное сопротивление, поэтому, несмотря на требование высшего командования Красной армии, наступление этой группы советских войск шло медленно. И только к концу 1919 года белые выдохлись. Белоказачьи корпуса вдали от своих родных станиц и хуторов дрались вяло. А кубанцы, повздоровившие с Деникиным, и вовсе самовольно стали покидать фронт и расходиться по домам. Оставшись один на один с красными, войска Добровольческой армии не выдерживали натиска буденновцев и отступали, иногда даже не принимая боя. А вот по территории Донской области красным войскам пришлось идти с тяжелыми боями. Здесь они наткнулись на ожесточенное сопротивление белоказачков Донской

армии, сломить которое у Южного фронта недостаточно было сил. В результате наступление советских войск на этом участке фронта с каждым днем замедлялось и в любую минуту могло остановиться совсем. Чтобы не допустить этого, был сформирован новый Конно-сводный корпус, состоящий из трех кавалерийских бригад, который под командованием выздоровевшего Думенко был брошен на донскую столицу, город Новочеркасск, и под рождество 1920 года оказался у его стен. А Буденный со своей армией и приданными ей войсками к тому времени вышел с украинской территории прямо на Ростов и в районе Генеральского моста вступил в ожесточенную схватку с войсками Мамантова. В это же время Думенко со своим корпусом атаковал белых под Новочеркасском. Мамантов, разметав приданную буденновцам пехоту, бросился на защиту Новочеркасска, но опоздал. Наступившая оттепель грозила начаться ледоходом на Дону. И, чтобы не оказаться отрезанными ледоходом, белые отступили за Дон, оставив Новочеркасск и Ростов. На второй день после праздника Рождества Христова 1-я Конная армия вошла в Ростов, а Конно-сводный корпус Думенко занял Новочеркасск.

Но белые, отступившие за Дон, опомнились, осознав, что дальше им отступать некуда. Поэтому стали пополнять свои ряды за счет добровольцев и дезертиров, добровольно вернувшихся в свои части, чтобы противостоять наступающим красным. В то же время на Кубани началось активное формирование и выдвижение к границе Донской области новых кубанских белоказачьих корпусов, готовых до последнего казака защищать свою родную землю от наступающих советских войск.

Через неделю после занятия красными Ростова 1-я Конная армия пошла через Дон на город Батайск. Шли по низине, топи, сплошному месиву из грязи, льда и воды. Пять дней в таких невыносимых климатических условиях дрались буденновцы, неся огромные потери личного состава и лошадей. Поняв, что в таких условиях продолжать наступление нельзя, Буденный с Ворошиловым направили главкому С.С. Каменеву телеграмму, в которой сообщили о сложившейся обстановке и попросили отменить

наступление, потому что если оно продолжится, то лучшая конница Советской республики будет полностью уничтожена. Верховное командование учло эту просьбу, и 1-ю Конную армию перебросили восточнее города Батайска, приказав форсировать реку Маныч у станицы Богаевской и ударить белым во флаг. А восточнее Маныч должен был форсировать Конно-сводный корпус Думенко. Перед тем как пойти в наступление, Буденный с Ворошиловым, справедливо полагая, что для успешного форсирования Маныча эти две группировки советских войск необходимо объединить в одну, предложили командованию фронтом корпус Думенко в оперативном отношении временно подчинить 1-й Конной армии. Но пока шли переговоры с командованием фронта, Думенко узнал об этом и, не желая попасть в подчинение своему бывшему заму Семену Буденному, в одиночку форсировал Маныч и ввязался в бой с белыми. Но белые, имея на этом участке фронта численное преимущество своих войск, под командованием генерала Мамантова опрокинули думенковскую конницу и отбросили ее обратно за Маныч. После неудачной атаки корпуса Думенко форсировать Маныч, тоже в одиночку, попыталась армия Буденного, которую конница Мамантова встретила так, как подобает встречать достойного противника. И в ходе многочасового ожесточенного боя сбила Конную армию Буденного и отбросила ее на исходные позиции. В результате обе попытки форсировать Маныч закончились неудачей. И произошло это потому, что Конная армия Буденного и Конно-сводный корпус Думенко действовали вразнобой, что дало возможность белым бить их поодиночке.

За неудавшуюся попытку форсировать Маныч командующий Южным фронтом В.Н. Егоров обвинил Буденного и Думенко. Кроме того, он несправедливо обвинил 1-ю Конную армию в пьянстве и мародерстве. С такими обвинениями ни Буденный, ни Ворошилов согласиться не могли. Поэтому К.Е. Ворошилов через своего друга И.В. Сталина поставил вопрос о смещении с должности командующего Южным фронтом В.Н. Егорова, который, по мнению Ворошилова и Буденного, недостаточно эффективно руководит фронтом и почему-то невзлюбил 1-ю Конную армию,

к которой постоянно придирается и обвиняет ее в том, чего на самом деле нет. Но И.В. Сталин был другого мнения о Егорове. Он считал его умным и талантливым командиром, прекрасно справляющимся с возложенными на него обязанностями, поэтому не стал ставить этот вопрос перед Главкомом. Но и обидеть своего друга Ворошилова, не поддержав его предложение в отношении Егорова, Иосиф Виссарионович не мог. Поэтому решил развести их в разные стороны и добился перевода 1-й Конной армии на Юго-Восточный фронт, командующим которым в то время был В.И. Шорин.

Изучив все сильные и слабые стороны 1-й Конной армии, Шорин перебросил ее вверх по реке Маныч к железной дороге, где наступали советские войска, при поддержке которых Буденный должен был на стыке донских и кубанских белоказаков прорваться в тыл к белым. Но белые, узнав о наступлении конницы Буденного, бросили наперерез его армии конную группу генерала Павлова, сменившего к тому времени умершего Мамантова, которая пошла по степи напрямик по бездорожью с намерением неожиданно атаковать буденновскую армию и уничтожить ее или заставить повернуть назад. Но к тому времени на юг России неожиданно пришли сильные морозы, и в пути Павлов потерял четвертую часть своих людей замерзшими и обмороженными. Но, несмотря на это, под станицей Торговой он попытался атаковать буденновцев. Однако изможденные и замерзшие лошади по бездорожью не могли не только скакать галопом или бежать рысью, но даже идти шагом. В результате развернутые сотни белых с криками «Ура!» оставались на месте. Поэтому буденновцы относительно легко смяли Павловскую конницу, разбили за станицей Торговой белые корпуса и пошли на запад, подрезая белый фронт. Но у станицы Егорлинской белые оказали буденновцам серьезное сопротивление. Две армии сошлись лоб в лоб, и началось великое кавалерийское сражение. То белые, то красные попеременно налетали друг на друга и, встреченные пулеметным огнем противника, отскакивали обратно. В горячке боя обе стороны забыли все новшества и нововведения и, развернувшись в боевые порядки, по уставам царской

армии кидались друг на друга с шашками и строем валились под градом пуль противника. Это было самое крупное и самое кровопролитное кавалерийское сражение XX века, которое продолжалось целый день. В ходе этого боя обе противоборствующие стороны были до такой степени обессилены, что, появившись с той или другой стороны даже небольшое свежее подразделение, оно могло бы без особого труда опрокинуть войска неприятеля и заставить их отступить. Но ни у красных, ни у белых на тот момент такого подразделения в наличии не оказалось, и это сражение закончилось вничью. А ночью в этот район подошла красногвардейская пехотная дивизия и тихо, без боя, заняла оспариваемые пункты. После этого боя белые, потеряв надежду на победу, начали отступать в сторону Черного моря.

В ходе ожесточенных и кровопролитных боев с белыми, продолжавшихся почти два месяца, красные войска освободили от деникинцев Донбасс, Таганрог, Царицын, Новочеркасск, Ростов-на-Дону и ряд других населенных пунктов и в первой декаде января 1920 года достигли берегов Азовского моря, в результате чего белый фронт оказался рассечен на две части. Наиболее крупная группировка войск белых, состоящая из Донской, Кавказской и Добровольческой армий, отошла на Северный Кавказ, а их меньшая группа отступила в Крым и к Одессе.

Уничтожение остатков белогвардейских и белоказацких войск на Северном Кавказе было поручено Юго-Восточному фронту, в январе 1920 года переименованному в Кавказский, а командующим фронтом был назначен М.Н. Тухачевский. А на Южный фронт, который тоже в январе 1920 года был переименован в Юго-Западный, была возложена задача ликвидировать группировку деникинских войск в южной части Украины и освободить Крым. В течение трех месяцев войска этих двух фронтов вели ожесточенные бои с противником, которые завершились в конце марта 1920 года полным разгромом деникинских войск и освобождением южной части Украины и города Одессы, а также Северного Кавказа и города Новороссийска.

Потерпев поражение на Северном Кавказе и в южной части Украины, Деникин «сошел со сцены», передав командование Добровольческой армией барону П.Н. Врангелю. Но, несмотря на успехи Красной армии на Северном Кавказе и на Украине, выбить врангелевцев из Крыма войскам Юго-Западного фронта тогда не удалось.

Глава 3. Русско-польский фронт

Весной 1920 года поляки, предполагая, что обе противоборствующие стороны в России обескровили друг друга до такой степени, что ни красные, ни белые не в состоянии оказать серьезное сопротивление третьей стороне, решили воспользоваться этим и под шумок возродить Великую Речь Посполитую от Черного моря до Балтийского. Для этого они при поддержке и на средства стран Антанты и США создали хорошо оснащенную и вооруженную до зубов армию, превышающую численность войск Красной армии в два с половиной раза, а численность советских войск, сосредоточенных на Украине, – в четыре раза. И 25 апреля 1920 года польские войска совместно с петлюровцами и отрядом бывшего царского офицера Куровского начали стремительное наступление на Украину и уже в мае 1920 года захватили город Киев. Чтобы остановить дальнейшее продвижение поляков в глубь Украины и сорвать намеченный ими поход на Белоруссию, советское правительство вынуждено было принять ответные меры. И 14 мая 1920 года Красная армия силами Западного фронта под командованием М.Н. Тухачевского, которого на эту должность назначили в первой декаде мая 1920 года, освободив его от должности командующего Кавказским фронтом, нанесла удар по войскам Юзефа Пилсудского в Белоруссии и к концу мая 1920 года продвинулась на 100–120 километров. Но поляки подтянули на этот участок фронта дополнительные силы из Польши и Украины и остановили наступление советских войск, а затем и отбросили их на исходные позиции. Несмотря на неудавшееся наступление наших войск в Белоруссии, оно заставило поляков снять часть своих войск с украинского фронта и перебросить их в Белоруссию. Это привело к ослаблению польского фронта на Украине и заставило поляков отказаться от дальнейшего наступления в этом районе, что облегчило подготовку к контрнаступлению войск Юго-Западного фронта. Для укрепления этого фронта туда было направлено дополнительное

количество советских войск. С Северного Кавказа в город Ростов была переброшена 1-я Конная армия Буденного, из Уральска – 25-я Чапаевская дивизия, а также часть войск из Сибири. Для усиления руководства этим фронтом членом Реввоенсовета туда был направлен И.В. Сталин.

Пока в Ростове 1-я Конная армия и другие части советских войск готовились к наступлению на поляков, арестовали командира Конно-сводного корпуса Бориса Думенко, который якобы был причастен к убийству комиссара корпуса. Вместе с Думенко пересажали и весь штаб этого корпуса. Буденный с Ворошиловым по этому делу прошли как свидетели. Ворошилов ничего плохого в адрес Думенко не сказал и никаких обвинений против него не выдвинул. А Буденный дал расплывчатые показания:

– Со стороны Думенко наблюдались некоторые недовольства к политработникам, хотя их было очень мало... Приказы вышестоящего командования, которые, по мнению Думенко, не все и не всегда были правильные, он исполнял не всегда аккуратно... Недовольства Думенко в отношении вышестоящего командования выливались только на квартире, но не в штабе и не на публике...

По поводу ареста комкора Думенко заволновалась 4-я буденновская дивизия, которой он когда-то командовал. Бойцы этой дивизии справедливо считали, что Думенко был главным организатором красной конницы, и стали требовать его освобождения или разрешить буденновцам присутствовать на суде, когда Думенко будут судить. Неизвестно, чем бы закончились волнения этой дивизии, если бы не Ока Городовиков, который предложил буденновцам оставить в Ростове от каждого эскадрона представителей на суд, а остальным идти на польский фронт. Так и поступили. Но когда Думенко судили, представителей от 4-й дивизии на суд не пустили. А Думенко приговорили к расстрелу и в мае 1920 года расстреляли.

1-я Конная армия прибыла на польский фронт, пополненная 14-й кавалерийской дивизией, сформированной из пленных белоказак, которые добровольно согласились служить в Красной армии. 26 мая 1920 года войска ЮЗФ под командованием А.И. Егорова перешли в наступление на поляков. Армия Буденного в районе

н.п. Умань вступила в бой с войсками Пилсудского – кавалерийской дивизией 2-й польской армии генерала Карницкого и отрядом бывшего царского офицера Куровского. Отряд Куровского был сформирован из людей, проживавших на оккупированной поляками территории бывшей Российской империи. Воины из них были никудышные и воевали кое-как, поэтому поляки выставляли их по всей линии фронта в качестве заслона. Буденновцы с ходу прорвали заслоны Куровского, но развить дальнейшее наступление им не удалось. Наша конница натолкнулась на хорошо подготовленную оборону поляков, которые создали в этом районе глубоко эшелонированную оборону и встретили наши войска плотным артиллерийско-пулеметным огнем. Атака захлебнулась. Буденновцы оставались, но ненадолго. Уже 5 июня 1920 года под станицей Озерной они прорвали оборону противника в стыке между двумя польскими армиями – 3-й, оборонявшей город Киев, и 6-й, оборонявшей город Винницу, заняли населенные пункты Ягнятин и Озерную, а также форсировали реку Ростовицу. В результате этого прорыва 1-я Конная армия глубоко вклинилась в оборону противника. Поляки попытались атаковать буденновцев одновременно с двух сторон – с севера кавалерийской дивизией Карницкого и с юга кавалерией и пехотой бригады Савицкого. Но Буденный не стал отбивать фланговые атаки поляков, а повел свою Конную армию вперед на северо-запад, в глубокий тыл противника, позади которой сомкнулось кольцо польских войск. Так под командованием легендарных полководцев С.М. Буденного и К.Е. Ворошилова начался знаменитый Бердичевский прорыв 1-й Конной армии, которая с ходу овладела городом Житомир, где освободила из польского плена несколько тысяч красноармейцев. После взятия Житомира армия Буденного повернула на восток и у местечка Брусилов встретила с фастовской группой советских войск под командованием И.Э. Якира. В результате этой операции между городами Киевом и Винницей образовался «красный коридор». Выполнив поставленную задачу, 1-я Конная армия снова повернула на запад продолжать рейд по тылам польских войск. Но в это время прервалась связь между буденновской армией и штабом

ЮЗФ, в результате чего 1-я Конная армия не смогла своевременно получить конкретный план дальнейших действий после прорыва вражеской обороны и вынуждена была остановиться. Но даже стоящая на месте армия Буденного оказывала серьезное моральное воздействие на войска Пилсудского. Их тылы охватила паника. Польская 3-я конная армия, боясь попасть в окружение, отступила из Киева. Наступило самое подходящее время отрезать этой армии пути отхода и уничтожить ее. Но, не имея приказа, буденновцы сделать это не имели права и вынуждены были несколько дней стоять на месте и бездействовать. А когда связь восстановилась, из штаба ЮЗФ Буденный получил приказ, предписывающий 1-ю Конную армию временно разделить на две группы. Одной группе в составе 6-й и 11-й кавалерийских дивизий под командованием Буденного было приказано идти на юго-запад, чтобы прикрыть зону прорыва советскими войсками польского фронта от фланговых ударов польской кавалерии и пехоты. Другой группе буденновцев в составе 4-й и 14-й кавалерийских дивизий под командованием Ворошилова было приказано двинуться на н.п. Родомысль, а затем повернуть на северо-запад и ударить по польской группировке войск, сосредоточенной в районе н.п. Коростень. Но ночью, накануне этой операции, недалеко от Коростеня ворошиловскую группу неожиданно атаковали скрытно пробравшиеся туда польские войска. Ворошилов бросил свои дивизии в контратаку. Завязался ожесточенный бой, который с переменным успехом продолжался в течение суток. И только на второй день ворошиловской группе удалось выбить поляков из Коростеня и взять этот населенный пункт.

Стремительный прорыв армии Буденного в польский тыл и разгром поляков в районе Коростеня и в ряде других населенных пунктов привели к краху всей польской обороны на Украине, в результате чего войска Пилсудского покатались в сторону польской границы. Но досталась эта победа для 1-й Конной армии ценой больших потерь личного состава – убитыми и ранеными. Получил пулевое ранение в правое плечо и начальник 4-й дивизии Г.В. Деменев, которого отправили в киевский лазарет лечиться. Новым

начальником 4-й дивизии назначили командира первой бригады этой дивизии Ф.М. Литунова.

Две недели Деменев пролежал в госпитале, а как только рана немного зажила, не долечившись, он убежал из госпиталя и уехал в город Житомир искать свою дивизию. В Житомире Деменеву объяснили, что для того чтобы догнать ее, он должен ехать в город Ровно, который пока еще находится в руках поляков, но пока он доберется туда, наши войска его уже освободят. Ехать Деменеву пришлось верхом на лошади двое суток. Вся дорога была усеяна польскими повозками, брошенными орудиями и другим оружием и имуществом, а также трупами лошадей и польских солдат и офицеров. Навстречу Деменеву шли большие группы пленных поляков, конвоируемые красноармейцами. В Ровно Деменев прибыл 4 июля 1920 года, когда наши войска только что выбили из него поляков. За городом еще слышна была канонада, а в городе, прямо на земле, спали смертельно уставшие от длительных боев красноармейцы.

Рука у недолечившегося Деменева действовала плохо и болела. Поэтому его не поставили на прежнюю должность начальника дивизии, а назначили помощником начальника оперативного отдела 1-й Конной армии.

Успешное контрнаступление войск ЮЗФ на Украине создало благоприятные условия для возобновления наступления войск Западного фронта в Белоруссии, которое началось 4 июля 1920 года. Развернулось широкое наступление войск Юго-Западного и Западного фронтов, в ходе которого 11 июля 1920 года была освобождена от поляков столица Белоруссии город Минск, а к концу июля 1920 года – вся территория Белоруссии и Украины. Советские войска вышли к этническим границам Польши. Враг был полностью изгнан с нашей территории. За освобождение Украины от поляков многие буденновцы были награждены орденами Красного Знамени и почетным боевым оружием. Третий орден Красного Знамени получил и Деменев. А Буденный и Ворошилов были награждены этим орденом четвертый раз.

С выходом Красной армии на этнические границы Польши можно было бы и закончить войну с ней. Но в связи с тем, что

польское правительство на словах выступало за мирные переговоры с советской Россией, а на деле саботировало их, в интересах защиты молодой Советской республики Красной армии предстояло перейти этнические границы и продолжить наступление на Польшу. В связи с этим перед Западным и Юго-Западным фронтами была поставлена задача: сходящимися ударами этих двух фронтов с северо-востока и юго-востока взять польскую столицу город Варшаву. В этой операции 1-й Конной армии предстояло наступать на город Луцк, а после его взятия – на населенные пункты: Владимир-Волынский, Замостье, Люблин. Началась интенсивная подготовка войск Западного и Юго-Западного фронтов, в том числе и 1-й Конной армии, к предстоящему наступлению. Но не успели войска, которым предстояло участвовать в этой операции, как следует подготовиться к наступлению, как неожиданно для всех оперативное направление было изменено, и весь ЮЗФ поменял северо-западный курс на юго-западный. В связи с этим и оперативное направление для 1-й Конной армии тоже было изменено и направлено на город Львов.

Наступление советских войск на Польшу началось в начале августа 1920 года. Конармия Буденного вступила в ожесточенные бои на территории между населенными пунктами Здолбунов–Кременец–Броды–Дубно. В связи с тем, что вражеская полоса обороны была оборудована искусственными препятствиями (в основном заграждениями из колючей проволоки), которые на лошадях преодолеть невозможно было, кавалеристы вынуждены были спешиваться и, превратившись в пехотинцев, под ураганным огнем противника, ползая по-пластунски, делать проходы в проволочных заграждениях для конницы. Но, прорвав одну линию заграждений, буденновцы тут же наталкивались на вторую, третью... И так продолжалось до бесконечности. В результате чего вместо молниеносного наступления война для армии Буденного превратилась в полупозиционную и малоэффективную. Это выматывало людей до такой степени, что они от усталости падали на землю и моментально засыпали под вражеским огнем. Плотный ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь противника не давал возможности подбирать на поле боя убитых и оказывать медицинскую

помощь раненым, отчего раненые, не получив своевременной медицинской помощи, истекая кровью, вынуждены были там умирать. Кроме людей много гибло и лошадей, которые, оставшись без всадников и обезумев от стрельбы и разрывов снарядов, метались между нашей и вражеской линиями обороны. Не зная, куда бежать, они были отличной мишенью для врага и, сраженные пулями и осколками снарядов, сотнями падали на землю и погибали. Но, несмотря на огромные потери личного состава и лошадей, пополнения подразделений людьми и лошадьми не было. К тому же начались перебои в снабжении армии, в результате чего буденновцы стали испытывать нехватку боеприпасов, продовольствия и фуража. Но, несмотря на все это, никакой передышки, даже кратковременной, не было. Наоборот, ожесточенность боев постоянно нарастала. Но смертельно уставшие и голодные, да еще и не имевшие достаточного количества боеприпасов люди не могли успешно воевать. И тогда Буденный своей властью, без разрешения командования фронтом, вывел на короткий отдых 4-ю и 11-ю дивизии, а в первом эшелоне оставил 6-ю и 14-ю дивизии и Особую кавалерийскую бригаду. После непродолжительного отдыха 1-я Конная армия в полном составе снова вступила в сражение с поляками и вела бои за переправы через реку Стырь и за подступы к н.п. Радзехув. За это время подчиненная Буденному пехота взяла город Луцк. Группа И.Э. Якира с кавалерийской бригадой Г.И. Котовского и дивизией В.М. Примакова вела наступательные бои в направлении н.п. Ясенов. А в середине августа 1920 года и Конная армия Буденного попыталась перейти в общее наступление, но в районе небольшого пограничного городка Броды была остановлена встречными и фланговыми ударами поляков. К тому же у буденновцев, узнавших, что город Львов раньше был австрийским, приключилась «пограничная болезнь».

— Зачем нам туда идти? Что мы забыли на чужой земле? — говорили они.

Целый месяц 1-я Конная армия простояла у злосчастного городка Броды. Справа от нее на Варшаву успешно наступали войска Западного фронта под командованием Тухачевского, которые к этому времени почти полностью окружили польскую столицу,

а армия Буденного, как привязанная, все еще топталась между Львовом и Бродами. В связи с этим 1-ю Конную армию сняли из-под Львова и перебросили севернее на поддержку Тухачевского, но опоздали. Поляки собрались с силами, перешли в контрнаступление и отрезали от войск Западного фронта две полевые армии и один конный корпус этого фронта, которым пробиться обратно не удалось, и они вынуждены были уйти в Восточную Пруссию и сдаться в плен немцам. И армия Буденного тоже чуть не попала в полное окружение поляков. Но ей, несмотря на огромные потери личного состава, все же удалось вырваться из польского полукольца и соединиться с остальными советскими войсками.

Поражение советских войск под Варшавой привело к тому, что силы Юго-западного и Западного фронтов оказались истощены до такой степени, что уже не смогли не только наступать, но и противостоять наступлению поляков, а дополнительных войск для пополнения этих фронтов взять было негде. Поляки этим воспользовались и не только в кратчайшие сроки освободили всю свою территорию от советских войск, но и снова пересекли этническую границу с бывшей Российской империей и захватили ряд западных областей Украины и Белоруссии, которые, несмотря на мирный договор между советским и польским правительствами, подписанный в Риге 12 октября 1920 года, в течение 19 лет оставались под польским гнетом. И только в сентябре 1939 года, когда Красная армия пересекла советско-польскую границу и изгнала поляков из оккупированной ими нашей территории, эти области воссоединились с Советской Украиной и Советской Белоруссией.

Глава 4. Южный фронт

После заключения в октябре 1920 года мирного договора с Польшей 1-ю Конную армию перебросили на вновь созданный для разгрома войск Врангеля Южный фронт, командующим которым был назначен М.В. Фрунзе. Михаил Васильевич придумал хитрый план, предусматривающий чужими руками разбить войска Врангеля. По этому плану войска батьки Н.И. Махно, которые в то время были союзниками Красной армии и воевали против белых, должны были прорваться сквозь врангелевские боевые порядки, выйти к перешейкам, соединяющим Крым и Таврию, перекрыть их и отрезать врангелевцев в Таврии от остальных белогвардейских войск. Чтобы не допустить этого, врангелевцы вынуждены будут обрушить все свои силы на махновцев. И тогда либо врангелевцы истребят махновцев, либо махновцы перебьют врангелевцев, либо и то и другое вместе. И, независимо от исхода этого боя, в любом случае врангелевцы понесут большие потери, что позволит войскам Южного фронта меньшей кровью добить врангелевцев и освободить Крым и Таврию от белогвардейцев. Но батька Махно был неглупым человеком и, своевременно раскусив план большевиков, сорвал его. В самый последний момент, когда до начала операции оставалось меньше суток и войска Южного фронта, заняв исходные позиции, ждали сигнала к наступлению, Махно заявил, что его армия сможет выступить только через несколько дней, потому что кони у него расковались, тачанки рассохлись и нуждаются в срочном ремонте, патронов мало и прочее. Но остановить запущенную военную машину уже не было возможности. Поэтому задачу, которую должен был выполнить Махно, поручили Буденному.

Наступление войск Южного фронта на Крым началось 28 октября 1920 года. 1-я Конная армия стремительной атакой прорвала врангелевскую оборону, вышла к крымско-таврийским перешейкам и взяла их, в результате чего врангелевцы оказались в полном окружении красных. Чтобы вырваться из него и попасть в Крым,

они обрушили на армию Буденного всю свою мощь. Но буденновцы, несмотря на огромные потери личного состава, изо всех сил держали фронт. Резервов, чтобы поддержать буденновцев, взять было неоткуда. Поэтому Буденный, вместе со своей охраной и ординарцами, сам кидался в контратаки. Но, несмотря на отчаянное сопротивление буденновцев, часть врангелевцев все-таки прорвалась в Крым. А понесшую огромные потери 1-ю Конную армию вывели из боя, и она в последующей операции по штурму Перекопа не участвовала, а вошла в Крым только тогда, когда армия Врангеля была полностью разбита другими войсками Южного фронта. За эту операцию многие буденновцы были награждены правительственными наградами. Получили очередные ордена Красного Знамени и Буденный, Ворошилов и Деменев.

С разгромом в ноябре 1920 года армии барона Врангеля Гражданская война на юге России закончилась. Но для 1-й Конной армии она еще долго продолжалась в разных регионах молодой Советской республики. Буденновцам пришлось гоняться за махновцами, которые выступили против советской власти, а также бороться со своими изменниками: бывшими бойцами и командирами Красной армии, которые, не выдержав порядков военного коммунизма, дезертировали из армии, создали повстанческие отряды и стали бороться против советской власти — убивать советско-партийных работников и продотрядовцев и даже вступать в стычки с войсками Красной армии.

С декабря 1920 года по май 1921 года 1-я Конная армия вела бои с бандами разных мастей на Украине. А когда главные силы бандформирований там были уничтожены, то основную массу войск 1-й Конной армии перебросили на Северный Кавказ для той же цели, а ее 11-ю кавалерийскую дивизию походным маршем направили в Полесье под город Гомель. На эту дивизию была возложена задача бороться с бандитизмом в Белоруссии и оказывать помощь населению этой республики в восстановлении разрушенного войной хозяйства.

Глава 5. Туркестанский фронт

В начале июля 1922 года в 11-ю кавалерийскую дивизию приехали командующий 1-й Конной армии С.М. Буденный и заместитель начальника оперативного отдела этой армии Г.В. Деменев. Буденный провел во всех полках дивизии строевой смотр и остался доволен состоянием личного состава и лошадей. А затем вручил начальнику дивизии Ф.М. Морозову приказ, предписывающий 11-й дивизии в полном составе срочно отправиться в Среднюю Азию для оказания помощи командованию Туркестанского фронта уничтожить в Бухаре басмачество. Этим же приказом Г.В. Деменев назначался старшим оперативным начальником этой группы войск и вместе с 11-й дивизией направлялся в Бухару.

Отдав соответствующие распоряжения командованию дивизии и Деменеву, Буденный уехал на Северный Кавказ, где в то время дислоцировались три – 4-я, 6-я и 14-я – кавалерийские дивизии и Отдельная кавалерийская бригада 1-й Конной армии. А 11-я кавалерийская дивизия погрузилась в товарные вагоны и железнодорожным эшелоном отправилась в город Баку. Этим же эшелоном вместе с дивизией уехал и Деменев. В бакинском порту дивизию погрузили на пароходы и через Каспийское море перебросили в город Красноводск, а оттуда снова товарным поездом – в Бухару. Высадили 11-ю кавалерийскую дивизию на станции города Каттакурбан, где буденновцев встретили адъютант командующего Туркестанским фронтом Б.М. Сергеев и начальник разведки Туркфронта В.П. Собянин, которые ознакомили командный состав дивизии с местными порядками и обычаями, а также подробно рассказали об обстановке, сложившейся в Бухаре, которая оказалась настолько сложной, что буденновцы и представить себе не могли. Басмачи терроризируют население, грабят и жгут кишлаки, увозят молодых мужчин в рабство, а девушек – в гаремы, а также убивают дехкан, поддерживающих советскую власть и оказывающих помощь войскам Туркфронта и местным мусульманским отрядам,

борющимися с басмачами, и даже нападают на небольшие гарнизоны войск Туркфронта. А вдохновляют басмачей на борьбу с советской властью и поддерживают их материально и морально иностранные государства, и в первую очередь Англия, которая с помощью басмачей стремится отторгнуть Туркестан и Бухару от Советского Союза. Но не только Англия зарится на эту территорию.

После капитуляции Турции в Первой мировой войне ее бывший военный министр Энвер-паша вынужден был эмигрировать за границу, и в начале 1922 года он под именем Али-бей прибыл в город Ташкент, но не для того, чтобы спокойно жить там, а для того, чтобы на территории советской Средней Азии создать самостоятельное тюркское государство и самому стать его султаном. Для этого ему нужна хорошо подготовленная и вооруженная армия, которой у него не было. Поэтому он обратился к командованию Туркестанского фронта с предложением создать на территории Средней Азии под его командованием мусульманские части Красной армии якобы для защиты советской власти в этом регионе от внутренних и внешних врагов. На самом же деле он планировал использовать эти части для уничтожения на территории Средней Азии советской власти и отторжения среднеазиатских советских республик от СССР. Несмотря на то, что командование Туркфронта тогда еще не знало, что под именем Али-бей скрывается не просто турецкий офицер, а бывший военный министр Турции Энвер-паша, и не догадывалось о его истинных намерениях, а также несмотря на то, что Туркфронт испытывал недостаток войск для борьбы с басмачами, командование фронтом не приняло это предложение турка, справедливо полагая, что такое серьезное дело нельзя доверить неизвестному человеку, да к тому же еще и иностранцу.

Не получив у командования Туркфронтом поддержки на осуществление своего предложения, Али-бей уехал в Восточную Бухару, чтобы там уже под своим именем Энвер-паша совместно с местными беками и баями, а также с главарями басмачества Восточной Бухары Абдукахаром и Абду-Саттар-ханом приступить к созданию мусульманской армии. По его мнению, из сплошь

неграмотного, фанатичного и забитого народа этого региона, принимавшего приказы беков и баев как непреложный закон, ему легко удастся сформировать мусульманскую армию и с ее помощью добиться осуществления своей цели.

Для этого он в горном ауле Тащи с помощью беков и баев собрал жителей Восточной Бухары на митинг, на котором присутствовало несколько тысяч человек, и объявил дехканам якобы волю бывшего эмира бухарского Сайида Алим-хана, который после революции, происшедшей в Бухаре в сентябре 1920 года, бежал за границу вступать в мусульманскую армию, чтобы с оружием в руках защитить свою землю и уничтожить в Средней Азии советскую власть. А все те, кто не выполнит повеление эмира и не пойдет на войну против неверных, будут подвергнуты мучительной физической расправе, имущество их будет предано разграблению, их жены и дочери переданы в гаремы, а дети посланы в рабство.

В ту же ночь тысячи семей, не желающих воевать за эмира, потянулись в горы, позади которых пылали подожженные по приказу Энвер-паши кишлаки, жители которых отказались дать джигитов эмиру бухарскому. И все-таки, несмотря на отказ большинства дехкан идти защищать Эмира, Энвер-паше удалось собрать 15-тысячную армию, основным ядром которой стали бывшие турецкие военнопленные солдаты и офицеры, а также российские белогвардейцы, которые после поражения в Гражданской войне в России бежали в среднеазиатские республики, в том числе и в Бухару. А основная масса людей этой армии состояла из всякого сброда, наберованного в городах, кишлаках и аулах Восточной Бухары.

Задача по уничтожению басмачества в Бухарской Советской Народной республике была возложена на Туркестанский фронт. Но выполнить ее у этого фронта недостаточно было сил, поэтому для борьбы с басмачами в помощь войскам Туркфронта в Бухаре было сформировано несколько добровольческих национальных отрядов, которые здесь называли мусотрядами. Но они были малочисленны и очень слабо подготовлены в военном отношении. К тому же они еще были плохо вооружены и испытывали недостаток

боеприпасов, поэтому оказать существенную помощь войскам Туркфронта в борьбе с басмачеством не могли.

Первым населенным пунктом, на который напал отряд армии Энвер-паши под командованием Абду-Сатар-хана, стал город Каттакурган. Среди белого дня конные басмачи налетели на городской базар и с криками «Бей! Режь!» безжалостно стали убивать и продавцов, и покупателей, и других ни в чем не повинных людей, не щадя ни малого, ни старого. Расправившись с людьми на базаре, басмачи ускакали к хлопковому заводу и подожгли его, а рабочим завода отрезали головы, сложили их в переметные сумки, прикрепленные к седлам лошадей, и уехали из города.

А Энвер-паша с главными силами своей армии, численностью одиннадцать тысяч человек, расположился в кишлаке Каферун под городом Байсун. Здесь же расположился и отряд басмачей Ибрагим-бека, численностью пять тысяч человек. Вся эта группировка готовилась к наступлению на город Гузар, в котором дислоцировалось несколько кавалерийских и стрелковых частей советских войск численностью 3,5 тысячи бойцов, под общим командованием комбрига М.В. Меркулова. Но советское командование, узнав о предстоящем наступлении Энвер-паши, решило опередить его. Главком С.С. Каменев, который в это время находился в городе Кагане, приказал Меркулову атаковать армию Энвер-паши первыми. Выполняя приказ Главкома, бригада Меркулова вместе с красным мусульманским отрядом локайцев 15 июня 1922 года под покровом ночи тихо подошла к кишлаку Каферун и на рассвете в три часа утра открыла по нему беглый артиллерийский огонь, и после короткого артиллерийского обстрела кавалерийские полки бригады Меркулова пошли в атаку. Неожиданная ночная атака советских войск застала энверовцев врасплох, и они, не выдержав стремительного натиска нашей конницы, мелкими группами покинули поле боя и отступили в горы, а наши конники преследовали их до тех пор, пока путь лошадям не преградили крутые склоны гор.

Разгром армии Энвер-паши в кишлаке Каферун значительно подрубил корни басмачества, но не уничтожил их. Вдохновители басмаческого движения объявили кровавый террор населению

Бухарской Советской Народной республики, не желающему возвращения эмира бухарского, и стали пополнять свои отряды людьми в основном с уголовным прошлым, ищущими легкой наживы, и фанатиками, не признающими новую власть. В результате армия Энвер-паши снова значительно пополнилась людьми, ее численность превысила численность советских войск и местных красных мусульманских отрядов, дислоцирующихся в Бухаре, в несколько раз. Поэтому, чтобы уничтожить басмачество в Бухаре, правительство этой республики в конце июня 1922 года обратилось к правительству России с просьбой оказать военную помощь. И такая помощь была оказана в лице 11-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, на которую военное командование России возложило задачу совместно с войсками Туркфронта и местными красными мусульманскими отрядами ликвидировать басмачество в Бухаре.

Прибывших в Бухару буденновцев рассредоточили по уездным городам и крупным кишлакам. В городе Каттакурган остался только один 61-й полк под командованием В.П. Камышова. Но вскоре и этот полк с Каттакургана перебросили по железной дороге в город Каган, где его временно, на период проведения операции по поиску и разгрому банды Абду-Саттар-хана, включили в состав бригады Туркфронта Г.И. Беларна. В состав этой бригады, тоже на время проведения операции, был включен и красный мусульманский кавалерийский дивизион под командованием Е.Б. Швеца. Из Кагана этот сборный отряд под командованием военкома бригады Д.С. Реброва (комбриг Г.И. Беларн в это время болел малярией и не мог участвовать в этой операции) походным маршем направился в кишлак Варганзи, расположенный на самой границе пустыни Кызылкум. А из кишлака Варганзи отряд пошел в сторону колодцев Урус-буке, Султан-биби, Ак-кудук и Такай-кудук, где, по данным разведки Туркфронта, находилась банда Абду-Саттар-хана.

В обязанности Деменева не входило его личное участие в боевых операциях с басмачами. Он должен был совместно с разведотделом Туркфронта оказывать штабам бухарской группы

войск и 11-й кавдивизии помощь в разработке планов боевых операций и контролировать ход их выполнения, а также, по согласованию с командованием бухарской группы войск Туркфронта, осуществлять координацию войск 11-й кавдивизии. Но, несмотря на это, он как боевой командир, умеющий неплохо воевать, не мог отсиживаться в штабе, в то время как его товарищи проливают кровь за народную власть. Поэтому он вместе с начальником разведотдела Туркфронта В.П. Собяниным, который тоже не любил «протирать штаны», сидя в кабинете, а при каждой возможности вместе с войсками ходил в боевые походы и дрался с басмачами наравне со всеми бойцами и командирами, пошел в поход с бригадой Беларна, чтобы лично бить бандитов.

Шли по порыжевшей от жары степи, обдуваемые горячим ветром. Температура воздуха была выше пятидесяти градусов по Цельсию. И по такой жаре отряд за день прошел больше двадцати верст и в конце дня остановился на большой привал. К отдыхающим бойцам подошел встречный караван, от которого красноармейцы узнали, что Абду-Саттар-хан со своей бандой вчера находился у колодцев Султан-биби. Узнав об этом, Ребров ночью при свете луны повел свой отряд в этот район. По твердой земле степи лошади шли рысью. Но вскоре степь сменилась пустыней, где вместо твердой земли были глубокие пески, по которым лошади не только рысью, но и шагом еле шли, глубоко увязая в них копытами. Это началась пустыня Кизылкум. На рассвете отряд достиг колодцев Султан-биби. Но Абду-Саттар-хана там не оказалось. Судя по следам на песке, его банда ушла в северо-восточном направлении. Не оказалось и воды в колодцах, потому что басмачи засыпали их песком. Перед оставшимся без воды отрядом встал вопрос: что делать? Ведь запасы воды, взятые с собой, уже были на исходе. Вернуться обратно, не выполнив поставленную задачу, отряд не мог. Да и воды на обратный путь не хватило бы, а без нее ни люди, ни лошади долго идти не смогли бы и по дороге погибли бы от жажды. Но и вперед идти без воды было опасно. Надежды на другие колодцы тоже мало было, потому что неизвестно, что с ними сделали басмачи. Возможно, тоже засыпали. И все же надежда

на то, что басмачи не могли засыпать все колодцы, взяла верх. И, несмотря на то, что до очередного колодца Ак-Кудук предстояло пройти еще двое суток, отряд решил идти вперед искать басмачей и воду. Но теперь уже из-за сильной жары ехать верхом на лошадях было невозможно. Поэтому бойцы вынуждены были идти по раскаленному до семидесяти градусов песку пешком, ведя в поводу лошадей. Горячий воздух обжигал лица людей, сушил губы, язык и горло, а раскаленный песок прожигал подошвы сапог, в результате чего создавалось впечатление, что люди идут не по земле, а по горящим углям. Запасы воды закончились, и бойцы изнемогали от жажды. В ушах дрожал звенящий и надоедливый звук. Кровь словно удары молота била в виски. Наконец колонна достигла долгожданных колодцев Ак-Кудук. Но когда подошли к ним, чтобы набрать воды, то оказалось, что в колодцах лежат мертвые полуразложившиеся тела людей и животных, от которых шел невыносимый смрад. Поэтому не только нельзя было набрать воды из колодцев, но даже находиться рядом с ними было невозможно. Увидев такую картину, люди потеряли последнюю надежду на спасительные колодцы и, не зная, что делать дальше, смотрели друг на друга недоуменными глазами. Среди некоторых бойцов возникла паника, и они стали обвинять командование, что их специально послали сюда на верную смерть. Но командирам частей удалось пресечь панику в самом ее начале и убедить солдат, что они – бойцы Красной армии, да к тому же еще и буденновцы, и, несмотря на тяжелые условия, обязаны идти вперед и выполнить поставленную перед ними боевую задачу. Движение вперед давало людям надежду на спасение, потому что в других колодцах наверняка была чистая вода. Нужно было только дойти до них. Не могли же басмачи отравить воду во всех колодцах или засыпать их песком. Иначе они и сами могли погибнуть от жажды. Люди немного успокоились, но идти дальше уже не было сил. Поэтому пришлось сделать большой привал, чтобы дожидаться вечера, когда жара немного спадет. В ожидании вечера все люди и даже лошади легли на землю и лежали, боясь даже пошевелиться. А пока отряд в ожидании ночи отдыхал, разведчики из мусдивизиона Швеца

обнаружили отряд басмачей Абду-Саттар-хана, который находился за барханами всего в двух верстах от колодцев Ак-Кудук. Поэтому решено было выступить ближе к утру и на рассвете атаковать банду Абду-Саттар-Хана. Под покровом ночи бойцы отряда Реброва окружили кочевье, где находились басмачи, и в предрассветных сумерках со всех сторон обрушились на них. Застигнутые врасплох и не выдержавшие стремительного натиска красноармейцев и мусотрядовцев, басмачи стали разбегаться в разные стороны, чтобы уйти в пустыню. Но они всюду натыкались на наших конников, которые беспощадно рубили бандитов шашками.

В ходе этого короткого боя почти все басмачи были уничтожены. Погиб и глава шайки Абду-Саттар-хан, которого джигит из мусдивизиона шашкой перерубил почти пополам. И лишь небольшая часть басмачей сдались в плен, в ходе допроса которых было установлено, что Абду-Саттар-Хан имел приказ Энвер-паши объединить все басмаческие отряды в Восточной Бухаре под своим командованием, напасть на город Каган, в котором находился штаб 13-го стрелкового корпуса советских войск, и уничтожить там все население. Но своевременный разгром банды Абду-Саттар-Хана и уничтожение ее главаря не позволили осуществиться планам Энвер-Паши.

Расправившись с бандой Абду-Саттар-Хана и вдоволь напившись воды, красноармейцы легли отдыхать, а повара из убитых и тяжело раненных в ходе боя лошадей и верблюдов и рисовой крупы, захваченной у басмачей, начали готовить обед. Хорошо отдохнув и покушав, красноармейцы нагрузили верблюдов мехами с водой и с наступлением ночи двинулись в обратный путь на кишлак Варганзи, а оттуда через несколько дней отряд Реброва возвратился в Каттакурган.

А тем временем Верховный главнокомандующий всеми исламским войсками наместник Магомета, каковым объявил себя Энвер-Паша, потерпев поражение под Байсуном и потеряв у колодцев Ак-Кудук своего верного помощника Абду-Саттар-Хана, с остатками своей недобитой армии ушел в глубь Восточной Бухары и обосновался в районе города Бальджуан с намерением

создать там новую армию. Но сделать это ему оказалось не так просто. Местные басмаческие отряды стали распадаться. Басмачи из числа уголовных элементов занялись исключительно грабежами населения, чем еще больше настроили дехкан против себя. А насильно завербованные в басмаческие шайки дехкане, узнав, что советские войска не распиливают деревянной пилой (о чем говорили басмаческие командиры) взятых в плен «правовверных» рядовых басмачей, а только отбирают у них оружие и отпускают домой, стали уходить из банд и возвращаться в свои кишлаки. К тому же совсем некстати Энвер-паша окончательно поссорился с Ибрагим-беком, которому удалось не только сохранить свою 5-тысячную армию, но и значительно пополнить ее новыми людьми. Почему возникли разногласия между Энвер-Пашой и Ибрагим-беком и кто такой Ибрагим-бек, Деменев узнал от начальника разведки Туркфронта В.П. Собянина и председателя ЧК города Ташкента Г. Мамедова.

После того как из кишлака Каферун под городом Байсун Ибрагим-бек тайком от Энвер-паши ушел со своим отрядом в глубь Восточной Бухары, Энвер-паша в кругу своих приближенных назвал Ибрагим-бека локайским вором. Узнав об этом, тот сильно рассердился на Энвер-пашу и стал открыто выступать против него. Называя Ибрагим-бека вором, Энвер-паша говорил правду. Локаец Ибрагим-бек действительно раньше был вором – воровал лошадей, за что локайцы с позором выгнали его из своего племени. Затаив обиду на своих соплеменников, Ибрагим поступил охранником к Беку. Работая на этой должности, он постоянно искал случая, чтобы отличиться и заслужить особое доверие Бека. И такой случай вскоре представился. Один батрак, молодой узбек, ударил бековского сборщика податей, который обкрадывал дехкан, за что бек приказал казнить батрака, нарушившего закон шариата. Но среди охранников не нашлось палача, чтобы исполнить приказ бека. И тогда эту роль взял на себя Ибрагим, который хладнокровно перерезал провинившемуся батраку горло. Труп убитого узбека, по приказу бека, повесили на площади для устрашения других батраков-дехкан. А спустя три дня Ибрагим выбросил его в степь

на съедение шакалам. Бек высоко оценил поступок Ибрагима и назначил его сотенным начальником. А когда в 1920 году в Бухаре началась революция и дехкане стали восставать против беков, баев и самого Эмира, то Ибрагим оказал большую услугу и Эмиру – принял самое активное участие в уничтожении восставших дехкан, за что был приближен к эмиру Сайид Алим-хану, который присвоил Ибрагиму титул бека. А когда в Бухаре установилась советская власть и Эмир бежал за границу, Ибрагим-бек собрал из числа недовольных новой властью 5-тысячный отряд и открыто стал выступать против советской власти с целью ее свержения. Поссопавшись с Энвер-пашой, Ибригим-бек желал и с нетерпением ждал скорейшего поражения Энвер-паши, чтобы самому возглавить басмачество Бухары. Но Энвер-паше, несмотря на большие потери личного состава своей армии, понесенные в предыдущих боях, удалось за счет добровольцев из реакционных элементов значительно пополнить ее поредевшие ряды.

На уничтожение банды Энвер-паши в начале августа 1922 года командование Туркфронтом направило в район города Бальджуан 3-ю стрелковую дивизию и два кавалерийских полка Туркфронта под командованием комбрига М.В. Меркулова, а также один полк 11-й кавалерийской дивизии под командованием А.В. Лимонова. С этим полком пошел на Бальджуан и Деменев. Узнав о приближении советских войск к Бальджуану, Энвер-паша тоже двинул свою армию навстречу красноармейцам, чтобы неожиданно напасть на них и разбить по частям. Но в районе Кишлака Оби-Дар передовые разъезды обеих сторон обнаружили идущие навстречу друг другу войска, и обе противоборствующие группировки остановились. Полки 3-й стрелковой дивизии Туркфронта, которые должны были участвовать в этой операции и двигались по горам, задержались на большом горном перевале и не успели к назначенному времени выйти в район сосредоточения. Но ждать их было некогда. Энвер-паша в любую минуту мог двинуть в атаку свою армию, превосходящую силы бригады Меркулова в несколько раз. Поэтому Меркулов решил, несмотря на численное превосходство войск противника, атаковать энверовцев

первым. Полку под командованием Лимонова Меркулов приказал атаковать басмачей в лоб, а остальным полкам – с флангов. Но не успели полки Меркулова развернуться для атаки, как огромная лавина всадников Энвер-паши начала спускаться с гор и двигаться в направлении полка Лимонова. Понимая, что такая огромная масса конницы противника даже без выстрелов и сабель одними лишь копытами лошадей стопчет малочисленный полк, Лимонов приказал установить на кургане пулеметы, чтобы, как только басмачи подойдут на расстояние выстрела, открыть по ним огонь. Но басмачи, спускавшиеся с гор, неожиданно свернули в ложину и скрылись из виду. Лимонов выслал разъезд, чтобы узнать, куда направляется противник. Но буквально через несколько минут разъезд вернулся обратно, а за ним на расстоянии пятидесяти метров скакали басмачи, которые, словно вырастая из-под земли, густой толпой двигались по пологому склону гор. Впереди этой массы басмачей на белом жеребце скакал сам Энвер-паша. Топот копыт басмаческих лошадей стремительно подкатывался все ближе и ближе к позиции полка. И уже видны были не только силуэты басмачей, но и их лица. «Пора», – решил комполка Лимонов и дал команду: «Огонь!!!». И в эту же секунду раздались пулеметные очереди, после которых десятки басмачей, сраженные пулями, свалились с лошадей на землю. Взвился на дыбы белый жеребец, и всадник в красной феске, сидевший на нем, взмахнув руками, свалился на землю. Дикий крик поднялся среди басмачей: «Убили! Энвер-пашу убили!» – кричала многочисленная толпа басмачей. В стане врага возникло замешательство. Всадники, скакавшие за Энвер-пашой, остановились. А всадники, следовавшие за ним, с ходу стали на скакивать на остановившихся лошадей и сбивать их с ног, которые, упав на землю, покатались вниз по склону, давя своих всадников. Среди басмачей образовалась свалка, а наши пулеметы продолжали строчить по басмачам. Наконец энверовцы остановились. Чтобы не дать возможности басмачам возобновить атаку, красноармейцы, прекратив стрельбу из пулеметов, мигом вскочили в седла и, обнажив шашки, вихрем помчались на противника. Басмачи повернули назад и, втапывая копытами лошадей

убитых и раненых в землю, поскакали в горы. И, возможно, им и удалось бы оторваться от преследования наших конников и уйти в горы. Но, отступая, они попали под ружейно-пулеметный огонь 3-й стрелковой дивизии Туркфронта, шедшей по горам к Бальджуану. Оказавшись между двух огней, басмачи стали метаться в разные стороны и, сраженные пулями стрелков и шашками кавалеристов, сотнями валились на землю. В результате почти вся банда Энвер-паши была уничтожена, и лишь единицам удалось вырваться из окружения и уйти в горы.

Уничтожив Энвер-пашу и его банду, 1-я туркестанская кавалерийская бригада Меркулова и полк Лимонова, а вместе с ним и Деменев, вернулись к местам постоянной дислокации на отдых.

После разгрома басмаческих отрядов Абду-Саттар-хана у колодцев Такай-Кудук и Энвер-паши у кишлака Оби-Дар под городом Бальджуан в течение 1922 года советские войска совместно с красными мусульманскими отрядами уничтожили еще несколько басмаческих шаек, в том числе и крупную банду матчинского бека Халбуты, располагавшуюся в долине между высоких гор. Матчинское бекство было разбойничьим гнездом феодалов, которые на протяжении многих лет безнаказанно грабили окрестное население. А когда в Бухаре произошла революция, то это бекство стало рассадником басмачества, борющегося против советской власти.

Последнюю крупную банду под командованием Казахбая, которая разбойничала в Средней Бухаре, буденновцы совместно с войсками бухарской группы Туркфронта уничтожили в начале ноября 1922 года в кишлаках Гилян и Бахча Шахрасябского района.

Командование и Военный Совет бухарской группы советских войск Туркфронта высоко оценили ратные подвиги буденновцев и в ноябре 1922 года издали приказ, в котором с максимальной точностью отразили те условия, в которых буденновцам 11-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии пришлось воевать с басмачами, и те успехи, которых они добились в ходе проведения боевых операций по уничтожению басмачества в Бухарской Советской Народной республике. Вот его текст:

«Приказ

Бухарской группе войск Красной армии.

Город Каган.

№ 239

8 ноября 1922 года.

Славные полки 11-й кавалерийской дивизии!

За время борьбы в Туркестане с басмачеством вы вписали в историю Красной армии много героических славных страниц. Стремительные, отчаянно храбрые атаки ваших стройных рядов разбили и уничтожили множество врагов Бухарской Народной Республики и Советского Туркестана.

Легендарные походы 11-й кавалерийской дивизии по скалам и заоблачным высотам могучего Туркестанского хребта, бои на огромных высотах, куда до сего времени не ступала нога солдата, будут причислены к тем замечательным военным походам, где доблесть и самоотверженное выполнение долга соревновались друг с другом.

Ночная атака первой бригады на отряды басмачей в песках под колодцем Такай-Кудук будет служить образцом для лихих кавалеристов 11-й кавалерийской дивизии.

Вы повсюду настигали врага, наносили ему удар за ударом и тем самым дали возможность измученному насилиями бандитов дехканину приступить к мирному труду.

Доблестные товарищи красноармейцы, командиры и комиссары! За ваши сверхчеловеческие труды, за вашу героическую службу Советскому Туркестану и Бухарской Народной Республике примите сердечную благодарность от Революционного Военного Совета Бухгруппы.

Привет вам, стойкие бойцы!

Пусть слава о ваших делах разнесется далеко на радость рабочих и крестьян всего мира.

Командующий группой Павлов.

Член РВС Петров».

Этот приказ для всего личного состава 11-й кавалерийской дивизии стал выше всех правительственных наград, поэтому каждый буденновец, в том числе и Деменев, переписал его текст

и хранил в кармане своей гимнастерки как самую высокую награду родины.

В конце ноября 1922 года 11-ю кавалерийскую дивизию на зиму отвели под город Оренбург для отдыха и обучения молодого пополнения. Деменев вернулся на Кавказ в штаб 1-й Конной армии и приступил к исполнению своих прямых обязанностей.

А ранней весной 1923 года 11-ю кавалерийскую дивизию вместе с Деменевым снова направили в Бухару в город Каттакурган в распоряжение Туркестанского фронта. И уже через несколько дней 1-ю бригаду этой дивизии под командованием нового комбрига А.В. Лимонова железнодорожным эшелонам отправили в город Карши. Вместе с этой бригадой туда поехал и Деменев.

Пока бригада на товарной станции Карши выгружалась, Г.В. Деменев вместе с комбригом А.В. Лимоновым и военкомбригом И.Д. Бочковским на лошадях поехали в город Карши к начальнику местного военного гарнизона, чтобы узнать, нет ли из штаба Туркфронта или бухарской группы войск новых распоряжений бригаде. Когда всадники въехали на узенькую улицу города Карши, их встретили такие же, как и во всех других населенных пунктах Бухары, через которые Деменеву пришлось пройти, жалкие глинобитные домики-кибитки с плоскими крышами и маленькими окошками, в большинстве которых вместо стекол были прибиты тонко обработанные шкуры животных. Возле домиков, стоящих на выжженной солнцем голой земле, играли черные, как негрятя, одетые в лохмотья дети. В таких же лохмотьях попадались навстречу всадникам и редкие прохожие мужчины и женщины. Всюду были видны нищета и убожество.

Но совершенно другая картина предстала взору всадников, когда они въехали во дворец бывшего каршинского бека, который в 1920 году после революции в Бухаре бежал за границу. Сейчас в этом дворце располагался штаб каршинского военного гарнизона. Это было огромное кирпичное здание, огороженное высокой, толстой и зубчатой наверху кирпичной стеной с бойницами. По обеим сторонам стены были вырыты широкие и глубокие рвы, заполненные водой. Проехав по деревянным мостам, перекинутым

через рвы, на территорию дворца, всадники очутились в густом тенистом саду, где под нависшими ветвями деревьев раскинулся большой пруд, в котором плавали черные лебеди, а в саду раздавалось пение птиц. От сада густая аллея деревьев вела к зданию дворца, наружные стены которого были покрыты голубой мозаикой. Спешившись и отправив лошадей на конюшню, командиры поднялись во дворец, внутренние стены которого так же, как и наружные, были покрыты мозаикой. В одной большой и светлой комнате дворца сидел начальник гарнизона А.В. Волков – старый сослуживец комбрига Лимонова, который сообщил прибывшим командирам, что никаких указаний бригаде Лимонова из штаба корпуса не поступало. Волков ознакомил командиров с обстановкой в Каршинском районе, угостил их чаем с изюмом, а затем предложил им пройтись по дворцу и его территории, чтобы показать, в каких условиях жила бухарская знать и ее подданные. В помещениях дворца с большими остекленными окнами и позолоченными люстрами, кроме богатой утвари и красивого убранства, ничего интересного не было. А вот на его территории оказалось много интересного и ужасного. Под одной из арок в стене, в низком, как щель, подземелье, по которому можно было передвигаться, согнувшись буквой «Г», или на четвереньках, была тюрьма, которая сверху закрывалась решеткой, сделанной из железных прутьев толщиной с человеческую руку. В этом подземелье на цепях, вмурованных в стену, бек держал провинившихся рабов. А посреди подземелья была вырыта глубокая, чуть пошире колодца, яма, в которой содержались рабы, приговоренные беком навечно. В подземелье не было освещения, и в нем царил мрак, а в яме и вовсе было темно. А когда Бочковский зажег спичку, то командиры увидели на дне ямы несколько оскаленных человеческих черепов и других костей. В этом подземелье, кроме цепей, вмурованных в стену, и ямы, стояло несколько железных клеток, в которых держали узников. Но эти клетки были настолько малы, что сидевшие там люди не могли даже вытянуть ноги. Увидев такую ужасную картину, командиры, повидавшие немало ужасов в своей жизни, были поражены и поспешили покинуть подземелье. Чтобы

быстрее прийти в себя от всего увиденного, они решили искупаться в пруду. Но Волков посоветовал им не делать этого, пояснив, что в этом пруду бек держал огромных сомов, которых кормил не только умершими животными и людьми, но и живыми людьми. За особо тяжкие, по мнению бека, проступки обвиняемого человека приковывали цепями к стенке пруда с таким расчетом, чтобы все его туловище находилось в воде, а на ее поверхности оставалась только голова. Сомы набрасывались на жертву и съедали мясо на живом человеке, скелет которого стоял у стенки пруда до тех пор, пока проголодавшиеся сомы не растаскивали его кости по всему пруду. От этих жутких историй у командиров, несмотря на 50-градусную жару, на спинах выступил холодный пот и пропало желание искупаться. Поблагодарив Волкова за угощение и экскурсию по дворцу, буденновцы попрощались с ним и уехали на станцию Карши в свою бригаду.

15 мая 1923 года бригада Лимонова получила приказ выступить походным маршем в Восточную Бухару для уничтожения банды Ибрагим-бека, и на рассвете следующего дня бригада отправилась в далекий поход. На протяжении всего пути были видны следы прошлогоднего террора банды Энвер-паши, который на своем пути не оставлял целым ни одного кишлака – кругом были одни развалины и не было видно людей. К концу дня бригада достигла гор и втянулась в ущелье, а уже вечером передовой разъезд бригады обстреляли басмачи и ранили одного красноармейца. Бригада остановилась, но выстрелы вскоре прекратились, и колонна продолжила свой путь по ущелью, которое все выше и выше поднималось в горы. К утру бригада достигла плоскогорья и остановилась на большой привал. А когда полностью рассвело, взору буденновцев открылась панорама гроздившихся вокруг высоких гор, которым не было видно ни конца, ни края. Отсюда бригаде предстояло пройти двухсоткилометровый путь по очень крутому склону и спуститься в глубокую котловину. Но наиболее сложным и тяжелым участком на этом пути была Долина Смерти, где предстояло пройти в сильную жару и без воды путь в шестьдесят километров. Хорошо отдохнув, вечером бригада двинулась

дальше и, преодолев за ночь крутой спуск, к утру вышла на плоскогорье и достигла города Дербента. А на восьмой день своего пути бригада добралась до конечного пункта города Юрчи и остановилась на заезжем дворе на отдых. С приходом в Юрчи буденновцев Ибрагим-бек увел свою банду в горы, и ее местонахождение было неизвестно. Поэтому комбриг Лимонов рассредоточил бригаду по горным кишлакам и приказал начальникам гарнизонов проводить активную разведку в поисках банды Ибрагим-бека.

А вскоре басмачи во главе с помощником Ибрагим-бека Улугбеком ночью налетели на кишлак Джар-Тепе, где начали грабить и убивать дехкан. Узнав об этом, два эскадрона под командованием комбрига Лимонова поскакали на выручку попавшим в беду дехканам. Не доезжая кишлака, отряд разделился на две части. Один эскадрон помчался прямо на кишлак, а другой – в обход его, чтобы ударить по басмачам с тыла. Подъехав к кишлаку, буденновцы услышали там многоголосый крик. В темноте плакали дети, плакали и просили у бандитов пощады женщины. Но басмачи не обращали внимания на мольбы дехкан и продолжали убивать ни в чем не повинных людей, не щадя ни старого, ни малого. Кроме того, бандиты забирали все понравившееся им имущество дехкан и уводили куда-то кричащих и упирающихся девушек. А Улугбек, весь забрызганный кровью, бегал по кишлаку и, отрубая дехканам головы, со звериной яростью кричал:

– Бейте, режьте проклятых собак! Нет пощады изменникам Эмиру!

И басмачи, четко выполняя приказ главаря банды, рубили головы всем подряд, кто попадался им на глаза. Многие дома, которые бандиты уже полностью ограбили, были объаты пламенем.

Буденновцы бурей влетели в кишлак и, с ходу вступив в бой, стали рубить басмачей шашками. Бандиты бросились в противоположную сторону кишлака. Но там их встретил другой эскадрон буденновцев. Спасаясь, бандиты стали разбегаться по кишлаку в поисках убежища. Но их всюду настигали шашки буденновцев. В ходе этого короткого боя почти все бандиты были уничтожены, а несколько человек, в том числе и сам Улугбек, были взяты

в плен. А когда ночной бой с басмачами закончился и наступил рассвет, то на улицах и во дворах кишлака буденновцы обнаружили множество трупов, среди которых были и дети, и женщины, и старики. У многих трупов не было голов. Басмачи, еще до прибытия буденновцев в кишлак, отрезали их, сложили в мешки и вместе с награбленным имуществом положили на лошадей. А брали они с собой отрубленные головы дехкан для того, чтобы развесить их на заборах других кишлаков для устрашения людей.

Под угрозой смерти Улугбек сказал, что Ибрагим-бек с пятью тысячами бандитов находится в районе Бабатага у горного перевала Хазрет-Бобо и собирается напасть на обоз в Байсунском ущелье.

Узнав о местонахождении банды Ибрагим-бека, Лимонов предположил, что если при наступлении на него буденновцев Ибрагим-бек не выдержит их натиска, то попытается отступить в южном направлении к реке Амударье. Поэтому он разделил бригаду на две части. Одну из частей под командованием комэска О.И. Литвинова направил в ущелье Ак-Капчигай с задачей перекрыть Ибрагим-беку дорогу, ведущую от Ак-Капчигая к Амударье. А другую часть бригады Лимонов вместе с Деменевым повел Сурханской долиной на Бабатаг. Два дня и три ночи без нормального отдыха отряд Лимонова шел к намеченной цели. Бойцы, измученные длительным походом, засыпали в седлах. На третий день отряд Лимонова достиг реки Сурхан и начал переправляться через нее. Но в это время где-то далеко в долине раздались пулеметные очереди. Прислушавшись к выстрелам, командир понял, что в долине с кем-то ведет бой эскадрон Литвинова. Поэтому Лимонов круто повернул свой отряд на запад и повел его вдоль Сурханской долины на помощь ведущему бой эскадрону. Когда стрельба оказалась уже совсем близко и Лимонов с Деменевым поднялись на возвышенность, они увидели скачущих по холмам басмачей, наибольшая часть которых группировалась у оврага Ак-Капчигай, где был центр боя. Лимонов повел свой отряд в гущу боя и с ходу вступил в рукопашный бой с басмачами. Зажатые с двух сторон эскадроном Литвинова и отрядом Лимонова, басмачи не выдержали стремительного боя с буденновцами и, повернув на юг, поскакали

по Сурханской долине в сторону Амударьи. Несколько часов буденновцы преследовали банду Ибрагим-бека до тех пор, пока не стали останавливаться уставшие лошади. В ходе этого короткого боя и длительного преследования банда Ибрагим-бека понесла значительные потери. Но полностью уничтожить ее и ликвидировать или взять в плен Ибрагим-бека на этот раз буденновцам не удалось. С остатками своей банды он ушел в горы Бабатага.

Остановилась бригада Лимонова у кишлака Так-Тугай. Но комбриг с еще одним бойцом решил взять басмача, скачущего на белой лошади, который, стреляя из маузера, прикрывал убегающих басмачей. Лимонов догнал басмача и поднял шашку, чтобы нанести удар по нему. Но в эту минуту лошадь комбрига споткнулась и шарахнулась в сторону. Басмач оглянулся, выхватил маузер и несколько раз выстрелил в Лимонова. Комбриг медленно свалился с лошади и упал на землю. Полковой врач, осматривавший Лимонова и обнаруживший у него два пулевых ранения, в голову и ногу, сказал:

— Такие ранения в полевых условиях вылечить практически невозможно. Спасти его можно только в военном госпитале в Ташкенте. Но чтобы доставить его туда, понадобится много времени, и вряд ли удастся довести его туда живым. Поэтому будем делать все возможное на месте. Но за положительный исход не ручаюсь. Вся надежда только на его молодой организм.

Тем временем к кишлаку Так-Тугай подъезжали буденновцы и, спешившись, располагались на отдых.

Но не успели они расположиться в кишлаке, как дозорные обнаружили большую колонну конницы, двигавшуюся со стороны населенного пункта Ширабад прямо на кишлак Так-Тугай. И буденновцам снова пришлось занять оборону. Но на этот раз тревога оказалась ложной. К кишлаку подходила большая колонна бойцов Красной армии. Это был 10-й Усманский полк, который вел сам командующий Восточно-бухарской группой войск Туркфронта, который, ознакомившись с обстановкой в бригаде Лимонова, приказал буденновцам возвращаться в Юрчи на отдых, а сам повел 10-й полк преследовать недобитую банду Ибрагим-бека.

В Юрчи Деменев неожиданно получил приказ С.М. Буденного срочно возвратиться на Кавказ в штаб 1-й Конной армии. А когда он прибыл туда, то Семен Михайлович лично вручил ему орден Красного Знамени за разгром басмаческих шаек в Бухарской Советской Народной республике и объявил приказ о назначении Деменева командиром 4-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии.

Часть третья

Командарм А. А. Власов

Глава 1. Накануне

По окончании Гражданской войны держать многочисленную армию Советской России стало нецелесообразно, поэтому многие воинские части стали сокращать или полностью расформировывать. В октябре 1923 года расформировали и легендарную 1-ю Конную армию Буденного, в которой служил Деменев. Рядовых красноармейцев и младших командиров, у которых истек срок действительной военной службы, демобилизовали всех подряд без разбора. А вот средний, старший и высший командный состав пропустили, как говорили в то время, через «сито». Тех, кто подходил по возрасту, состоянию здоровья и проявил себя в боях с белогвардейцами и иностранными интервентами на полях Гражданской войны, оставили в армии, а всех остальных уволили. Но Деменеву повезло: несмотря на многочисленные ранения, полученные в период империалистической и Гражданской войн, его здоровье оказалось отменным, а всем остальным требованиям он соответствовал вполне, поэтому его оставили в армии. А спустя год, когда реорганизация Красной армии была завершена, наиболее перспективных командиров из числа старшего и высшего командного состава отправили учиться в академию Генерального штаба. В это число попал и командир дивизии Герасим Владимирович Деменев, которому после десятилетнего участия в боевых действиях на фронтах японской, Первой мировой и Гражданской войн учеба в академии показалась скучной и малоинтересной. Но за долгие годы службы в армии он привык к беспрекословному выполнению приказов вышестоящего командования, поэтому учеба в академии для него была как приказ, который он обязан был выполнять так же, как и все предыдущие приказы, которые он всегда выполнял добросовестно, с полной отдачей всех своих сил.

Семейные слушатели академии снимали в Москве частные квартиры, которые оплачивала академия. А холостяки жили в общежитии по четыре человека в комнате. И, несмотря на то, что

общежитие находилось на территории академии, слушатели по окончании учебного дня свободно выходили за ее территорию и также свободно возвращались обратно в любое время суток. Дежурным довольствием слушатели академии обеспечивались неплохо, поэтому сходить в кино, театр и даже в ресторан, а также посетить другие развлекательные места им было на что. И первое время по таким местам слушатели ходили группами, состоящими в основном из жильцов одной комнаты. Но вскоре эти группы стали сокращаться и наконец развалились совсем. С каждым выходом в город кто-то из ребят встречал девушку, и мужская компания больше его уже не интересовала. А когда группа Деменева сократилась до двух человек и однажды они пошли в театр, их соседками по креслам оказались две симпатичные девушки, с которыми они и познакомились. И с тех пор Деменев все свое свободное время проводил с этой прекрасной москвичкой, в которую влюбился с первого взгляда и, как оказалось, на всю жизнь. Звали избранницу Деменева Мариной, которая была моложе Герасима на пять лет. Ее отец, Николай Владимирович Осипов, до революции был начальником одного из военных училищ, а после революции перешел на сторону большевиков и в составе Красной армии воевал с белогвардейцами и иностранными интервентами. За год до окончания Гражданской войны его направили в академию Генерального штаба преподавателем, где он работал и тогда, когда в ней учился Деменев.

Встречались Герасим с Мариной недолго. Уже через месяц после их знакомства Герасим сделал ей предложение, и они поженились. Но, несмотря на то, что Марина в семье Осиповых была единственным ребенком (три ее старших брата погибли кто на империалистической, а кто на Гражданской войнах) и места в доме ее родителей было предостаточно, молодожены решили строить свою семью отдельно от родителей Марины и сняли в Москве частную квартиру.

В 1925 году у Деменевых родился первенец – сын Вадим. А за год до окончания учебы в академии в 1927 году у них родилась

дочь Лена. Третий ребенок у Герасима с Мариной – сын Олег – родился в 1930 году.

По окончании академии в октябре 1928 года Деменева, получившего красный диплом, вопреки его желанию, оставили в академии преподавателем и дали его семье квартиру в Москве. Работа в академии, как и учеба в ней, казалась Деменеву скучной. И хотя он уже привык к московской жизни и к новой работе, душа его по-прежнему рвалась в войска, где, как он считал, его служба была бы более полезной, чем в академии. При этом Деменев прекрасно понимал, что армии нужны высококвалифицированные командиры, которых подготовить можно только в академии. И раз его поставили заниматься этим делом, значит, так нужно, и он должен добросовестно выполнять то, что ему поручили.

А к концу тридцатых годов все чаще и чаще стали говорить о том, что Германия готовится к войне против СССР. Но верить в это никому не хотелось. И только после захвата немцами Польши и сосредоточения войск вермахта у границы СССР стало ясно, что Германия действительно готовится к нападению на Советский Союз. Это подтверждали и доклады советской разведки, и сообщения, поступающие из иностранных посольств, находящихся в нашей стране, а также из советских посольств, находящихся за границей, в том числе и в Германии. Подтверждало это и то, что уже летом 1940 года на территории Восточной Пруссии и Польши было сосредоточено около 50 дивизий вермахта. Но и этим количеством Германия не ограничилась, а продолжала наращивать концентрацию своих войск вдоль границы СССР. Но у советского народа и его правительства особого волнения по этому поводу не было. Все еще хорошо помнили, какого сильного врага победила Красная армия в Гражданскую войну. Так что если война все-таки и начнется, то она будет вестись за пределами Советского Союза, потому что Красная армия, закаленная в боях на полях Гражданской войны, на свою территорию не допустит больше никакого агрессора. Сил и средств для достойного отражения любого нападения на нашу страну вполне достаточно. И все же, учитывая складывающуюся обстановку вблизи советско-германской границы,

советское правительство тоже приступило к наращиванию своих вооруженных сил. Стали пополнять штатами военного времени существующие воинские соединения и создавать новые. По плану Наркомата обороны СССР только в июне 1940 года в военных округах страны начали формироваться девять новых механизированных корпусов, три из которых, 4-й, 8-й и 9-й, формировались в Киевском Особом военном округе (КОВО). Этим же планом предусматривалось и дальнейшее формирование новых механизированных корпусов. Но для этого требовалось большое количество командного состава, особенно старшего. Поэтому на правительственном уровне было принято решение добровольно призвать на военную службу офицеров, находящихся в запасе, а также откомандировать в войска часть офицеров из военных академий и училищ, тоже на добровольной основе и, как правило, с повышением в должностях и званиях. Многие офицеры военных учебных заведений, в том числе и полковник Деменев, и до этого подавали рапорты о переводе их в войска. Но раньше в этом не было необходимости и подобные просьбы в основном отклонялись. А когда стало очевидным, что войны не избежать и Германия в ближайшее время может напасть на СССР, то офицеров военных училищ и академий все чаще стали отпускать в войска для формирования новых частей. Но желающих оказалось так много, что если бы всех их отпустили, то все военные учебные заведения пришлось бы полностью закрыть. А так как Красная армия нуждалась в высококвалификационных офицерских кадрах еще больше, чем раньше, то рапорта офицеров о переводе в войска по-прежнему удовлетворялись ограниченно. Но Деменеву опять повезло. Его просьбу удовлетворили, и он был направлен в Киевский Особый военный округ, куда он прибыл в августе 1940 года. Приняли Деменева командующий войсками КОВО генерал армии Г.К. Жуков и начальник штаба округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев, которые, ознакомившись с его документами, после десятиминутной беседы с ним направили Деменева в 6-ю армию, дислоцировавшуюся в Львове. Пока он ехал на поезде в Львов, из штаба округа, видимо, сообщили в штаб 6-й армии о его приезде, потому что на станции

его уже ждала штабная машина, на которой Деменев добрался до штаба этой армии и доложил командующему генерал-лейтенанту И.Н. Музыченко о своем прибытии. Приняв рапорт Деменева, Музыченко познакомил его с двумя военными, находившимися в кабинете командарма. Это были начальник штаба армии комбриг Н.П.Иванов и член Военного Совета дивизионный комиссар Н.К.Попов. Затем Музыченко вслух прочитал документы, представленные Деменевым, и сказал:

– Нам нужно решить, на какую должность назначить направленного к нам штабом округа полковника Герасима Владимировича Деменева.

После чего началась беседа высшего руководства 6-й армии с Деменевым, в ходе которой Иванов предложил назначить его исполняющим обязанности начальника штаба вновь формируемого 4-го механизированного корпуса. Музыченко и Попов поддерживали это предложение. На этом беседа, продолжавшаяся в течение получаса, закончилась, и Деменев, в сопровождении Иванова, на штабной машине отправился к месту своей новой службы. В штабе 4-го мк, который дислоцировался на окраине города Львова, Иванов представил Деменева исполняющему обязанности командира корпуса генерал-майору А.А.Мартьянову. Познакомившись со своим будущим командиром и устроившись на новом месте, Деменев приступил к выполнению своих новых обязанностей и поставленных перед ним задач.

Вновь формируемый 4-й механизированный корпус должен был состоять из 8-й и 32-й танковых дивизий, 81-й моторизованной дивизии, одного мотоциклетного полка, одного мотоинженерного батальона и одного батальона связи. Небольшая часть войск в эти подразделения была передана 4-му корпусу из других частей КОВО, а основная его часть формировалась из вновь призванных людей из запаса. Поэтому с первых дней формирования этого корпуса, наряду с комплектованием его техникой и оружием, огромное внимание приходилось уделять обучению людей военному делу. Костяком для формирования 4-го мк была 8-я тд под командованием полковника П.С. Фотченкова, которая дислоцировалась

в районе н.п. Судовая Вишня. Эта дивизия была одной из лучших частей не только в КОВО, но и во всех автобронетанковых войсках Красной армии. Во второй половине 1940 года, еще до прибытия Деменева в 4-й корпус, в районе города Львова на базе 81-й Калужской стрелковой дивизии под руководством полковника П.М. Варипаева началось формирование 81-й моторизованной дивизии, полное формирование которой закончилось к концу 1940 года. А 32-ю танковую дивизию тоже в районе города Львова Деменеву вместе с Мартьяновым и вновь назначенным командиром этой дивизии полковником Е.Г.Пушкиным пришлось формировать вновь, на базе 30-й танковой бригады и личного состава других частей КОВО. Полная укомплектованность этой дивизии танками и другой боевой техникой закончилась только к концу мая 1941 года. Поэтому для обучения танковых экипажей пришлось привлекать инженеров и рабочих с заводов, выпускающих танки.

В январе 1941 года на должность командира 4-го механизированного корпуса прибыл бывший командир 99-й краснознаменной стрелковой дивизии генерал-майор А.А.Власов. Эта дивизия на прошедших в сентябре 1940 года тактических учениях и по итогам учебы 1940 года была признана одной из лучших дивизий в Красной армии и была награждена переходящим Красным знаменем, а ее командир А.А. Власов награжден орденом Ленина.

С прибытием в корпус Власова Мартьянов был назначен начальником штаба 4-го мк, а Деменев его заместителем. Нового комкора Деменев знал еще с 1935 года, когда Власов учился в военной академии Генерального штаба имени М.В. Фрунзе, где Деменев в то время был преподавателем. Но проучился Власов в академии тогда недолго. Через год учебы его отозвали оттуда, и с тех пор Деменев ничего не знал о его дальнейшей службе. И только в 1940 году из газет он узнал, что Власов успешно командует 99-й стрелковой дивизией и к нему за обменом опытом обучения и воспитания личного состава приезжают командиры и политработники из других частей Красной армии.

На первом же совещании старшего командного состава корпуса Власов узнал своего бывшего преподавателя Деменева

и по окончании совещания попросил его остаться в своем кабинете для личной беседы. Из разговора с комкором Деменев узнал, что после ухода из военной академии Власов служил в войсках Красной армии на различных командных и штабных должностях. В октябре 1938 года был направлен в Китай, где работал советником при оперативном управлении Китайской армии и возглавлял советскую военную миссию. А по возвращении из Китая в январе 1940 года был назначен командиром 99-й стрелковой дивизии. В конце беседы, которая длилась в течение часа, Власов спросил у Деменева, как он из военной академии попал в корпус? И, узнав, что Деменев в такое напряженное время добровольно изъявил желание перейти в войска, похвалил его и пожелал успехов в службе на новом месте.

С первых дней прибытия Власова в корпус служба в этом соединении резко оживилась. Наряду с формированием новых подразделений, пополнением техникой и личным составом существующих, Власов требовал от командного состава корпуса уделять максимум внимания обучению и воспитанию личного состава. Этот вопрос он считал главным, поэтому держал его под постоянным контролем и ежедневно требовал от своих подчиненных отчета о проведении этой работы. Сам лично контролировал, как она выполняется, и строго, вплоть до понижения в должности, спрашивал с тех офицеров, которые не уделяли должного внимания обучению и воспитанию личного состава. В результате чего за короткое время корпус был не только полностью сформирован и укомплектован необходимой техникой и людьми, но и превратился в хорошо подготовленное боевое подразделение. На 21 июня 1941 года части корпуса были вполне боееспособны. И несмотря на то, что с момента захвата немцами Польши и сосредоточения войск вермахта вблизи границ СССР все маневры советских войск в приграничных районах страны были запрещены, Власов добился разрешения на проведение таких учений, хоть и в сокращенном виде, в районе Львова, на которых 4-й мк во взаимодействии с 6-м стрелковым корпусом и 6-й бомбардировочной авиационной дивизией дважды участвовал на учениях по отработке

темы «Наступление армии и ввод механизированных корпусов в прорыв вражеской обороны». На одном из этих учений, кроме нового командующего КОВО генерал-полковника М.П. Кирпоноса, назначенного на эту должность в январе 1941 года, присутствовал генерал армии Г.К. Жуков, ставший к тому времени начальником Генерального штаба Красной армии, который дал высокую оценку боеспособности 4-го мк. Кроме учений в составе армии большое внимание Власов уделял и другим занятиям, особенно тактической и огневой подготовке, которые в составе корпуса проводились ежедневно, почти до самого начала войны.

В связи с напряженной политической и военной обстановкой, сложившейся в 1941 году, советское правительство направило в военные округа Красной армии, в том числе и КОВО, директиву с требованием до конца мая 1941 года разработать планы прикрытия государственной границы Советского Союза на своих участках обороны. На основании этой директивы штабом КОВО был разработан план сосредоточения и развертывания войск КОВО на 1941 год, которым для 6-й армии была поставлена задача – оборонять государственную границу на участке между населенными пунктами Кристынополь и Радымно, чтобы не допустить в этом районе прорыва противника на нашу территорию. А 4-му механизированному корпусу этим планом предусматривалось сосредоточиться в следующих населенных пунктах: штаб корпуса – Якоблики; 32-я тд – Мокротин, Якоблики, Зашкув; 8-я тд – Якоблики, Булава, Лозина; 81-я мд – Ясниска, Янов, Лозина; мотополк 32-й тд с одним батальоном средних танков – в лесу южнее н.п. Немирово. Этот план был подписан командующим КОВО генерал-полковником М.П. Кирпоносом, членом Военного Совета КОВО корпусным комиссаром Н.Н. Вашугиным, начальником штаба КОВО генерал-лейтенантом М.А. Пуркаевым и утвержден народным комиссаром обороны СССР маршалом Советского Союза С.К.Тимошенко. Введение в действие плана войск округов, в том числе и КОВО, предусматривалось только после получения шифрованной телеграммы, подписанной наркомом обороны, членом Главного Военного Совета и начальником Генерального штаба Красной армии.

А для армий и корпусов КОВО такая телеграмма должна была быть подписана командующим КОВО, членом Военного Совета и начальником штаба округа.

План прикрытия основывался на понятии неприкосновенности государственной границы СССР. Поэтому все оборонительные рубежи строились непосредственно у границы, полностью повторяя ее конфигурацию. Эти оборонительные рубежи, или, как их еще называли, укрепрайоны (УРы), представляли собой полосу местности, оборудованную системой долговременных фортификационных сооружений в сочетании с различными инженерными заграждениями. Их строительство на старой западной границе СССР началось еще в 1929 году и продолжалось до 1938 года. За это время здесь были построены мощные оборонительные сооружения – железобетонные доты, предназначенные для ведения боевых действий и размещения в них вооружения и боевых расчетов, артиллерийские погреба с механической подачей боеприпасов, подземные электростанции, системы водоснабжения, помещения для отдыха личного состава. Все эти и другие сооружения сообщались между собой подземными ходами. В полосе обороны этой границы было много танковых ловушек и минных полей, а также установлено большое количество железобетонных пирамид. На открытой местности в землю были зарыты деревянные стволы-надолбы, верхушки которых были направлены в сторону противника и опутаны колючей проволокой. А в лесу была спилена часть деревьев на высоте одного метра от земли. Вокруг фортов были построены искусственные водоемы и заболочена местность. Основу УРов составляли узлы обороны, состоящие из трех-пяти опорных пунктов, которые располагались в шахматном порядке и имели круговую оборону. Все огневые точки УРов были обеспечены системой перекрестного артиллерийского и пулеметного огня, перекрывающего всю контролируемую территорию. Каждый УР представлял собой полосу прикрытия с боевыми укреплениями, где на глубине 10–12 километров имелись инженерные заграждения – завалы, различные препятствия и минно-фугасные поля. Но кроме искусственных укреплений здесь было много и естественных препятствий,

таких как реки, озера, болота, леса и горы. А мощные сосновые деревья в лесу не только создавали серьезное препятствие для продвижения техники противника, но и круглый год надежно маскировали все фортификационные сооружения как с земли, так и с воздуха. В мирное время в УРах размещалось ограниченное количество вооружения и личного состава, предназначенных только для их охраны и поддержания в законсервированном состоянии. Все эти искусственные и естественные оборонительные укрепления на старой западной границе назывались «линией Сталина».

В 1939 году в связи с переносом государственной границы на запад дальнейшее строительство УРов на «линии Сталина» было прекращено и началось на новой границе. Поэтому все воинские подразделения со старой границы были выведены, оборонительные сооружения разукрупнены, вооружение снято, минные поля разминированы. Оставшиеся без присмотра боевые сооружения УРов на старой границе постепенно пришли в запустение – заросли травой, бурьяном и кустарником.

Строительство УРов на новой западной границе предполагалось завершить за два года. Но когда в 1941 году угроза нападения Германии на Советский Союз стала очевидной, строительство УРов на новой границе СССР резко возросло. Сюда было привлечено большое количество инженерных войск, рабочих и техники. Но, несмотря на эти усилия, темпы работ отставали от намеченных планов, и стало ясно, что завершить строительство до начала боевых действий не удастся. Поэтому с разрешения Генерального штаба все, что можно было снять с УРов на старой границе, сняли и перебросили на УРы, строящиеся на новой границе.

В боевой состав КОВО на новой западной границе входило 15 УРов, два из которых – Срумиловский и Рава-Русский – предназначались для занятия их полевыми войсками 5-й и 6-й армий КОВО. Находились УРы в различной стадии строительства и боевой готовности и представляли собой бетонные коробки без электричества, воды, связи и подземных переходов между ними. Из всех 15 УРов в наибольшей степени боевой готовности находился только Рава-Русский УР, прикрывавший город Рава-Русский и шоссе,

идущее к нему. В этом УРе было построено 15 опорных пунктов и около ста долговременных огневых точек-дотов, в которых на вооружении были орудия различного калибра, станковые и ручные пулеметы. Но и этот УР до начала войны не был полностью построен и не укомплектован всем необходимым. В УРах на новой границе в отличие от УРов, расположенных на «линии Сталина», полностью отсутствовали естественные препятствия, а искусственные преграды еще не были построены. Полностью отсутствовала и маскировка УРов, в результате чего все построенные и еще строящиеся сооружения были хорошо видны не только с воздуха, но и с противоположной стороны границы. Пограничники неоднократно видели, как немецкие офицеры, находясь в непосредственной близости от границы, в бинокли наблюдали за нашими приграничными военными объектами. Много было и других недостатков в оборонительных сооружениях на новой западной границе СССР. Одним из них было то, что категорически запрещалось устанавливать минно-фугасные противотанковые и противопехотные заграждения. Существенным недостатком было и то, что между инженерными сооружениями УРов были очень большие разрывы, достигающие 25 километров, что не давало возможности обеспечивать перекрестный огонь по противнику. Но самым существенным недостатком было то, что УРы на новой западной границе так же, как и на старой, строились вопреки мнению многих видных военных специалистов Красной армии, в непосредственной близости от границы, без учета рельефа местности. Главная полоса обороны новых УРов проходила на удалении всего от одного до четырех километров от границы, а на отдельных ее участках даже примыкала к ней. Предполагалось, что в угрожающий период по линии УРов будут развернуты полевые части, которые вместе с гарнизонами УРов образуют первый оборонительный эшелон наших войск, способных прикрыть границу и задержать врага до отмотблизования и развертывания основных сил округа. Но из виду упускалось то, что полевые части располагались на расстоянии от 50 до 400 километров от УРов, и для занятия оборонительных укреплений только ближайшими соединениями требовалось от 8 до 10

часов, а на приведение и развертывание всех сил армий прикрытия границы предусматривалось двое суток. Таким образом, даже запланированная боевая готовность передовых частей армий прикрытия границы требовала значительного времени, которого при внезапном нападении противника не было.

Видя такую удручающую картину с УРаи на новой границе, Власов в откровенных беседах с Деменевым, которые, несмотря на большую занятость служебными делами, нередко проходили между ними в ночные часы, не скрывал своего раздражения. Он и теперь так же, как и в 1935 году, будучи слушателем академии Генерального штаба, при защите своего реферата на тему «Строительство оборонительных укреплений в приграничной полосе», рьяно отстаивал свою точку зрения. Еще тогда Власов, вопреки существующей в академии теории строить оборонительные укрепления в непосредственной близости от границ, доказывал, что делать этого нельзя. По его мнению, строить УРы нужно было на расстоянии нескольких десятков километров от границы, а полевые войска и техника должны располагаться от них на незначительном расстоянии. Свою теорию Власов обосновывал тем, что в случае внезапного нападения противника, пока он сломит сопротивление пограничников и дойдет до УРов, наши полевые войска за это время успеют занять оборонительные укрепления, создать там устойчивую оборону и смогут остановить агрессора. А затем – интенсивным артиллерийско-минометным огнем и бомбовыми ударами авиации рассеять его, перейти в атаку и отбросить незваных «гостей» за границу. Неизвестно, то ли Власов тогда первый озвучил такую теорию строительства УРов, или эта идея и до него уже витала в головах некоторых военных специалистов, но в академии к идее Власова отнеслись с пониманием, и многие преподаватели поддержали его точку зрения по этому вопросу. В результате мнение преподавательского состава академии разделилось пополам. Одни поддерживали существующую в стране теорию строительства УРов непосредственно на границе и отстаивали ее, а другие поддерживали идею Власова. Неизвестно, чем бы такое разногласие среди преподавательского состава академии закончилось, если

бы этот вопрос тогда не дошел до Генерального штаба, Наркомата обороны и, наверно, до руководства страны. Через некоторое время в академию пришла директива Генерального штаба, которая категорически отвергала идею Власова и предписывала руководству академии продолжать преподавать слушателям существующую методику строительства УРов. Но идея Власова не канула в лета. Спустя некоторое время подобная теория строительства УРов стала витать в головах и некоторых видных военных специалистов, таких как Б.М. Карбышев, А.Ф. Хренов и других. Но ни Генеральный штаб, ни руководство страны к их мнению тоже не прислушались, и строительство УРов по-прежнему продолжалось в непосредственной близости от границ, а полевые войска дислоцировались за несколько десятков и даже сотен километров от них. И тогда в академии, и сейчас в штабе 4-го мк Деменев разделял точку зрения Власова по этому вопросу. И Власов знал об этом. Поэтому он ни с кем, кроме Деменева, в корпусе эту тему не обсуждал.

Волновал Власова и другой вопрос. Когда с УРов на старой западной границе стали снимать оборудование и перевозить его на УРы, расположенные на новой границе, то наряду с инженерными войсками для этой работы стали привлекать личный состав и технику полевых частей КОВО, в том числе и 4-го мк. И однажды с очередной колонной поехали туда Власов и Деменев, чтобы проверить, как там работают их люди. Прибыв на место и убедившись, что работа идет споро и личный состав корпуса работает с огоньком, Власов предложил Деменеву немного пройтись по сооружениям старых УРов. Но чем дольше они ходили по бывшим грозным укреплениям, тем сильнее мрачнело лицо комкора. Власов долго молчал, а затем остановился и сказал:

— Хватит, пойдем обратно. Я больше не могу смотреть на это безобразиие.

И, резко повернувшись, молча ушел к своей машине. Молчал он и всю дорогу, пока они ехали обратно в корпус. А, приехав в штаб корпуса, Власов попросил Деменева зайти к нему в кабинет, поставил на стол бутылку коньяка, положил две банки тушенки и сказал:

– Садитесь, Герасим Владимирович, открывайте тушенку, ужинать будем.

Деменев открыл консервы, а Власов открыл бутылку, налил по полстакана коньяка и сказал:

– Давайте, Герасим Владимирович, выпьем за то безобразие, которое творится в нашей стране.

Деменев не понял, что комкор имел в виду, но переспрашивать не стал. А Власов продолжал:

– Вы, Герасим Владимирович, видели, что сделали с самой лучшей в стране линией обороны на старой границе? Да что там в стране, возможно даже, во всем мире, кроме финской линии Маннергейма, не было, нет и не будет такой мощной линии обороны, какая была на «линии Сталина». А теперь от нее остались, как от сказочного козлика, рожки да ножки. Такие мощные фортификационные укрепления превратили в бесхозные, заросшие бурьяном и кустарником полуразвалины, непригодные даже под овощехранилища. В них теперь могут обитать только крысы, волки и другие дикие животные.

У Деменева тоже сердце кровью обливалось при виде заброшенных и полностью разукомплектованных УРов на старой границе. Но он не понимал, зачем они теперь там нужны, когда есть новая граница, которая находится от старой на расстоянии сотен и тысяч километров. Вот ее-то и нужно обустраивать и укреплять не хуже, а еще лучше, чем старую. И Деменев сказал об этом Власову, который налил еще по полстакана коньяка и после того, как его выпили, сказал:

– Дорогой Герасим Владимирович. Война, которая не сегодня-завтра начнется, не будет похожей на все предыдущие войны. Она будет самой жестокой и кровопролитной, потому что уж с очень сильным противником придется нам воевать. И чует мое сердце, что не удержать нам фашистов на новой границе. Опрокинут они нас как оловянных солдатиков и погонят далеко в глубь страны. В этом случае мощным тыловым оборонительным рубежом для войск КОВО могла бы стать «линия Сталина». Но теперь

УРы на этой линии выглядят хуже УРов на новой границе. Поэтому не остановить нам немцев и там.

Услышав такие слова комкора, Деменев опешил и, не находя нужных слов, некоторое время молчал. А затем, выпив коньяк, сказал:

– Я разделяю Ваше мнение в отношении слабой боеготовности УРов на обеих границах. Но неужели Вы, Андрей Андреевич, всерьез считаете, что Красная армия допустит войска вермахта до старой границы? Если немцам даже и удастся в некоторых местах прорвать нашу оборону на новой границе и пересечь ее, то далеко продвинуться в глубь нашей территории они не смогут. У нас вполне хватит сил и средств для того, чтобы остановить агрессора, а затем и изгнать его с нашей территории в кратчайшие сроки.

– Дай-то бог, – внимательно выслушав Деменева, сказал Власов.

– И потом, Андрей Андреевич, – продолжал Деменев, – уже только за такие слова Вас могут лишиться не только генеральского звания и свободы, но и жизни, потому что не может командир вести своих солдат в бой, не будучи уверенным в победе. Мне кажется, Вам необходимо самому отказаться от командования корпусом еще до начала боевых действий.

Власов немного помолчал, а затем, выпив последние полстакана коньяка, сказал:

– Не думал я, уважаемый Герасим Владимирович, что Вы запишете меня в трусы. Можете не сомневаться, я лично поведу в бой вверенный мне корпус и вместе с ним буду драться с фашистами до последнего дыхания. Но я трезво оцениваю складывающуюся обстановку и не имею права полностью исключать любой вариант развития событий. Война есть война. А на войне всякое бывает. Бывают победы, бывают и поражения. Поэтому командир не должен исключать ни то, ни другое. Другое дело, что он должен принять все меры для того, чтобы добиться победы как можно меньшей кровью своих солдат, и сделать все для того, чтобы сохранить их жизни при любом развитии событий – обороне, наступлении и отступлении. А что касается ответственности за мои слова, то я с Вами вполне согласен. Если об этом

узнают соответствующие органы, то меня, безусловно, расстреляют. Но, поверьте мне, Герман Владимирович, трудно носить такие мысли в голове, не поделившись ими с кем-нибудь. А поделиться ими я могу только с Вами. Знаю, что Вы не способны наушничать и не напишете на меня донос. Благодарю Вас, Герасим Владимирович, за откровенный разговор. Для меня он был очень полезный.

На этом разговор, а вместе с ним и ужин, закончились. Попрощавшись с Власовым, Деменев ушел в свой кабинет, где, оставшись наедине с самим собой, долго анализировал слова Власова, но никак не мог решить, прав он или нет. Наблюдая за уже построенными и еще строящимися боевыми сооружениями в УРах на новой границе, Деменев считал, что, несмотря на все имеющиеся недостатки в оборудовании и состоянии УРов, вся система оборонительных укреплений на новой западной границе представляет собой довольно мощную оборонительную линию, которая при своевременном занятии гарнизонами УРов и полевыми войсками будет непреодолима для противника. И все-таки какой-то «червячок» точил мозг Деменева. А вдруг агрессору все-таки удастся прорвать нашу оборону на новой границе, и нам придется отступать в глубь страны, вот тогда действительногодились бы боевые укрепления на старой границе, если бы их сохранили в боевой готовности. Но теперь они полностью разукomплектованы, и организовать там достойную оборону и остановить противника советским войскам вряд ли удастся. Тогда получается, что Власов прав. Красной армии действительно придется и дальше отступать в глубь страны. Но эти мысли Деменев гнал из своей головы, хотя ему это и не удавалось сделать. И он уснул, так и не придя к одному мнению. А на второй день Деменев с головой окунулся в текущие дела, и вчерашний разговор с Власовым отошел на второй план.

Глава 2. Юго-Западный фронт

Спустя неделю после разговора Деменева с Власовым в ночь с 21 на 22 июня 1941 года полковник Деменев дежурил по корпусу. В частях корпуса было все спокойно, никаких тревожных сообщений в штаб не поступало. Работы в штабе, как всегда, было много, и Деменев просидел за документами далеко за полночь. Спать лег он только в два часа ночи. Но, несмотря на усталость и позднюю ночь, он еще долго не мог уснуть. Мысли о предстоящей войне с фашистами, в неизбежности которой уже никто не сомневался (вопрос был только в дате и времени), не выходили из головы. И только около трех часов ночи его сморил сон, и он крепко уснул. Но долго поспать ему в эту ночь не удалось. Уже через полчаса его разбудил дежурный офицер штаба майор Г.П.Филимонов, который взволнованным голосом доложил Деменеву, что немецкие самолеты бомбят город Львов и окрестные населенные пункты. Проснувшись, Деменев и сам услышал гул вражеских самолетов, летающих над городом, и разрывы бомб. Он попытался позвонить в штаб 6-й армии, чтобы выяснить обстановку и получить указание о действиях корпуса. Но проводной телефонной связи со штабом армии уже не было. Не смог Деменев связаться и со штабом КОВО, с которым тоже не было телефонной связи. Не дозвонившись в штаб 6-й армии и КОВО, Деменев позвонил на квартиру Власова, телефонная связь с которой еще работала, и доложил комкору обстановку. Выслушав доклад Деменева, Власов приказал ему немедленно вывести из здания штаба корпуса людей, убрать всю документацию, необходимое оборудование и технику, погрузить все штабное имущество в машины, которые на время погрузки установить как можно дальше от здания штаба, и подготовить штабную колонну к отправке в н.п. Якоблики. А также приказал любым способом передать его приказ командирам всех частей и соединений 4-го мк, немедленно поднять по тревоге свои войска и направить их в населенные пункты, предусмотренные планом

сосредоточения и развертывания войск 4-го мк на случай боевых действий. Кроме того, Власов приказал Деменеву вызвать в штаб корпуса всех работников штаба и предупредил, что сам он уже выезжает в штаб корпуса. Закончив телефонный разговор с комкором, Деменев поручил выполнение приказа Власова майору Филимонову, а сам попытался связаться по телефону с командирами частей 4-го мк, чтобы передать им приказ Власова. Но только с 32-й тд проводная связь еще сохранилась, а с остальными частями корпуса ее уже не было. Поэтому Деменеву пришлось связываться с ними по радиосвязи, а в 8-ю тд послать связного.

Спустя всего несколько минут после завершения эвакуации штаба 4-го мк по зданию, в котором он находился, был нанесен мощный целенаправленный бомбовый удар немецкой авиации, в результате которого здание бывшего штаба корпуса за считанные минуты было полностью разрушено и превратилось в груды битого кирпича, бетона и других обломков. А немного позже стало известно, что и по местам постоянной дислокации войск всех соединений 4-го мк были нанесены целенаправленные интенсивные бомбовые удары немецкой авиации, в результате чего военные городки и оставшаяся в них неисправная техника тоже превратились в груды развалин. И только Власов, не дожидаясь приказа вышестоящего командования, взял на себя ответственность и приказал вывести все войска корпуса из военных городков. (За что командующий 6-й армией генерал-лейтенант И.Н. Музыченко пообещал Власову после окончания военного конфликта с немцами отдать его под суд военного трибунала. Но выполнить свое обещание он не смог, потому что военный конфликт с Германией затянулся на целых четыре года. За это время сам Музыченко попал в плен к немцам). Войска были выведены из военных городков до начала бомбардировки, в результате чего ни личный состав, ни техника 4-го мк не пострадали и в полном составе выступили в пункт сосредоточения. А вот другие дивизии и корпуса КОВО, где их командиры ждали приказа вышестоящего командования на вывод своих войск из мест постоянной дислокации в пункты сосредоточения согласно плану прикрытия границы и были подвергнуты интенсивной

бомбардировке немецкой авиацией, понесли очень большие потери людей и техники, не успев даже выйти из своих городков. С прибытием в штаб корпуса комкора и всех работников штаба Власов поручил начальнику штаба корпуса генерал-майору А.А. Мартянову возглавить штабную колонну и вместе с ней, под прикрытием 32-й тд, двигаться в новый пункт дислокации штаба 4-го мк, а сам вместе с Деменевым и начальником оперативного отдела корпуса майором И.И.Барановым уехал вслед за 32-й танковой дивизией. И чем ближе они подъезжали к государственной границе, тем сильнее раздавались артиллерийско-минометная канонада и взрывы бомб немецкой авиации. Огонь был таким интенсивным, что отдельных орудийных выстрелов и разрывов снарядов и бомб не было слышно. Все они слились в один сплошной гул. От взрывов бомб и снарядов, а также от горевших лесов, жилых и производственных зданий и других объектов вся приграничная территория окуталась дымом, в котором, как в густом тумане, ничего не было видно. В пять часов утра, когда войска 32-й тд и колонна штаба прошли уже почти половину пути до нового места сосредоточения, из штаба КОВО по радиосвязи в войска округа, в том числе и в штаб 4-го мк, поступило сообщение, что на рассвете 22 июня 1941 года без объявления войны немецкая артиллерия открыла огонь по нашим пограничным заставам, а авиация подвергла бомбардировке нашу приграничную территорию. Спустя полчаса артиллерийский обстрел и бомбардировка были перенесены в глубь нашей территории, а государственную границу СССР пересекли германские войска и начали двигаться в восточном направлении. Но какие силы вермахта были задействованы против войск КОВО и где конкретно в настоящее время они находились, было неизвестно. Неизвестно было также, что это: война? или очередная немецкая военная провокация? Но, несмотря на такую неясность и отсутствие указаний вышестоящего командования, командующий КОВО генерал-полковник М.П. Кирпонос приказал поднять по тревоге войска округа и направить их в районы сосредоточения, предусмотренные планом КОВО на случай боевых действий – 6-ю армию под командованием генерал-лейтенанта И.Н. Музыченко

в Рава-Русский УР, а в смежный с ним Струмиловский УР – 5-ю армию под командованием генерал-майора М.И. Потапова, с задачей занять там оборону и задержать противника. Но в связи с тем, что связь к этому времени между штабом КОВО и штабами армий и корпусов была нарушена, до многих соединений округа этот приказ своевременно не был доведен, и они продолжали оставаться на местах постоянной их дислокации, подставляя себя под бомбовые удары немецкой авиации.

В 10 часов утра 22 июня 1941 года, когда большинство соединений КОВО уже были втянуты в бои с войсками вермахта, в войска округа поступила директива советского правительства, подписанная председателем Совета Министров СССР Г.М. Маленковым, наркомом обороны маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко и начальником Генерального штаба генералом армии Г.К. Жуковым, предписывающая Военным Советам всех военных округов, в том числе и КОВО, а также наркому Военно-морского флота, начать боевые действия против агрессора и, используя все силы и средства своих войск, уничтожить врага во всех районах, где он нарушил советскую границу. И только с получением этой директивы стало ясно, что это не очередная немецкая военная провокация, а начало Великой Отечественной войны. Но пока уцелевшие от немецкой бомбардировки дивизии и корпуса армий КОВО готовились к выступлению, а затем под бомбовыми ударами люфтваффе (немецкой авиации) преодолевали десятки и сотни километров до своих УРов, войска вермахта подавили сопротивление большинства наших пограничных застав и гарнизонов дотов. А те заставы и узлы обороны, которые с ходу уничтожить не удалось и они продолжали оказывать серьезное сопротивление, немецкие танки обошли с флангов и стремительно двинулись в глубь нашей территории, уничтожая военные и гражданские объекты, жилые и производственные здания, технику и все остальное, что попадалось на их пути. Поэтому наши полевые части встретились с войсками вермахта и вступили с ними в бой не в УРах и не на границе, а, как и предполагал генерал Власов

еще за неделю до начала войны, на марше, на открытой местности и на неподготовленных рубежах обороны.

32-я тд под командованием ее командира полковника Е.Г. Пушкина шла впереди войск 4-го мк, и когда до новых пунктов сосредоточения ей осталось пройти всего десять километров, ее войска столкнулись с большой группой танков противника и с ходу вступили с ними в бой. В ходе короткого боя танкисты дивизии Пушкина остановили немецкие танки, но заставить повернуть их вспять им не удалось — не хватило сил. В результате чего дивизия вынуждена была остановиться и занять оборону, чтобы задержать вражеские танки до подхода 8-й танковой и 81-й моторизованной дивизий 4-го мк. Но в связи с тем, что эти дивизии дислоцировались в различных населенных пунктах, расположенных на значительном расстоянии между ними и УРами, а приказ об их выдвижении в новые пункты сосредоточения поступил к ним в разное время, то двигались они разрозненно и на большом удалении друг от друга. И чтобы догнать 32-ю тд, им требовалось какое-то время, которого у них уже не было. А тем временем гитлеровцы оставили для сдерживания 32-й тд необходимое количество сил и двумя мощными танковыми клиньями пошли в обход флангов этой дивизии, угрожая ей окружением. Чтобы не допустить этого и спасти дивизию от неминуемой гибели, Власов приказал отвести ее обратно, чтобы, соединившись с 8-й танковой и 81-й моторизованной дивизиями, организовать надежную оборону и остановить продвижение противника. Благодаря своевременному отходу войскам 32-й тд удалось избежать полного окружения и разгрома, но своевременно соединиться с другими дивизиями 4-го мк они не смогли. И не только потому, что те находились друг от друга на значительном расстоянии, а еще и потому, что по пути следования им пришлось поодиночке вступить в неравный бой с немецкими танками, не выдержав которого, они были вынуждены повернуть назад. В результате не им пришлось догонять 32-ю тд, а 32-й — догонять 8-ю танковую и 81-ю моторизованную дивизии, но только уже в обратном направлении.

Аналогичное положение сложилось в войсках и других дивизий и корпусов 6-й армии и других армий КОВО, которым так же,

как и соединениям 4-го мк, не удалось своевременно занять боевые позиции в УРах, и они, столкнувшись с войсками вермахта, вынуждены были вести с ними бесперспективные бои на открытой местности. Все это привело к тому, что гитлеровцы прорвали нашу оборону между Рава-Русским и Струмиловским УРами, которые обороняли 5-я и 6-я армии, и в образовавшийся двадцатикилометровый разрыв между флангами этих армий ввели две танковые дивизии, которые начали продвигаться в направлении населенных пунктов Луцк, Радзехув, Броды. В связи с этим командующий Юго-Западным фронтом (22 июня 1941 года КОВО был преобразован в ЮЗФ) генерал-полковник М.П. Кирпонос приказал командующему 6-й армией Музыченко направить в район прорыва 4-й мк 6-й армии и во взаимодействии с 15-м мк фронтового подчинения под командованием генерал-майора И.И. Карпезо нанести удар по прорвавшейся в этом районе немецкой группировке и остановить ее дальнейшее продвижение. Но Музыченко решил, что для ликвидации такого незначительного, по его мнению, прорыва нет необходимости задействовать все войска 4-го мк, и приказал Власову для выполнения этой операции выделить в помощь 15-му мк всего два батальона средних танков от 32-й тд и один батальон мотопехоты от 81-й мд, а остальному составу 4-го мк приказал нанести удар и уничтожить противника в районе населенных пунктов Краковец и Радымно. Но 15-й мк, в силу сложившихся обстоятельств, не смог в назначенное время и в полном составе вступить в бой в этом районе. Его 37-я мд по пути к месту назначения попала под удар немецкой авиации и понесла значительные потери в технике и живой силе, а ее мотострелковый полк из-за отсутствия автомашин двигался пешим порядком и прибыть к месту сосредоточения в назначенное время не смог. В аналогичном положении оказались и части 212-й мд того же корпуса, которые тоже двигались к фронту пешком и прибыли к месту назначения с большим опозданием. Все это привело к тому, что лишь в середине дня 22 июня 1941 г. батальоны 4-го мк во взаимодействии только с 10-й мд 15-го мк начали наступление в районе н.п. Радзехув. И, несмотря на незначительные силы наших

войск, в ходе ожесточенного боя им удалось остановить вражеские танки, но уничтожить их и заставить повернуть назад они не смогли, и наша атака захлебнулась.

А в это время на левом фланге 6-й армии немецкие танки прорвали оборону 97-й мд 6-го ск и устремились в направлении населенных пунктов Краковец и Яворов. В связи с этим Музыченко приказал Власову силами 4-го мк ликвидировать и этот прорыв гитлеровцев. Для выполнения этого приказа Власов решил атаковать противника силами четырех танковых полков: 63-м и 32-м – в направлении н.п. Свиданица; 64-м – в направлении н.п. Немиров; 53-м – в направлении н.п. Судовая Вишня. Но в связи с тем, что эти полки так же, как и их дивизии, находились далеко от этих населенных пунктов, им необходимо было совершить многочасовой походный марш, чтобы выйти в новые районы сосредоточения. К тому же во время их движения возникли большие затруднения со связью между ними, с вышестоящими штабами и стрелковыми соединениями, ведущими бои в этих районах. Все это привело к тому, что собрать вместе все эти соединения не удалось, и они, не имея никакой информации о противнике и расположении наших уже задействованных в боях в этих населенных пунктах войск, вынуждены были вслепую вступать в бой поодиночке по мере их прибытия к месту назначения, бессмысленно теряя при этом большое количество людей и техники. Поэтому все атаки наших войск в этом районе не увенчались успехом и были отбиты войсками вермахта. И только 63-му тп под командованием майора Н.В. Ветрова, встретившему на своем пути немецкую танковую колонну, удалось не только остановить противника, но и, несмотря на бомбовые удары, наносимые немецкими самолетами, в ходе ожесточенного трехчасового боя у деревни Шкло сломить его сопротивление и отбросить на расстояние до четырех километров. Но и полк Ветрова в этом бою понес большие потери. Десять танков были подбиты и остались на поле боя, а еще восемь танков, преследующих отступающего противника, застряли в топком болоте, и вытащить их оттуда не было ни времени, ни возможности.

Много в этом бою погибло и личного состава полка, в том числе его командир майор Н.В. Ветров.

Но, несмотря на некоторые успехи 4-го мк и других частей 6-й армии, к исходу первого дня войны в полосе обороны этой армии противнику удалось овладеть целым рядом населенных пунктов и продвинуться в глубь нашей территории до тридцати километров. И только с наступлением ночи бои с обеих сторон прекратились. У противоборствующих сторон появилась возможность отдохнуть и подготовиться к последующим схваткам. Так закончился первый день Великой Отечественной войны.

Вечером 22 июня 1941 года штаб 6-й армии подвел итоги боевых действий за прошедший день и поставил задачи войскам армии, в том числе и 4-му мк, на следующий день. 8-я тд этого корпуса получила приказ атаковать противника северо-восточнее Равы-Русской, а 32-й тд – не пропустить противника в направлении города Львова. Но 23 июня 1941 года командующий ЮЗФ Кирпонос приказал Музыченко силами 4-го и 15-го механизированных корпусов атаковать прорвавшуюся группировку противника в районе н.п. Радзехув и остановить ее наступление. Вся организация этого удара была возложена на командира 4-го мк Власова. Но выполнить приказ Кирпоноса войскам этих корпусов не удалось. На рассвете 23 июня 1941 года противник крупными силами мотомеханизированных войск при поддержке их артиллерией и авиацией возобновил наступление и одновременно с двух направлений атаковал позиции 10-й мд 15-го мк, державшей оборону в районе Радзехува. До половины дня длился этот ожесточенный бой, в ходе которого ни та, ни другая сторона не продвинулись ни на один шаг. Но угроза фланговых обходов гитлеровцами наших войск и понесенные большие потери танков и личного состава вынудили наших воинов отступить и отойти на рубеж н.п. Майдан Стары. В этот же день 23 июня 1941 года в этом районе, только на западной стороне Радзехува, вел бой отряд войск 4-го мк под командованием подполковника И.К. Пономаренко, состоящий из двух танковых и одного мотострелкового батальонов 32-й тд, который в ходе ожесточенного боя уничтожил около 20 немецких

танков, 6 противотанковых и 12 полевых орудий и больше взвода пехоты противника. Но и отряд Пономаренко в этом бою потерял 11 танков, несколько орудий и около взвода мотострелков и, не выдержав сильного натиска немецких войск, вынужден был отступить от Радзехува.

Тяжелые бои 23 июня 1941 года вели 63-й танковый и 202-й мотострелковый полки 4-го мк, которые пытались разгромить вражеские колонны, продвигавшиеся по шоссе сообщением Яворов–Львов. Но, попав под интенсивный обстрел вражеской артиллерии и бомбовые удары авиации противника и понеся большие потери личного состава и техники, вынуждены были отступить.

В этот же день в полосе обороны 6-го ск генерал-майора И.И. Алексеева войска вермахта прорвали нашу оборону на стыке 97-й и 159-й сд, заняли город Немиров и отбросили от него наши войска на значительное расстояние. В результате разрыв фронта между этими дивизиями достиг сорока километров, в который немцы ввели две пехотные дивизии и продолжили развивать свое наступление в направлении Львова.

К исходу дня 23 июня 1941 года большая группировка немецких войск прорвалась на луцком направлении и, несмотря на упорное сопротивление наших войск, углубилась на нашу территорию на 50 километров. Одновременно с этим германские войска продвинулись на 50 километров и на ковельском направлении.

Такому поражению наших войск в первые дни войны способствовали не только огневая мощь противника и его внезапное нападение, но и хорошо организованная немецкой разведкой дезинформация нашего командного состава. Только 4-му мк в течение дня 23 июня 1941 года дважды пришлось бросать свои войска на выполнение ложных приказов. Так, соединения этого корпуса, двигавшиеся в район н.п. Дуньковице, получили новый приказ из штаба 6-й армии о нанесении удара по танковой группировке войск вермахта в районе н.п. Мосты Вельке. Выполнение этого приказа Власов поручил 32-й тд, которая вынуждена была сменить курс на 180 градусов и двинуться в указанный район. Но когда дивизия прибыла к месту назначения, то в этом населенном пункте

никаких частей противника не оказалось. Как впоследствии выяснилось, такого приказа штаб 6-й армии 4-му мк не давал. Это была дезинформация немецкой фронтовой разведки.

Узнав о дезинформации, Музыченко приказал Власову направить 32-ю тд для оказания помощи 3-й кавалерийской дивизии, ведущей бои в районе города Пархач. Для выполнения этого задания командир 32-й тд полковник Пушкин направил танковый батальон под командованием майора Г.В.Полякова, который к концу дня 23 июня 1941 года прибыл к месту назначения и был готов к атаке. Но в это время из штаба 6-й армии неожиданно поступил новый приказ. Командарм Музыченко приказал Власову направить 32-ю тд, в том числе и группу Полякова, в район н.п. Каменка Струмилова для уничтожения немецкого воздушного десанта и танковой группы войск вермахта, сосредоточившихся в этом районе. Но, прибыв в указанный район, наши танкисты там тоже не обнаружили противника. А из каких источников поступила информация в штаб 6-й армии о наличии там войск противника, установить так и не удалось. По-видимому, это тоже была дезинформация немецкой разведки. Много аналогичной дезинформации получали командиры частей и подразделений не только 4-го мк и 6-й армии, но и всего ЮЗФ. Агенты немецкой военной разведки работали очень четко, передавая по нашим каналам связи ложную информацию, в результате чего наши войска бросались на поиски несуществующего противника, что приводило к распылению сил механизированных корпусов и невыполнению поставленных перед ними основных боевых задач. Такое метание наших войск в разные стороны было только на руку врагу.

Сложная обстановка 23 июня 1941 года оставалась на луцком, радзехувском и бродском направлениях, где противник танковыми клиньями прорвал нашу оборону и крупными мотомеханизированными соединениями стремительно продвигался на восток. В связи с этим вечером 23 июня 1941 года командующий фронтом Кирпонос приказал силами трех механизированных корпусов: 4-го – генерал-майора А.А. Власова 6-й армии; 8-го – генерал-лейтенанта Д.И. Рябышева 26-й армии и 15-го – генерал-

майора И.И. Карпезо фронтового подчинения – утром 24 июня 1941 года атаковать группировку немецких войск, ведущих бои в этих районах. Началась переброска мехкорпусов на эти направления. Но, в силу сложившихся обстоятельств, не все соединения этих корпусов смогли своевременно и в полном составе прибыть к новым местам назначения. Поэтому командованию ЮЗ фронтом не удалось к утру 24 июня 1941 года создать мощную группировку советских войск для нанесения сокрушительного удара по врагу в районе населенных пунктов Радзехув, Луцк, Броды и ряда других. Но Генштаб в лице его начальника генерала армии Г.К. Жукова, который с 21 июня 1941 года находился в войсках ЮЗФ, требовал от командования фронтом, не дожидаясь прибытия к месту сосредоточения всех соединений, привлекаемых для этой операции, начать наступление теми подразделениями, которые успели прибыть на место в назначенный срок. Немецкое командование, по видимому, узнало о готовящемся наступлении наших войск и их состоянии, и на рассвете 24 июня 1941 года гитлеровские войска возобновили наступление на этих направлениях. Завязались ожесточенные бои, в ходе которых наши войска вынуждены были одновременно отражать атаки противника и, по требованию Генштаба, предпринимать попытки самим атаковать гитлеровцев своими разрозненными частями. Несмотря на все усилия, нашим войскам не только не удалось остановить войска вермахта на захваченных ими к этому времени территориях, но и под натиском их превосходящих сил – механизированных соединений, артиллерии и авиации – пришлось отступить в направлении Львова.

В этот же день 24 июня 1941 года танковые дивизии вермахта прорвались и в районе города Дубно, в результате чего создавалась угроза охвата уже всей львовско-перемышльской группировки войск ЮЗФ. Чтобы не допустить этого, командование фронтом приняло решение нанести по флангам прорвавшегося противника ряд контрударов на различных направлениях. Нанесение удара по немировской группировке немецких войск было возложено на 6-ю армию. Музыченко приказал Власову перебросить войска 4-го механизированного корпуса в район н.п. Немиров для поддержки

наступления частей 97-й и 159-й стрелковых дивизий 6-го стрелкового корпуса и совместно с ними освободить город Немиров. Но к этому времени 4-й мк уже был сильно ослаблен предыдущими боями, да к тому же еще и растащен в разные стороны. В его составе уже не было 8-й тд, которая по приказу командующего фронтом Кирпоноса еще 23 июня 1941 года была направлена на разгром бродской группировки войск вермахта. А в первой половине дня 24 июня 1941 года Кирпонос приказал и 81-ю моторизованную дивизию этого корпуса перебросить в район н.п. Язув Старый с задачей уничтожить прорвавшегося туда противника. И только 32-я тд 4-го мк, путь которой в этот район лежал через город Львов, где уже шли бои с прорвавшимися туда немецкими диверсантами, к двум часам ночи 24 июня 1941 года прибыла к месту сосредоточения, и то не в полном составе. Ее 32-й моторострелковый полк, по приказу командарма Музыченко, был оставлен в Львове в резерве командования 6-й армии. В результате чего 32-я тд осталась без пехоты. Но, несмотря на это, перед самым наступлением, которое началось в шесть часов утра 24 июня 1941 года, командир 6-го ск генерал-майор И.И. Алексеев поставил ей задачу самостоятельно без поддержки пехоты, артиллерии и авиации атаковать гитлеровцев в направлении сильно укрепленного района, где танкисты 32-й тд наткнулись на интенсивный противотанковый огонь противника и потеряли несколько своих танков. Серьезным препятствием для наступления наших танков в этом районе оказалась река Якша и ее заболоченные поймы, где несколько танков 64-го тп завязли в топком болоте, и их пришлось бросить. Все это отрицательно отразилось на ходе боевых действий 32-й тд и привело к тому, что ее атака сорвалась, и дивизия, потеряв 15 своих танков, вынуждена была отойти на исходную позицию. В результате нашим войскам не удалось не только разгромить немировскую группировку немецких войск, но и остановить ее наступление.

Не увенчались успехом в этот день 24 июня 1941 года бои и на других участках ЮЗФ, в том числе и на рубеже 6-й армии. Оборона наших войск во многих местах была прорвана, и противник

на направлении главного удара продвинулся в глубь нашей территории до ста километров. В связи с этим командование ЮЗФ приняло решение провести 25 июня 1941 года расширенное заседание Военного Совета фронта, на которое, кроме работников штаба фронта, решено было вызвать всех командиров корпусов, командующих армиями и начальников штабов этих соединений.

С первого дня войны по требованию комкора Власова каждый вечер штаб 4-го мк подводил итоги и составлял сводку боевых действий корпуса за истекший день, а также разрабатывал планы боевых операций корпуса на следующий день. Эти документы начальник штаба корпуса генерал-майор Мартьянов, а в его отсутствие его заместитель полковник Деменев, в конце дня представляли комкору. На их основании и с учетом указаний и приказов вышестоящего командования Власов отдавал боевой приказ войскам корпуса на следующий день.

24 июня 1941 года в связи с тем, что у Мартьянова обострилась мочекаменная болезнь и он находился в корпусном медсанбате, боевое донесение и план боевых действий войск 4-го мехкорпуса понес комкору Деменев, который застал Власова сидящим за столом, склонившись над лежащей на столе развернутой оперативной картой ЮЗФ, на которой генерал делал какие-то пометки. Предложив Деменеву сесть, Власов внимательно прочитал принесенные документы, задал Деменеву несколько уточняющих вопросов и, сделав несколько письменных замечаний на этих документах, со словами «готовьте приказ» вернул их Деменеву. Взяв документы, Деменев встал и хотел уйти, но Власов остановил его и, показывая на лежащую на столе карту сказал:

– Вот видите, Герасим Владимирович, куда мы за три дня войны драпанули. А если и дальше будем так воевать, то уже через месяц, а, возможно, и еще раньше, окажемся на Днепре, а то и того дальше. Только эти три дня боевых действий вскрыли массу ошибок, допущенных Генеральным штабом, командованием Красной армии и советским правительством при подготовке к отражению нападения фашистской Германии на Советский Союз.

– И что Вы, Андрей Андреевич, считаете, необходимо сделать, чтобы переломить сложившуюся ситуацию в нашу пользу? – спросил Деменев.

– А вот что, – продолжал Власов. – В первую очередь нужно спасти войска ЮЗФ, для чего необходимо как можно быстрее организовано отвести их на «линию Сталина», на которой сконцентрировать необходимое количество сил и средств, способных отразить натиск немецких войск, а затем перейти в наступление и изгнать гитлеровцев из нашей территории. Поэтому я считаю своим долгом вынести этот вопрос на обсуждение Военного Совета, заседание которого состоится завтра в штабе Юго-Западного фронта. А как вы считаете, Герасим Владимирович? – спросил Власов.

Такие мысли витали и в голове Деменева, но он гнал их, боясь не только с кем-нибудь поделиться ими, но даже самому себе признаться в этом. Поэтому такое предложение Власова оказалось для него неожиданным, и он не смог сразу ответить на вопрос комкора. Увидев замешательство Деменева, Власов сказал:

– Не торопитесь с ответом, Герасим Владимирович. Давайте-ка мы с Вами попьем чайку, а потом продолжим этот разговор.

Но Деменев не стал дожидаться окончания чаепития, а, отпив несколько глотков чая, сказал:

– Я и сам, анализируя сложившуюся на нашем фронте обстановку, неоднократно приходил к такому же выводу, как и Вы, Андрей Андреевич. Поэтому я поддерживаю Ваше предложение и считаю, что в данной ситуации оно актуально и своевременно. Думаю, что многие командиры соединений ЮЗФ такого же мнения. Но высказать свою точку зрения на Военном Совете фронта они вряд ли решатся. Поэтому и Вам озвучивать там свои мысли, считаю, небезопасно. Боюсь, что Вас, Андрей Андреевич, неправильно поймут и могут сделать соответствующие выводы, вплоть до отдачи под суд военного трибунала.

– Ладно, – сказал Власов. – Я учту Ваш совет. Но смогу ли удержаться, чтобы не поднять этот вопрос на Военном Совете фронта, – не знаю. Уж слишком велика его цена, от правильного

решения которого зависит жизнь не одной сотни тысяч наших бойцов и командиров.

На этом разговор Власова с Деменевым закончился. Деменев взял папку с документами и хотел уйти. Но Власов снова остановил его и сказал:

– Завтра Вам, Герасим Владимирович, придется вместо больного Мартыянова поехать со мной в город Тернополь на заседание Военного Совета фронта. Но, прежде чем туда ехать, нам нужно как следует подготовиться к этому мероприятию. Мало ли какие вопросы могут появиться к нам. Мы должны быть готовы ответить на любой из них. Поэтому идите и готовьтесь, чтобы завтра не застали нас врасплох. И как только закончите эту работу, один экземпляр документов сразу же принесите мне.

До полуночи все работники штаба корпуса под непосредственным руководством полковника Деменева подводили итоги боевых действий 4-го механизированного корпуса за прошедшие три дня войны. А когда эта работа была закончена и Деменев принес документы Власову, то оказалось, что комкор тоже еще не спал и готовился к предстоящему заседанию Военного Совета фронта. Просмотрев принесенные материалы, Власов остался доволен ими и, поблагодарив в лице Деменева всех работников штаба, сказал:

– А сейчас, Герасим Владимирович, можете немного отдохнуть. Но не забывайте, что на рассвете мы с Вами выезжаем в штаб фронта.

Первым на этом заседании Военного Совета выступил начальник Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков, который довел до сведения присутствующих ноту Министерства иностранных дел Германии советскому правительству от 21 июня 1941 года об объявлении войны Германией Советскому Союзу. В этой ноте, которая была вручена Министру иностранных дел СССР В.М. Молотову послом Германии в Советском Союзе графом Ф. Шуленбургом 22 июня 1941 года спустя два с половиной часа после начала боевых действий войск вермахта против Красной армии, советское правительство обвинялось в подготовке военного нападения на Германию. Германская нота представляла собой

внушительный по объему документ и заканчивалась словами: «... Правительство рейха вынуждено заявить: советское правительство вопреки своим обязательствам и в явном противоречии со своими торжественными заявлениями действовало против Германии... Внешняя политика становилась все более враждебной по отношению к Германии. Все вооруженные силы на германской границе были сосредоточены и развернуты в готовности к нападению. Таким образом, советское правительство предало и нарушило договоры и соглашения с Германией. Ненависть большевистской Москвы к национал-социализму оказалась сильнее политического разума. Большевизм – смертельный враг национал-социализма. Большевистская Москва готова нанести удар в спину национал-социалистической Германии, ведущей борьбу за существование.

Правительство Германии не может безучастно относиться к серьезной угрозе на восточной границе. Поэтому фюрер отдал приказ германским вооруженным силам всеми силами и средствами отвести эту угрозу. Немецкий народ осознает, что в предстоящей борьбе он призван не только защитить Родину, но и спасти мировую цивилизацию от смертельной опасности большевизма и расчистить дорогу к подлинному расцвету в Европе...».

После Жукова слово было предоставлено начальнику разведотдела фронта полковнику Г.И. Бондареву, который доложил обстановку, сложившуюся к этому времени на ЮЗФ, и какие силы вермахта задействованы против наших войск. Оказывается, только на южное направление Гитлер направил целую группу армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала фон Рундштедта, артиллерия которого в 3 часа 30 минут 22 июня 1941 года открыла мощный артиллерийско-минометный огонь по нашим пограничным заставам и войскам, расположенным вдоль западной границы СССР, а авиация 4-го воздушного флота Германии нанесла интенсивные бомбовые удары по УРам и воинским частям, военным и гражданским объектам, городам и селам, расположенным на нашей приграничной территории. А затем на это направление Рундштедт бросил в бой против войск КОВО 17-ю полевую армию под командованием генерала Штюльпнагеля, 6-ю полевую армию

под командованием генерал-фельдмаршала фон Рейхенау и первую бронетанковую группу под командованием генерал-полковника фон Клейста, которые в 4 часа утра 22 июня 1941 года пересекли государственную границу СССР, перешли в наступление против войск КОВО и за три дня войны продвинулись в глубь нашей территории до ста километров. А ночью с 21 на 22 июня 1941 года, еще до начала боевых действий, на нашу приграничную территорию немцы сбросили на парашютах большое количество диверсантов, которые в течение ночи вывели из строя большинство наших линий и узлов связи, что отрицательно отразилось на управлении боевыми действиями войск ЮЗФ. Кроме того, специальные отряды войск вермахта, одетые в форму советских военнослужащих, той же ночью и тоже до начала боевых действий захватили мосты через приграничные реки и тем самым обеспечили беспрепятственное форсирование водных преград немецкими передовыми частями. Такие же немецкие отряды, проникшие на нашу территорию, всю ночь с 21 на 22 июня 1941 года проводили диверсии на железных и шоссейных дорогах, железнодорожных станциях, в аэропортах, на складах и на других стратегических объектах, расположенных недалеко от границы.

После выступления полковника Бондарева Военный Совет перешел к обсуждению мероприятий, направленных на остановку и разгром агрессора. В ходе обсуждения этого вопроса выступили командующие всех четырех армий ЮЗФ и несколько командиров мотострелковых и механизированных корпусов, которые вносили разные предложения по разгрому врага. Но ни один из них не предложил отвести войска фронта на старую западную границу или другие выгодные для нас рубежи и создать там прочную оборону. И только командир 4-го мк генерал-майор А.А. Власов в своем выступлении предложил сделать это и сказал:

– Прошедшие три дня войны наглядно показали, что приграничное сражение мы, к великому сожалению, проиграли, и остановить агрессора теми методами ведения боевых действий, какими мы ведем их сейчас, невозможно. Мы все время противопоставляем крупным механизированным группировкам войск

вермахта небольшие и разрозненные соединения своих войск и поодиночке бросаем их в бой, обрекая на неминуемое уничтожение. И если мы в срочном порядке не пересмотрим и не изменим нашу тактику ведения боевых действий, то немцы просто уничтожат всю Советскую армию, и у нас некому будет защищать нашу страну. Чтобы не допустить этого, я считаю, что в сложившейся ситуации нам ничего другого не остается, как организованно, со сдерживающими боями отвести войска ЮЗФ в тыл и на выгодных для нас рубежах местности резервными соединениями, подходящими к фронту по плану развертывания, и отведенными туда войсками ЮЗФ, уже участвовавшими в боях, создать прочную оборону и остановить агрессора, а затем, сконцентрировав на этом рубеже необходимое количество войск и техники, перейти в контрнаступление и выбить фашистскую нечисть с нашей территории. Таким рубежом, на мой взгляд, могли бы стать УРы (хоть и разукомплектованные), расположенные на старой западной границе. И сделать это необходимо в срочном порядке. Иначе мы упустим время, не успеем там как следует закрепиться и не сможем остановить вражеские войска. Поэтому своевременное и хорошо организованное отступление – это единственный выход из создавшегося положения.

После Власова выступил командир 9-го мк генерал-майор К.К. Рокоссовский, который поддержал предложение Власова. Но больше никто из командиров, выступающих после Власова и Рокоссовского, не стал на их сторону. И только начальник штаба ЮЗФ генерал-лейтенант М.А. Пуркаев согласился с мнением командиров Власова и Рокоссовского и дополнительно предложил – механизированные корпуса, понесшие в боях большие потери личного состава и техники, отвести за вновь созданную линию обороны стрелковыми частями и привести их в порядок – пополнить людьми и техникой. Но ни члены Военного Совета, ни командование фронтом не согласились с этими разумными предложениями. А Г.К. Жуков не только не поддержал предложения Власова, Рокоссовского и Пуркаева, но и обозвал их паникерами и, ссылаясь на решение Ставки Главного Командования (СГК), потребовал

от командования и Военного Совета ЮЗФ немедленно контратаковать противника на тех рубежах, на которых он находится в настоящее время. А также сказал, что все те командиры, которые считают, что нужно и дальше продолжать отступать, пусть сами снимают с себя генеральские звезды, берут в руки винтовки и идут воевать под началом сержантов, которые приведут их в чувство и научат, как нужно воевать. В противном случае за них сделает это военный трибунал.

Такое решение Военного Совета фронта и начальника Генерального штаба Г.К. Жукова взбесило Власова так, что он до конца заседания Военного Совета и всю дорогу на обратном пути в корпус не проронил ни одного слова. Приехав в штаб корпуса, попросил Деменева зайти к нему в кабинет и вызвал к себе помощника командира корпуса по технической части военного инженера второго ранга В.И. Юматова, которому приказал привести в боевую готовность оружие и технику корпуса, заправить машины горючим, пополнить боекомплект и создать резерв боеприпасов и горючего, после чего дать личному составу отдых до утра. Когда Юматов ушел, Власов приказал своему адъютанту к нему не входить и никого не пускать. А Деменеву сказал:

– Садитесь, Герасим Владимирович, к столу – ужинать будем. А заодно снимем стресс и обмоем «гениальное решение» СГК и Генерального штаба, а также авансом помянем всех тех наших солдат и офицеров, которые бессмысленно сложат свои головы, выполняя это решение.

Пили молча, не чокаясь, как на настоящих поминках. А когда первая бутылка коньяка опустела и Власов достал вторую, Деменев сказал:

– Андрей Андреевич, наверное, уже хватит нам с Вами снимать стресс и поминать будущие жертвы. Нам еще нужно подготовить войска корпуса к предстоящему наступлению, которое, по всей вероятности, начнется уже завтра. И от того, как мы их подготовим, будет зависеть результат предстоящей битвы.

Деменев хотел и дальше продолжить разговор на эту тему, но немного захмелевший Власов прервал его и сказал:

– Дорогой Герасим Владимирович. Вы не хуже меня понимаете, что как бы войска фронта, в том числе и нашего корпуса, ни готовились, никакого успеха в очередной попытке контрнаступления в сложившейся обстановке мы не добьемся, а только бессмысленно потеряем сотни тысяч своих солдат и офицеров. И даже если все соединения фронта будут сражаться до последнего солдата, нам все равно не удастся не только сломить сопротивление противника и остановить его, но и удержать занимаемые нами позиции.

– Но ведь под давлением Ставки и Генштаба Военный Совет ЮЗФ принял решение наступать. И, возможно, уже в войска фронта, в том числе и нашего корпуса, поступил такой приказ, который мы обязаны будем выполнить, – сказал Деменев.

– Не волнуйтесь, Герасим Владимирович, – ответил Власов. – 4-й мк, как и все другие соединения фронта, будет предпринимать эти бессмысленные попытки контратаковать противника, несмотря на то, что всем, в том числе и нам с Вами, заранее известно, что они обречены на провал. Но, несмотря на это, приказ вышестоящего командования мы обязаны выполнять. И мы его будем выполнять. Поэтому наилучшей подготовкой для войск нашего мк будет то, что я приказал сделать Юматову, и полноценный отдых личного состава. Пусть люди поспят до утра и наберутся сил, которые завтра им будут очень нужны. Так что нам с Вами, Герасим Владимирович, торопиться некуда, и мы спокойно можем продолжить наш ужин. Я уверен, что в самое ближайшее время и СГК и ГШ поймут ошибочность своего решения и, чтобы добиться победы над врагом, примут решение отвести войска ЮЗФ на «линию Сталина». Только жаль, что к этому времени фронт потеряет значительную часть своих войск и техники, которые ой какгодились бы на рубежах старой границы.

Власов так убедительно говорил, что у Деменева не нашлось слов возразить ему, и ужин продолжился. А после выпитой очередной рюмки коньяка Власов продолжил высказывать свое возмущение в адрес всех вышестоящих командных структур страны, командующих ЮЗФ и 6-й армией, а также своих коллег-командиров корпусов.

– Ну, как так можно воевать, не просчитывая вперед даже одного шага, – говорил он. – Если в нашей стране 250 миллионов человек населения и мы можем позволить себе поставить под ружье несколько десятков миллионов бойцов, то это еще не значит, что мы должны посылать их на верную смерть, как баранов на бойню. Ладно, Ставка, которая находится далеко и не знает истинного положения на фронтах, в том числе и на Юго-Западном, но почему Жуков, который находится здесь, не остановил эту кровавую и бессмысленную бойню? Я понимаю, что он вопреки Ставки не мог отдать приказ на отступление. Но он для того и был послан на наш фронт, чтобы разобраться в сложившейся здесь обстановке. А разобравшись, должен был убедить Ставку в необходимости отвода войск на рубежи старой границы. Но он этого почему-то не сделал.

– А может быть, не смог? – прервав эмоциональную речь Власова, сказал Деменев. – Он такой же, как и мы с вами, солдат и вынужден выполнять приказы вышестоящего командования. Я глубоко сомневаюсь, чтобы такой опытный генерал, как Жуков, в сложившейся обстановке не пытался убедить Ставку в необходимости отвода войск ЮЗФ на «линию Сталина». Но, видимо, ему не удалось это сделать, и он вынужден был выполнить ее решение и потребовать от Военного Совета и командования фронтом продолжать контрнаступление.

После этих слов Деменева в кабинете Власова наступило молчание, которое длилось несколько минут. И только после очередного тоста Власов нарушил его и сказал:

– Наверное, Вы, Герасим Владимирович, в отношении Георгия Константиновича правы. Он хоть и находится у нас уже четвертые сутки, но судит об обстановке, сложившейся на нашем фронте, по докладам командующих армиями и фронтом, которые и сами толком не знают ее. Поэтому, наверное, он, не владея реальной обстановкой, и не смог убедить Ставку в необходимости отвода войск ЮЗФ на более выгодные рубежи. А вот как понять Кирпоноса, командующих армиями и командиров корпусов, которые в своих выступлениях на Военном Совете несли всякую ахинею, но никто из них, кроме Рокоссовского и Пуркаева, ни одним словом не

обмолвился о необходимости отступления? А ведь все они прекрасно понимают, что в данной ситуации другого выхода нет. И, наверное, между собой они не раз об этом говорили. Так что же, они боялись сказать правду, чтобы не попасть в немилость вышестоящему начальству и не потерять свои должности? Но ведь на войне на любой должности воевать можно и нужно. Так что если бы кого-то и понизили в должности или звании или даже разжаловали в рядовые, то все равно дальше фронта никуда не послали бы. Так чего же в таком случае бояться? Воюем мы не за должности и звания, а за Родину, поэтому нет разницы, в каком звании и на какой должности воевать. Главное – бить фашистов и защищать свою землю. Но воевать надо не любой ценой, а как можно меньшей кровью своих солдат. И если у командира любого ранга есть свое мнение, хоть и отличающееся от мнения вышестоящего командования, но направленное на более успешное выполнение боевой операции с меньшими потерями личного состава, то его обязательно нужно озвучивать при любой возможности и смело отстаивать его, не боясь никакой ответственности и никаких последствий...

Много еще нелестных слов в этот вечер было сказано Власовым в адрес вышестоящего командования. Но больше всех досталось командующему Юго-Западным фронтом Кирпоносу и командующему 6-й армии Музыченко. А затем, немного помолчав, Власов спросил:

– Разве я не прав, Герасим Владимирович?

– Вы совершенно правы, и я с Вами полностью согласен, – сказал Деменев. – Но только Вы, Андрей Андреевич, не учли то обстоятельство, что не все командиры (хотя есть и такие) боятся потерять свои должности или не продвинуться вверх по служебной лестнице. Большинство из них боятся военного трибунала, который и в мирное время сотни и тысячи талантливых, но инакомыслящих командиров всех рангов отправил в лагеря, а многих из них и на тот свет. А уж сколько командиров, пытавшихся отстаивать свое мнение, лишились своих должностей и званий – не счесть. Вы, Андрей Андреевич, надеюсь, не забыли, как в 1935 году, будучи слушателем академии Генерального

штаба, попытались отстоять свое справедливое мнение, касающееся строительства УРов подальше от границ и дислокации соединений полевых войск Красной армии в непосредственной близости от них, за что Вас хоть в трибунал и не отправили, но из академии отозвали. Поэтому командиры всех рангов не без основания боятся не только отстаивать свое мнение, но и озвучивать его, потому что каждый из них справедливо считает, что если и придется погибнуть, то лучше в бою на фронте, чем быть расстрелянным в застенках НКВД или сгнить в лагерях на Соловках или Колыме. Так что сегодня Вы с Рокоссовским и Пуркаевым, выступая на Военном Совете фронта со своими совершенно справедливыми предложениями, сильно рисковали. И еще неизвестно, чем это все для Вас закончится. И если на этот раз все закончится благополучно, то все равно впредь будьте осторожны в своих высказываниях. Сто раз подумайте, прежде чем озвучить свое мнение. Я вижу в Вас талантливого командира, способного аналитически мыслить, грамотно и смело принимать решения и добиваться их выполнения, даже если они и не популярны, но позволяющие добиться в боевых операциях положительных результатов малой кровью своих солдат. И очень жаль будет, если репрессивная рука вырвет Вас из рядов Красной армии.

Деменев замолчал. В кабинете снова наступила тишина, которая длилась несколько минут. А затем Власов вылил в рюмки остатки коньяка и после того, как его молча выпили, сказал:

— Благодарю Вас, Герасим Владимирович, за понимание и поддержку моей позиции. Но воспользуюсь ли я Вашим советом — не знаю. Я не могу терпеть и молчать, когда командиры ради своих должностей, званий и спасения собственной шкуры посылают на верную и бессмысленную смерть тысячи своих солдат и офицеров. Поэтому, наверно, и впредь, ради спасения людей, я буду высказывать свое мнение и отстаивать его везде, где только представится такая возможность, невзирая ни на какую опасность.

На этом беседа Власова с Деменевым закончилась. А когда Деменев вышел из кабинета Власова, то во дворах частных домов уже пели первые петухи.

В эту же ночь во все соединения ЮЗФ, в том числе и в штаб 4-го мк, поступил приказ командующего фронтом Кирпоноса, предписывающий войскам фронта 26 июня 1941 года нанести контрудар по войскам радзехувской группировки противника и в течение дня разгромить ее. Для этой цели была создана оперативная группа войск ЮЗФ под командованием первого заместителя командующего фронтом генерал-лейтенанта Ф.С. Иванова. В состав этой группы были включены 5 механизированных корпусов, в том числе и 4-й, и 2 стрелковых корпуса. Командование фронтом, видимо, полагало, что такого количества сил будет вполне достаточно для того, чтобы разгромить немецкую группировку войск под Радзехувом. Для выполнения этой задачи все эти соединения нужно было сосредоточить на исходных позициях и только после этого единой группировкой перейти в контрнаступление. Но сделать это было не так просто, потому что не все они располагались на линии фронта или вблизи нее. Большинство частей, особенно корпуса фронтового подчинения, располагались далеко от линии обороны, и для того, чтобы прибыть к месту сосредоточения, им требовалось от одного до трех дней в зависимости от расстояния, на котором они находились. Но столько времени у командования ЮЗФ не было, потому что гитлеровцы почти беспрерывно продвигались в глубь нашей территории, и, чтобы остановить их, Ставка и Генштаб требовали немедленного контрнаступления. Поэтому Кирпонос вынужден был бросать в бой подходившие резервы по частям, по мере их прибытия на фронт, обрекая на уничтожение. Так вместо всей предполагаемой группировки наших войск на этом направлении в полном составе и в назначенное время выступили только 8-й мк, 8-я танковая дивизия 4-го мк и несколько дивизий других механизированных и стрелковых корпусов, которые в 9 часов утра 26 июня 1941 года без артиллерийской подготовки и авиационного прикрытия двинулись на врага и, как и следовало ожидать, потерпели поражение. Не добились успеха в этот день войска ЮЗФ и на других направлениях, где не только не смогли сломить сопротивление противника и перейти в контрнаступление, но и удержать свои позиции.

26 июня 1941 года в полосе обороны 6-й и 26-й армий крупные механизированные соединения 17-й полевой армии вермахта под командованием генерала инфантерии фон Штюльпнагеля перешли в наступление на рава-русско-львовском направлении. В результате чего создалась угроза окружения войск трех (6-й, 12-й и 26-й) армий ЮЗФ с северного направления. Чтобы избежать этого, Кирпонос отдал приказ – в ночь на 27 июня 1941 года под прикрытием арьергардов, усиленных противотанковой артиллерией, отвести войска этих армий на восток. Согласно этому приказу, войска 6-й армии должны были отойти на рубеж населенных пунктов Новый Погаюв, Золочев, Ганачув. Но Ставка и Генштаб отменили приказ Кирпоноса и потребовали от командования и Военного Совета ЮЗФ продолжать нанесение контрударов по противнику. Поэтому 27 июня 1941 года в войска фронта поступил другой приказ Кирпоноса – возобновить наступление. Но выполнить этот приказ войскам ЮЗФ не удалось. Немцы перебросили сюда дополнительные силы – танки и пехоту, перешли к активным боевым действиям и, после проведенной в течение одного часа артиллерийской подготовки, атаковали позиции наших войск, заняли Раву-Русскую и еще несколько населенных пунктов. Кроме того, утром 28 июня 1941 года немцы возобновили наступление в направлении городов Ровно, Броды и Дубно.

Ожесточенные бои 28 июня 1941 года шли и на львовском направлении. В течение всего дня противник интенсивно обстреливал артиллерийским огнем и бомбил город Львов, его окрестности, оборонительные позиции и места расположения советских войск в этом районе. 32-я тд 4-го мк в этот день с раннего утра и до позднего вечера под непрерывным артиллерийским огнем и бомбовыми ударами вражеской авиации не только успешно отражала атаки войск вермахта, но и сама неоднократно переходила в контратаки и тем самым сдерживала рвущегося к Львову противника.

А 29 июня 1941 года соединения 1-й танковой группы немецких войск под командованием генерал-полковника фон Клейста сломили сопротивление наших механизированных корпусов в районе населенных пунктов Броды и Дубно. В образовавшийся

на стыке 5-й и 6-й наших армий разрыв, шириной около семидесяти километров, вслед за танками немцы ввели мотострелковые корпуса 6-й полевой армии вермахта, которые стремительно стали продвигаться в направлении Новгород-Волынска с целью отрезать наши отступающие войска от оборонительных позиций укрепрайонов, расположенных на старой западной границе. Чтобы не допустить этого, Кирпонос приказал генерал-майору М.И. Потапову силами 5-й армии нанести этой группировке войск противника фланговый удар. Но измотанная и понесшая большие потери личного состава и техники в предыдущих боях 5-я армия уже не в состоянии была выполнить этот приказ и потерпела поражение. Не добились успеха в этот день и соединения 6-й армии, которые вели оборонительные бои на 250-километровом рубеже ЮЗФ. По всей линии обороны этой армии шли непрерывные кровопролитные бои. И, несмотря на упорное сопротивление наших войск, немцы продолжали развивать свое наступление, заняли ряд населенных пунктов и начали обходить правый фланг 6-й армии. В результате под фланговый удар немецких моторизованных корпусов попала 8-я танковая дивизия 4-го мк, которая в боях у н.п. Каменка Бугская потеряла почти все свои танки. В этом бою погиб и ее командир полковник П.С. Фотченков.

Из-за глубоких прорывов противника оборона войск 6-й армии, как и всего ЮЗФ, строилась отдельными очагами сопротивления. Немецкие механизированные колонны обходили эти очаги обороны с флангов и, выйдя в тылы наших корпусов и дивизий, заставляли их поспешно отступать в условиях частичного или полного окружения.

32-я тд 4-го мк 29 июня 1941 года вела подвижную оборону по яновскому и грудек-ягельоньскому шоссе, прикрывая несанкционированный Ставкой и Генштабом отход стрелковых частей 6-й армии. А с наступлением ночи она тоже начала отход на рубеж населенных пунктов Лесеница-Виники.

Во время прохождения через Львов ее частям пришлось вести уличные бои с проникшими в город немецкими мотоциклистами и отрядами украинских националистов, подавляя их огневые точки, расположенные в домах, на крышах и чердаках зданий города.

На подавление очагов сопротивления противника оставляли небольшое подразделение – взвод, роту или батальон мотострелков, в зависимости от интенсивности огня противника, а остальные части дивизии продолжали отступление. Одним из таких очагов сопротивления оказался крупный ресторан, в котором засели украинские националисты. По интенсивности огня видно было, что там находится небольшая группа бандеровцев, поэтому на ее подавление был оставлен один взвод солдат под командованием старшего лейтенанта Р.Г. Божко, украинца по национальности, который окружил ресторан и приступил к уничтожению националистов. Но когда основные силы дивизии отошли от ресторана на значительное расстояние, из соседних домов вышла большая группа бандеровцев и окружила ресторан вместе с нашими мотострелками. В результате взвод Божко сам оказался в двойном кольце окружения: с одной стороны их обстреливали националисты из ресторана, а с другой – пришедшие им на помощь из соседних домов. Мобильной связи у наших солдат не было, и сообщить в дивизию о случившемся они не имели возможности. Поэтому, поняв, что своими силами с бандеровцами им не справиться, Божко послал трех солдат за подкреплением. Но бандеровцы вели очень интенсивный огонь, и, несмотря на темную ночь, из трех красноармейцев вырваться из окружения удалось только одному бойцу – Глебу Самсонову, который, сняв с убитого немецкого мотоциклиста каску и плащ-накидку, надел их на себя и на его мотоцикле поехал догонять свою дивизию, догнать которую ему так и не удалось. Во-первых, потому что она ушла уже на значительное расстояние, а во-вторых, темной ночью в незнакомом городе он не знал, в какую сторону ему нужно ехать. Но Самсонову повезло. Плутая по городу, он наткнулся на группу наших солдат из 32-го мсп 32-й тд, уничтожавших в городе склады с боеприпасами, горючим и оставшейся техникой. Красноармейцы приняли Самсонова за немецкого мотоциклиста и обстреляли его. Но автоматные очереди прошли мимо Самсонова, и он объяснил солдатам, кто он, куда и зачем едет. Один солдат из этой группы оказался местным и хорошо знал город, в том числе и место, где находился ресторан,

у которого попал в западню взвод Божко. У этой группы солдат оказалась и рация, по которой командир группы капитан Г.И. Мохов сообщил в штаб дивизии о случившемся и получил приказ оказать помощь окруженному бандеровцами взводу. И группа солдат во главе с Моховым поехала на выручку своих товарищей. Расстояние до ресторана было небольшим, всего каких-то два километра, и на машинах группа могла бы быстро добраться до него. Но по дороге то тут, то там их обстреливали немецкие мотоциклисты и украинские националисты, и нашим бойцам приходилось часто останавливаться, чтобы подавить сопротивление противника. Поэтому к месту назначения они прибыли только через два часа. Стрельбы у ресторана уже не было, а вокруг него лежали трупы наших солдат. Бандеровцев на улице тоже не было – все они сидели в ресторане и ужинали. Увидев такую картину, красноармейцы поняли, что опоздали, взвод погиб. Капитан Мохов по радиации сообщил об этом в штаб дивизии, откуда получил приказ уничтожить засевших в ресторане бандеровцев. И группа Мохова пошла на штурм ресторана. Бандеровцы, по-видимому, не ожидали нападения на них, поэтому были застигнуты врасплох и не смогли отразить атаку наших солдат. Почти все бандеровцы были уничтожены в перестрелке, и только трое из них остались живы и были взяты в плен. Среди пленных оказался и бандеровский командир среднего звена Артем Волковый. Здесь же оказались живыми и три наших солдата из погибшего взвода Божко, которые тоже почему-то были с оружием в руках и лепетали что-то невнятное. А на кухне ресторана в большом котле, голые, сидя спиной друг к другу, варились командир взвода старший лейтенант Р.Г. Божко и старшина роты В.А. Богданов. Спасти их нашим солдатам не удалось. Когда их вытащили из кипящей в котле воды, оба они уже были мертвы. Капитан Мохов спросил бандеровского командира, зачем они варят покойников, на что Волковый ответил, что в котел их посадили живыми и невредимыми, а чтобы они не смогли выскочить, связали им руки и ноги и колючей проволокой привязали к котлу, и что умерли они, когда вода в котле кипела ключом. А на вопрос Мохова, почему их не взяли в плен, как этих троих

рядовых солдат, или не расстреляли, Волковый с иронией ответил, что когда их взяли и проверили документы, то оказалось, что у них обоих «божественные» фамилии. И если Бог не дал им погибнуть в перестрелке, то и из кипящего котла должен был помочь им выбраться. Но, видимо, оба они были слишком грешны перед Всевышним, поэтому он и не помог им. Долго беседовать с бандеровцами и выяснять подробности такого дикого поступка у наших солдат не было времени, поэтому и пленных бандеровцев, и троих наших солдат, оказавшихся среди них, посадили в кузов грузовой машины и под охраной автоматчиков отправили в штаб 32-го мсп, а оттуда в штаб 32-й тд, где всех их более подробно допросили. В ходе допроса выяснилось, что солдаты взвода Божко отстреливались до последнего патрона и последней гранаты. А когда у них закончились боеприпасы, то бандеровцы взяли в плен десять оставшихся в живых красноармейцев, в том числе командира взвода Божко и старшину роты Богданова. Пленив наших солдат, бандеровцы предложили им перейти на их сторону, а в случае отказа пообещали всех расстрелять. Но никто из пленных не соглашался перейти на сторону националистов. Тогда всех пленных вывели на улицу, поставили у стены ресторана и, расстреляв одного из них, снова стали спрашивать у остальных, не передумали ли они. После чего два наших бойца дали согласие перейти на службу к бандеровцам. Тогда их вывели из строя, дали каждому по винтовке и под дулами направленных на них автоматов заставили расстрелять второго пленного. Почти одновременно прозвучали два выстрела, и очередной красноармеец упал за смертью. После чего Волковый снова спросил стоящих у стены солдат, нет ли среди них еще желающих перейти к бандеровцам. И еще один красноармеец принял предложение националистов, которому так же, как и предыдущим двум, дали винтовку и заставили расстрелять очередного пленного. И опять после каждого расстрелянного красноармейца Волковый спрашивал у пленных, нет ли среди них еще желающих принять предложение националистов. Но желающих больше не оказалось. Тогда по команде Волкового последних трех красноармейцев расстреляли свои же сослуживцы. После чего перешедших

на сторону националистов и прошедших «боевое крещение» красноармейцев вместе со старшим лейтенантом Божко и старшиной Богдановым завели в помещение ресторана, где Божко и Богданова раздели догола и посадили в котел. А предателей-красноармейцев заставили налить в котел воды и разжечь под ним топку. Что они и сделали, а затем подбрасывали в топку уголь и по очереди кочергой помешивали его, чтобы лучше горел. Рты мученикам не закрыли, и по мере нагревания в котле воды они кричали так сильно, что, несмотря на стрельбу и взрывы в городе, их крики слышны были за несколько кварталов от ресторана. И замолчали они только тогда, когда вода в котле закипела ключом, и они потеряли сознание.

Закончив допрос пленных бандеровцев и перешедших на их сторону красноармейцев, командир 32-й тд полковник Пушкин доложил об этом командиру 4-го мк генерал-майору Власову. Узнав о таком диком чрезвычайном происшествии, Власов приказал комдиву немедленно, без суда и следствия, расстрелять предателей. Пушкин попытался возразить Власову, что, может быть, лучше отправить их в военный трибунал, и пусть там решают их судьбу на законных основаниях. На что Власов ответил:

– Мы отступаем. И нам некогда связываться с военным трибуналом. Да если там их и приговорят к расстрелу, в чем я несколько не сомневаюсь, то личный состав корпуса об этом узнает не скоро, а возможно, и никогда. А я считаю, что все бойцы и командиры вверенного мне корпуса немедленно должны узнать, как поступают с предателями и что их ждет за измену Родине и казнь своих товарищей. Поэтому приказываю немедленно расстрелять их перед строем полка или дивизии, а командирам частей и политработникам объявить мой приказ всему личному составу корпуса. Командующему 6-й армией Музыченко я доложу об этом чрезвычайном происшествии и принятых мерах лично.

В тот же день приказ Власова был выполнен и доведен до сведения личного состава всех частей и подразделений 4-го мк. Боевая обстановка не позволила собрать вместе все части корпуса или хотя бы дивизии, поэтому красноармейцев, предавших свою Родину и своих товарищей, расстреляли перед строем 32-го мсп.

А в ходе допроса в штабе корпуса пленных бандеровцев и особенно их командира Артема Волкового выяснились интересные обстоятельства. Оказывается, еще задолго до нападения фашистской Германии на Советский Союз подразделения абвера (абверштелле) занимались вербовкой и обучением агентуры из числа российских эмигрантов, которых после обучения забрасывали на советскую территорию для сбора разведывательных сведений и подрывной работы среди населения. Для подготовки таких кадров использовалась широкая сеть разведшкол, а также отдельные воинские формирования – так называемые легионы, сформированные при разведывательно-диверсионном соединении «Брандербург-800».

Создание в составе вермахта первых украинских частей стало плодом сотрудничества с германскими спецслужбами вождей образованной еще в 1929 году в эмиграции Организации украинских националистов (ОУН) во главе с Коновальцем, Бандерой и Мельником. А в 1933 году между руководителем германского отдела ОУН Ярым и главой штурмовых отрядов Германии Ремом было достигнуто соглашение, согласно которому боевикам ОУН предоставлялась возможность проходить военное обучение на немецких базах. В 1938 году в Германии были созданы тренировочные центры для украинских эмигрантов с целью подготовки «5-й колонны» на случай войны против Польши и Советского Союза, а в составе полка особого назначения «Брандербург-800» была сформирована украинская рота. В марте 1941 года на переговорах лидеров ОУН с представителями абвера было достигнуто соглашение о формировании для участия в войне против СССР «Дружин украинских националистов» (ДУН), составляющих Украинский легион вермахта. Главное условие украинской стороны на этих переговорах было декларирование целей борьбы легиона – «за независимое единое украинское государство», подчиненное в политическом отношении ОУН. Боевое применение легиона предполагалось использовать только на восточном фронте. Но, как впоследствии оказалось, это соглашение было принято без санкции германского политического руководства, а следовательно,

и без каких бы то ни было гарантий на будущее. Тем не менее согласно замыслу ОУН, один из отрядов Украинского легиона должен был вступить в Киев вместе с германскими войсками и обеспечить провозглашение независимой Украины. В начале апреля 1941 года в лагерях на юге Польши были собраны первые группы добровольцев из числа военнопленных украинцев – солдат и офицеров, ранее служивших в бывшей польской армии, которых направили для военного обучения на учебный полигон «Нойхаммер», расположенный в Силезии. Здесь был сформирован батальон, получивший условное название «Специальная группа нахтингаль», в количестве 300 человек (три роты). Командирами этого батальона были назначены немецкий обер-лейтенант Герцлер и украинский сотник Шухевич, а во главе рот и взводов были украинские командиры, при которых находились немецкие офицеры связи и инструктора. Командиром одной из рот этого батальона и был украинец, уроженец города Львова, сотник бывшей польской армии Артем Волковый, который одним из первых вступил в ДУН. После принятия 18 июня 1941 года присяги на верность независимому украинскому государству этот батальон был отправлен в действующую немецкую армию и, будучи приданным вместе с первым батальоном полка спецназначения «Брандербург 800» первой немецкой горнострелковой дивизии, с первых дней войны принимал активное участие в боевых действиях против войск Красной армии. А ночью с 28 на 29 июня 1941 года рота украинских националистов под командованием Артема Волкового вместе с немецкими диверсантами просочилась в город Львов, где вела бои с нашими отступающими войсками.

После короткого допроса бандеровцев в штабе 4-го мк, на котором присутствовали Власов и Деменев, пленных отправили в штаб 6-й армии, и дальнейшая их судьба Деменеву неизвестна.

А в это время безуспешно продолжали вести тяжелые оборонительные бои с гитлеровцами войска всего ЮЗФ, в том числе и 6-й армии. К концу дня 30 июня 1941 года противник полностью овладел городом Львовом и продолжил развивать свое наступление на восток, в результате чего создалась реальная угроза полного

окружения наших войск не только в районе города Львова, но и всего ЮЗФ. Чтобы не допустить этого, Генеральный штаб с накопец-то полученной санкции Ставки разрешил отвести войска ЮЗФ из этих районов на «линию Сталина». В связи с этим 30 июня 1941 года Кирпонос отдал приказ на отвод войск ЮЗФ на линию УРов, расположенных на старой западной границе СССР. Согласно этому приказу войска 5-й и 12-й армий должны были начать отход в ночь на 1 июля, а 6-й и 26-й армий – в ночь на 2 июля 1941 года и к 9 июля 1941 года отойти на «линию Сталина», где занять прочную оборону и остановить врага. Во исполнение приказа командующего фронтом командарм Музыченко отдал свой приказ на отвод войск 6-й армии, которые со сдерживающими боями должны были отступить на рубеж старой западной границы и занять оборону в Изяславском и Староконстантиновском УРах. Но из-за полностью разрушенной системы связи приказы Кирпоноса и Музыченко на отступление поступили в войска с большим опозданием, а до некоторых частей и вовсе не дошли. Комкор Власов только в 12 часов дня 2 июля 1941 года получил такой приказ. В результате чего вместо своевременного отхода многие соединения ЮЗФ, в том числе 6-й армии и 4-го мк, продолжали вести бессмысленные кровопролитные бои, теряя при этом большое количество людей и техники.

Так начался первый с начала Великой Отечественной войны санкционированный Ставкой Главного Командования организованный отвод войск ЮЗФ на заранее определенные рубежи. Но сделать это было уже не просто. Противник по пятам преследовал наши отступающие войска, и им пришлось отходить с кровопролитными боями. Но, несмотря на это, уже 5 июля 1941 года все войска ЮЗФ, в том числе 6-й армии и 4-го мк, вышли в районы, указанные командующим фронтом, и заняли там оборону с надеждой, что, опираясь на оборонительные укрепления «линии Сталина», они смогут остановить гитлеровские полчища и переломить ход боевых действий в свою пользу. Но время было упущено, и сбыться этим надеждам было не суждено. Как и предполагал Власов накануне войны, на разукрепленных оборонительных сооружениях «линии

Сталина» командованию ЮЗФ не удалось своевременно организовать достойную оборону, и нашим войскам с кровопролитными боями, с большими потерями и с болью в сердце пришлось отступать и дальше в глубь страны, оставляя врагу свою родную землю. Полковнику Деменеву оставлять эту землю и города, политые его кровью, которые он еще в Первую мировую войну под командованием генерала П.Н. Краснова освобождал от немцев и австро-венгров, а в Гражданскую в составе 1-й Конной армии С.М. Буденного – от белоказаков и белогвардейцев, было больно вдвойне. Потому что здесь оставались могилы его товарищей, погибших в тех далеких войнах и в начале Великой Отечественной. Здесь оставались на растерзание врагу и советские люди, которых не смогла защитить Красная армия. Но все это произойдет несколько позже. А пока, несмотря на значительную разукomплектованность боевых укреплений на старой западной границе, куда к этому времени частично были подтянуты резервные и вновь сформированные воинские соединения, советским войскам все-таки удалось хоть и на короткое время, но остановить здесь агрессора.

Воспользовавшись небольшой передышкой, штаб ЮЗФ подвел итоги двухнедельных кровопролитных боев с начала войны, которые оказались неутешительными. За это время фронт потерял убитыми и ранеными более 230 тысяч человек личного состава, 4380 танков, 1218 самолетов, 5800 орудий и минометов и около 170 тысяч единиц стрелкового оружия.

В ходе этой передышки была проведена и частичная рокировка командных кадров в штабе и в войсках ЮЗФ, принявших первый удар агрессора и отступивших на рубежи старой границы. Был освобожден от занимаемой должности начальник штаба ЮЗФ генерал-лейтенант М.А. Пуркаев, вместо которого на эту должность назначили генерал-майора В.И. Тупикова. Получил повышение по службе командир 4-го механизированного корпуса 6-й армии генерал-майор А.А. Власов, которого назначили командующим вновь сформированной 37-й армии и одновременно военным комендантом города Киева. Уходя на новую должность, Власов взял с собой нескольких офицеров штаба 4-го мк, в том числе и полковника

Г.В. Деменева, которого назначили на должность заместителя начальника штаба армии. На 37-ю армию была возложена защита Киевского укрепленного района (КиУРа) и города Киева.

В первой декаде августа 1941 года противник сосредоточил значительные силы 6-й полевой армии генерал-фельдмаршала фон Рейхенау против КиУРа с целью захвата города Киева, к которому вражеские войска приблизились на расстояние от 15 до 20 километров и даже окружили несколько дотов КиУРа. Для отражения наступления немецких войск на Киев в ночь на 7 августа 1941 года сюда была переброшена 5-я воздушно-десантная бригада под командованием полковника А.И. Родимцева, которой удалось на какое-то время остановить наступление врага. Но десантники не имели тяжелого оружия – танков и артиллерии, поэтому долго противостоять немецкой моторизованной пехоте они не могли. Чтобы избежать катастрофического развития событий под Киевом, советскому командованию пришлось ввести в состав войск 37-й армии вновь сформированные 284-ю и 295-ю стрелковые дивизии, которые были направлены на помощь 5-й воздушно-десантной бригаде. Прибытие этих дивизий позволило 11 августа 1941 года провести успешную контратаку в районе н.п. Мышеловка и к 14-му августа 1941 года освободить несколько занятых гитлеровцами населенных пунктов, а также деблокировать доты КиУРА, которые в течение недели вели бои в кольце вражеского окружения. А к 16-му августа 1941 года обстановку под Киевом удалось полностью стабилизировать.

Но на других участках Юго-Западного и Южного фронтов обстановка складывалась намного хуже, чем под Киевом. Гитлеровцам удалось отеснить наши войска на восточный (левый) берег Днепра, где они заняли оборону. В результате фронт временно стабилизировался на рубеже от Гомеля до Днепра и далее по Днепру через Киев до Херсона.

Глава 3. Киевский котел

Неизвестно, чем бы закончилось это противостояние. Возможно, войскам Южного и Юго-Западного фронтов и удалось бы на этом рубеже не только остановить наступление войск вермахта, но и заставить их повернуть вспять, если бы на других фронтах немецкое наступление развивалось по плану «Барбаросса» (так немцы называли свой план молниеносной войны против Советского Союза). Но в результате ожесточенного сопротивления наших войск к намеченному Гитлером сроку план «Барбаросса» не был выполнен. К этому времени советские войска не только не были уничтожены, а наоборот, их сопротивление на всех фронтах и направлениях с каждым днем возрастало. В результате чего война могла превратиться из молниеносной в затяжную, что для Гитлера было смерти подобно. Поэтому, чтобы переломить ход боевых действий и успешно продолжить войну, ему нужны были дополнительные силы и ресурсы, которых у него не было, но которые можно было добыть путем захвата промышленных, угольных и продовольственных районов на Украине, чтобы тем самым лишить СССР в этом регионе предприятий, сырья и продовольствия, а также блокировать пути подвоза нефти с Кавказа для нужд Советской армии. Кроме того, Гитлеру необходимо было захватить Крым, чтобы получить возможность подвоза нефти из Румынии для нужд войск вермахта. А затем, после захвата Украины и Крыма, освободившиеся войска группы армий «Юг» генерал-фельдмаршала фон Рундштедта, совместно с войсками групп армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Бока и «Север» генерал-фельдмаршала фон Лееба, бросить на Москву. Но для осуществления этого плана и продолжения наступления немецких войск на Украину мешала дислоцировавшаяся на территории Черниговской области между немецкими группами армий «Юг» и «Центр» советская 5-я армия ЮЗФ под командованием генерал-майора танковых войск М.И. Потапова, которая находилась на левом фланге

немецкой 6-й армии генерал-фельдмаршала фон Рейхенау и наносила ей очень большие потери. Поэтому немецкому командованию необходимо было как можно быстрее избавиться от этой армии. Но сил для выполнения этой задачи у группы армий «Юг» не хватало. И тогда Гитлер решил временно приостановить наступление группы армий «Центр» на Москву и часть войск этой группы повернуть на Украину, чтобы совместно с войсками группы армий «Юг» уничтожить 5-ю армию. Но советское командование своевременно разгадало план Гитлера и, чтобы спасти 5-ю армию, приняло решение отвести ее на восточный левый берег Днепра и занять там прочную оборону. На основании этого решения командующий ЮЗФ генерал-полковник М.П. Кирпонос 19 августа 1941 года отдал Потапову соответствующий приказ, предписывающий всем соединениям 5-й армии, кроме 27-го ск, начать отступление вечером 19 августа, а войскам 27-го ск – вечером 22 августа 1941 года. Выполняя этот приказ, ночью 19 августа 1941 года 5-я армия в обстановке строгой секретности от противника начала отход к Днепру, в результате чего правый фланг 27-го ск, оставшегося на прежних позициях, оголился. Воспользовавшись этим, немцы перегруппировали свои силы и утром 22 августа 1941 года нанесли удар по оголившемуся флангу 27-го ск. В образовавшийся разрыв между этим корпусом и остальными соединениями 5-й армии, уже покинувшими свои позиции, гитлеровцы ввели моторизованные части и начали преследование отступающих войск 5-й армии, которые 23 августа 1941 года достигли Днепра и по автомобильному мосту у села Окуниново переправились на его левый берег. Но взорвать Окуниновский мост нашим отступающим войскам, несмотря на то, что он был заминирован, не удалось. Подвела инструкция, согласно которой электродетонаторы на этом мосту не были вставлены в заряды, а висели рядом с ними. И для того чтобы взорвать мост, необходимо было эти электродетонаторы вставить в заряды. Но сделать это после перехода войск 5-й армии на восточный берег Днепра на трехкилометровом мосту под ураганным огнем противника было уже практически невозможно. К тому же немцам удалось сразу же после захвата моста

обнаружить и перерезать электрический кабель, подведенный к взрывателям. Поэтому если бы нашим отступающим войскам каким-то чудом и удалось вставить электродетонаторы в заряды, то взорвать мост им все равно не удалось бы. Такое требование инструкции и привело к тому, что Окуниновский мост достался немцам в полной исправности. Но кроме этих причин успешному захвату этого моста войсками вермахта и недопущению его уничтожения нашими отступающими войсками способствовало и еще одно немаловажное и, возможно, даже главное обстоятельство. Здесь, как и на многих других мостах при их захвате, немцы использовали спецназ из учебного полка 800, или, как его еще называли, «Брандербург-800», в котором служили казаки и белогвардейцы, эмигрировавшие за границу после Гражданской войны в России; солдаты и офицеры Красной армии, попавшие в плен в Финскую и в начале Великой Отечественной войн, а также гражданские лица, недовольные советской властью, проживающие на оккупированных немцами территориях СССР. Этих спецназовцев немцы одевали в форму военнослужащих Красной армии и использовали для войсковой разведки и диверсий в тылу советских войск, а также для уничтожения и захвата мостов и других важных объектов. Если немцам нужно было взорвать мост, чтобы помешать отступлению наших войск, то спецназовцев направляли на мост под видом разрозненных отступающих советских частей, которые уничтожали охрану и взрывали мост. А если нужно было сохранить мост и не допустить его взрыва отступающими советскими войсками, то они пристраивались в хвост колонны наших отступающих частей и вместе с ними шли по мосту. Достигнув противоположного берега реки, они уничтожали охрану, разминировали мост и держали оборону до перехода через мост немецких войск, идущих следом за спецназовцами. Такой метод гитлеровцы использовали и при захвате Окуниновского моста. Но этого тогда в войсках ЮЗФ еще не знали. Узнали об этом только спустя несколько дней от случайно попавшего к нам в плен спецназовца, принимавшего участие в захвате этого моста.

Захватив Окуниновский мост, войска вермахта незначительными силами 111-й пехотной дивизии под командованием генерала

инфантерии Отто Штапфа и 11-й танковой дивизии под командованием генерал-лейтенанта Гюнтера Ангерна 6-й полевой армии переправились по нему на левый берег Днепра и создали там свой плацдарм – первый и пока единственный плацдарм на 1000-километровом рубеже Южного и Юго-Западного фронтов от н.п. Лоев до впадения Днепра в Черное море.

По мнению Ставки ВГК и Генерального штаба Красной армии, случилось это из-за ошибок, допущенных командующим 37-й армией Власовым, на участке обороны которого немцы захватили Окуниновский мост, за что Власову несправедливо грозил военный трибунал. А несправедливость обвинения Власова заключалась в том, что Окуниновский мост в период отступления войск 5-й армии на левый берег Днепра находился в полосе ответственности 27-го ск генерал-майора П.Д. Артеменко, подчинявшегося 5-й армии. На 37-ю армию Ставкой ВГК была возложена оборона города Киева и КиУРа, которую она в невероятно трудных условиях успешно держала в течение полутора месяцев и никакого отношения к Окуниновскому мосту не имела. И только когда с 24 часов 21 августа 1941 года в ее состав включили 27-й ск, то на командующего 37-й армией автоматически легла задача оборонять этот мост. Но за полтора дня Власов просто физически не мог перегруппировать войска своей армии и организовать достойную оборону Окуниновского моста на Днепре, а затем и его уничтожение. К тому же выполнению этой задачи Власову мешали войска 5-й армии, которые в это время отступали по этому мосту на левый берег Днепра, и вся территория, прилегающая к нему, на несколько километров была занята войсками этой армии. Но, несмотря на эти и другие обстоятельства, ГШ и Ставка ВГК в захвате гитлеровцами Окуниновского моста обвинили Власова. И только благодаря своевременному вмешательству главкома Юго-Западного направления (ЮЗН) маршала Советского Союза С.М. Буденного, позвонившего по просьбе Деменева Верховному главнокомандующему И.В. Сталину, с которым он еще со времен Гражданской войны находился в дружеских отношениях, и сумевшего убедить его в невинности командующего 37-й армией,

все обвинения с Власова были сняты, и он избежал военного трибунала. Но вопрос о ликвидации Окуниновского моста на Днепре остался открытым. Ставка ВГК и ГШ требовали от главкома ЮЗН и командующего ЮЗФ немедленно уничтожить этот мост и ликвидировать плацдарм, созданный немцами на левом берегу Днепра в районе села Окуниново.

Во исполнение этого требования Кирпонос направил из Киева в район села Окуниново корабли Пинской флотилии и авиацию, которым удалось поджечь и разрушить Окуниновский мост, не дав всей немецкой группировке переправиться на восточный берег Днепра, в результате чего она оказалась разделена на две группы. Одна из этих групп, состоящая из мотопехоты, легких танков и артиллерии, успевшая до разрушения моста переправиться на восточный берег Днепра, без всякой передышки продолжила наступление в направлении города Остера, чтобы захватить мост на реке Десна, и продвинулась от Днепра на восток на 30 километров. Но из-за отсутствия переправы через Днепр она не была поддержана тяжелой артиллерией и танками и, встретив упорное сопротивление наших войск, вынуждена была прекратить наступление и занять оборону. А другая, танковая, группа, которая не успела переправиться по Окуниновскому мосту на восточный берег Днепра до его ликвидации, бездействовала на его западном берегу.

После уничтожения Окуниновского моста Кирпонос приказал командующим 5-й армии генерал-майору М.И. Потапову и 37-й армии генерал-майору А.А. Власову ликвидировать захваченный немцами Окуниновский плацдарм. Для выполнения этого приказа Потапов бросил в бой 22-й мк генерал-майора И.А. Усенко, а Власов – 27-й ск генерал-майора П.Д. Артеменко, а также один полк и пять рот воздушно-десантных войск. В течение двух суток войска 22 мк вели ожесточенные бои с фашистами с северной стороны Окуниновского плацдарма, а ВДВ и войска 27-го ск – с южной его стороны. Но особенно упорные бои шли в районе сел Окуниново и Волчы Горы, где гитлеровцы оказались зажаты на сравнительно узкой полосе между войсками 22-го механизированного и 27-го стрелкового корпусов, наступающих одновременно с севера и юга.

Полоса, занимаемая немецкими войсками, была настолько узка, что даже снаряды легкой артиллерии простреливали ее на всю ширину. Казалось, что с минуты на минуту немцы не выдержат натиска наших войск и отступят, а наши корпуса соединятся. Но войска вермахта так крепко держались за этот сравнительно небольшой клочок земли и так упорно его обороняли, что, несмотря на все усилия наших войск, им не удалось сломить сопротивление врага и достичь намеченной цели. Поэтому с наступлением сумерек 25 августа 1941 года командармы Потапов и Власов решили прекратить боевые действия наших войск в этом районе, чтобы дать им возможность немного отдохнуть и более основательно подготовиться к предстоящему наступлению, которое должно было возобновиться на второй день утром. Об этом командирам корпусов Артеменко и Усенко были отданы соответствующие приказы.

Получив передышку, немцы тоже использовали эту ночь для решения своих задач. Как выяснила наша армейская разведка, они открыто, без всякой маскировки всю ночь активно вели перегруппировку войск и наращивали свою огневую мощь в этом районе. И только под утро прекратилась возня в стане врага, что дало основание нашему командованию предположить, что немцы закончили подготовку своих войск к предстоящему отражению наших атак и теперь отдыхают.

А на рассвете 26 августа 1941 года утреннюю тишину нарушила канонада войск 27-го ск, которые открыли артиллерийско-минометный огонь по врагу. Сразу же после первых выстрелов войск 27-го ск такой же огонь по врагу открыли и войска 22-го мк. В течение сорока минут войска обоих корпусов вели интенсивный обстрел вражеских позиций. После чего, как и было приказано накануне, они пошли в атаку. Но на тех позициях, где вчера немцы оказывали нашим войскам ожесточенное сопротивление, не прозвучало ни одного выстрела. Такое положение давало основание предполагать, что немцы оставили старые позиции и отвели свои войска на новые, более укрепленные. Но этих новых позиций почему-то все не было и не было. И наши войска, не встречая никакого сопротивления, беспрепятственно продвигались вперед.

По их предположению, они уже дошли до середины вражеской полосы, а немцы все молчат и молчат. Такое положение командование обоих наших корпусов обосновывало тем, что немцы нарочно так сильно сузили занимаемую ими полосу для того, чтобы лишить возможности нашим войскам применить артиллерию, так как в противном случае они могли бы накрыть артиллерийским огнем войска другого своего корпуса, наступающего с противоположной стороны немецких войск.

Но наконец-то впереди войск обоих наших корпусов показались вражеская пехота, которая почему-то встречала наши войска не на новых, хорошо подготовленных позициях, а на марше на открытой местности, ведя интенсивный огонь только из стрелкового оружия. Такое поведение противника немного озадачило командование наших корпусов, которое решило использовать оплошность гитлеровцев в своих целях и дало команду своим войскам усилить обстрел противника и ускорить темп наступления, а если противник не остановится и не повернет назад, то вступить с ним в рукопашную схватку. Но когда до вражеской цепи осталось несколько сот метров, то войска обоих наших корпусов в бинокли увидели, что обе цепи, наступающие навстречу друг другу, идут не под флагами с фашистской свастикой, а под красными знаменами. А когда обе цепи еще больше сблизились, то оказалось, что и форма одежды у солдат одинаковая – советская. Но и это не остановило интенсивный обстрел и сближение идущих навстречу друг другу войск. И та, и другая сторона решили, что немцы нарочно переодели своих солдат в форму красноармейцев и взяли красные знамена для того, чтобы ввести в заблуждение наши войска, а затем, воспользовавшись их замешательством, использовать обстановку в своих целях. Поэтому войскам обоих корпусов был отдан приказ не поддаваться на провокацию, а еще более активно продолжать наступление. И только когда обе наступающие друг на друга группировки войск сблизились настолько, что слышно стало русское «Ура!», обе цепи засомневались, что перед ними реальный враг. Поэтому они одновременно прекратили стрельбу и стали выяснять, кто же на самом деле находится перед ними.

В ходе переговоров выяснилось, что войска, идущие на встречу друг другу, – это наши войска 22-го механизированного и 27-го стрелкового корпусов, которые, из-за отсутствия единого командования и взаимодействия между ними, решили, что перед ними находится реальный противник, и постарались нанести ему как можно больший урон, что они успешно и сделали.

А куда же девались немецкие войска? Почему их не оказалось в этом районе? Оказывается, командир 111-й пехотной дивизии генерал инфантерии Штапф, который с первого дня захвата Окуниновского плацдарма был назначен командующим всей группировкой немецких войск, сосредоточенных на этом плацдарме, понял, что эту узкую полосу земли имеющимися в его распоряжении силами не удержать. Поэтому, чтобы избежать бессмысленных потерь своих войск, он в ночь с 25 на 26 августа 1941 года, под видом перегруппировки и наращивания огневой мощи, вывел их из этого района и отвел обратно к Днепру, на левом берегу которого занял оборону. Таким образом, он не только спас свои войска от неминуемой гибели, но и «столкнул лбами» войска 22-го механизированного и 27-го стрелкового корпусов, которые в ходе 40-минутного артиллерийского и минометного обстрела несуществующего противника израсходовали весь запас снарядов, а среди личного состава, особенно в тот период, когда они шли в атаку друг на друга, были допущены большие потери.

Но, несмотря на этот печальный инцидент, войскам 22-го механизированного и 27-го стрелкового корпусов в ходе двухдневного боя все-таки удалось вынудить противника покинуть села Окуниново и Волчы Горы и отступить к Днепру. Но полностью ликвидировать захваченный немцами Окуниновский плацдарм на восточном берегу Днепра и выдворить неприятеля на западный берег этой реки нашим войскам не удалось. И не потому, что недостаточно было сил. Наоборот. По численности личного состава и техники группировка наших войск, брошенная на ликвидацию этого плацдарма, в то время даже превосходила немецкую. Но у этих сил не было единого командования. Поэтому каждый командир этой группы войск выполнял приказы только своего непосредственного

командования, находящегося далеко от места боевых действий и не знающего общей картины боя. А это приводило к несогласованности между соединениями, участвующими в боях на Окуниновском плацдарме, к перемешиванию наших войск на поле боя, а также вносило неразбериху и хаос в управление войсками, а иногда, как это произошло в районе сел Окуниново и Волчьи Горы, и к боевому столкновению между ними. Кроме того, такая несогласованность между нашими войсками приводила к большой потере личного состава и боевой техники, что было на руку противнику.

Чтобы не допустить дальнейшего расширения Окуниновского плацдарма, а затем и ликвидировать его, Власов предложил командующему ЮЗФ Кирпоносу всю окуниновскую группу советских войск подчинить одному командиру или назначить отдельного командующего всеми войсками, сосредоточенными на этом плацдарме. Потому что, по его мнению, только при таком условии можно добиться успеха в этом районе. Но Кирпонос не поддержал предложение Власова, и окуниновская группа наших войск по-прежнему продолжала вести безуспешные бои с противником разрозненными группами, не имеющими взаимодействия между собой, и без единого командования. Такое положение не замедлило отрицательно отразиться на боевых действиях наших войск в этом районе. В то время, пока наши разрозненные части топтались на одном месте, немцам, несмотря на интенсивную бомбардировку нашей авиацией Днепра, удалось переправить на его восточный берег дополнительные пехотные и моторизованные части и в течение двухдневного боя вернуть оставленные ранее позиции. А 29 августа 1941 года, сломив сопротивление войск 22-го механизированного и 27-го стрелкового корпусов, которые вели в районе сел Окуниново и Волчьи Горы ожесточенные бои, немцы отбросили их в район н.п. Ошитки. В результате наши войска не только не выполнили приказ Кирпоноса о ликвидации Окуниновского плацдарма, но и допустили его расширение немецкими войсками в южном направлении. Сложившаяся обстановка в районе села Окуниново беспокоила не только командующего ЮЗФ Кирпоноса и главкома ЮЗН Буденного, но и Генштаб и

Ставку ВГК. Необходимо было принимать срочные меры для ликвидации Окуниновского плацдарма, занятого врагом. Поэтому решено было провести Военный Совет ЮЗФ в Киеве в штабе 37-й армии, на котором присутствовали не только командующие 5-й и 37-й армий, члены Военного Совета ЮЗФ и его командующий Кирпонос, но и главком ЮЗН С.М. Буденный и представитель Ставки ВГК начальник Главного политического управления Красной армии армейский комиссар первого ранга Л.З. Мехлис. Первым на этом Совете выступил Мехлис, который довел до сведения присутствующих обеспокоенность ГШ и СВГК в связи с захватом войсками вермахта Окуниновского плацдарма. Он потребовал от командования ЮЗФ и ЮЗН немедленно ликвидировать этот плацдарм. После выступления Мехлиса был заслушан командующий 5-й армией Потапов, который доложил Военному Совету обстановку, создавшуюся на Окуниновском плацдарме, и предложил направить в этот район дополнительное количество войск. После Потапова был заслушан командующий 37-й армией Власов, который поддержал предложение Потапова о вводе в этот район дополнительного количества войск и предложил все соединения, сражающиеся на Окуниновском плацдарме, немедленно подчинить единому командованию. А также сказал:

– Я не могу и не буду спокойно смотреть на то, как по вине вышестоящего командования ежедневно бессмысленно гибнут тысячи наших воинов. Поэтому, если такого подчинения в ближайшее время не произойдет, то пусть меня снимут с должности командарма или даже расстреляют, но я сниму все войска 37-й армии с Окуниновского плацдарма и направлю их на оборону Киева, который мне Ставкой ВГК и ГШ поручено защищать.

Мехлис возмутился таким дерзким выступлением Власова и потребовал немедленно снять его с должности командарма и отправить в трибунал. Но Буденный предложил другой вариант:

– Я считаю, – сказал он, – что мнение Власова правильное. И раз он внес такое предложение, то нужно дать ему возможность осуществить его. Поэтому предлагаю всю окуниновскую группировку советских войск передать в его подчинение, и пусть

он ликвидирует этот плацдарм. А если он с этой задачей не справится, вот тогда мы его и отправим в трибунал.

Все члены Военного совета, в том числе и Мехлис, согласились с предложением Буденного. И 30 августа 1941 года все советские войска окуниновской группы Кирпонос передал в подчинение Власову. А чтобы не допустить развития наступления войск вермахта из Окуниновского плацдарма к реке Десне и для обороны ее восточного берега, на этом Военном Совете было решено в районе города Остера создать остерский отряд и подчинить его 37-й армии. Кроме того, из 5-й армии были взяты еще две стрелковые и одна горнострелковая дивизии и переданы в 37-ю армию, на которую полностью была возложена задача ликвидировать захваченный немцами Окуниновский плацдарм и не допустить противника к реке Десне и городу Остеру. Но, как впоследствии оказалось, такое грамотное решение нашего командования было принято с большим опозданием. Несмотря на значительное количество советских войск, сконцентрированных в этом районе и наконец-то подчиненных единому командованию, выполнить поставленную задачу по ликвидации этого плацдарма нашим войскам не удалось – не хватило времени.

После уничтожения нашими кораблями и самолетами окуниновского моста немецкие войска, сосредоточенные на Окуниновском плацдарме, лишились поддержки тяжелой артиллерии и танков, и под натиском войск 5-й и 37-й армий в любую минуту могли быть сброшены в Днепр, в результате чего немецкое командование лишилось бы этого стратегически важного плацдарма. Чтобы не допустить этого, гитлеровцы активно пытались навести понтонную переправу через Днепр в районе н.п. Сухолучье, расположенного недалеко от села Окуниново. Но наши канонерские лодки Пинской флотилии, сосредоточенные в этом районе, при поддержке авиации, огнем из своих пушек не давали противнику возможности сделать это. Поэтому 29 августа 1941 года на западном берегу Днепра в районе н.п. Домантово немцы сосредоточили большую группу своих танков, которые огнем из пушек только за один день уничтожили пять наших кораблей. Чтобы не допустить гибели

всех кораблей, Кирпонос отдал приказ на прорыв уцелевших кораблей этой флотилии к Киеву. Власову и Потапову он приказал силами войск 5-й и 37-й армий в пределах своих границ подавить огневые точки противника и обеспечить прохождение наших кораблей по Днепру. Но немецкая тяжелая артиллерия, расположенная на западном берегу Днепра, открыла интенсивный огонь по нашим войскам, находящимся на восточном берегу этой реки, и не дала им возможности защитить наши корабли от огня немецких танков и артиллерии. В результате 30 августа 1941 года еще пять кораблей этой флотилии были уничтожены огнем противника, и в Киев прорвались только четыре катера из четырнадцати. Уничтожение кораблей Пинской флотилии на Днепре в районе Окуниновского плацдарма устранило гитлеровцам основное препятствие для наведения в этом районе понтонной переправы, и они незамедлительно предприняли такую попытку. Но наша авиация помешала им это сделать и уничтожила больше половины переправочного материала. В это же время в районе н.п. Домантово немцы попытались форсировать Днепр на надувных и штурмовых лодках и навести там понтонную переправу. Но войска 5-й армии отбили все атаки немецких войск в этом районе и не дали им возможности навести переправу. А впоследствии оказалось, что это был обманный маневр. Немцы создали только видимость форсирования Днепра в районе Домантово. И сделали они это для того, чтобы отвлечь значительную часть советских войск от Окуниновского плацдарма и тем самым оказать существенную помощь войскам 6-й немецкой армии, ведущим бои в этом районе по вскрытию и расширению этого плацдарма. Но об этом в штабе ЮЗФ тогда не было известно. И чтобы не дать возможности противнику форсировать Днепр в районе н.п. Домантово, где на его западном берегу немцы сосредоточили пять пехотных дивизий, готовых в любую минуту повторить форсирование реки, почти половину войск 5-й армии пришлось сосредоточить в этом районе. В то же время четвертая часть войск этой армии вынуждена была отражать яростные атаки пехотных дивизий 2-й немецкой армии генерал-фельдмаршала фон Вейхса группы армий «Центр» под городом Черниговом. И только

оставшуюся четвертую часть своих войск 5-я армия использовала на Окуниновском плацдарме. Все это привело к тому, что 5-я армия оказалась растянута на 300-километровом рубеже ЮЗФ и практически нигде не могла оказать существенного сопротивления противнику.

31 августа 1941 года рядом с разрушенным окуниновским мостом, несмотря на интенсивную бомбардировку нашей авиации, немцы навели понтонный мост, по которому 1 сентября 1941 года на восточный берег Днепра начали переброску пехотных и моторизованных войск вермахта, которые на рассвете 2 сентября 1941 года с ходу пошли в атаку и, сломив сопротивление наших войск, в течение дня заняли ряд населенных пунктов и продолжили развивать свое наступление в направлении реки Десны.

Бой на Окуниновском плацдарме носил упорный характер с обеих сторон и на обоих берегах Днепра. Здесь впервые с начала ВОВ были применены советские истребители с реактивными снарядами, которые наносили противнику более значительный урон, чем бомбардировщики с обычными бомбами. Наверное, поэтому немцы и назвали их «адскими тварями».

В боях за Окуниновский плацдарм наши войска ощутили на себе и новое по тем временам немецкое оружие системы залпового огня – шестиствольные реактивные минометы (аналогичные нашим «катюшам»), которые немцы называли «небельверферами». Нашими солдатами этот немецкий миномет был назван «ванюшей». А за его характерный звук, издаваемый при стрельбе, похожий на крик ишака, его еще прозвали и «ишаком».

Почти одновременно с Окуниновским плацдармом, только на одни сутки позже, немцы захватили на восточном берегу Днепра плацдарм в районе города Черкассы, где создали видимость нанесения главного удара по нашим войскам, для того чтобы отвлечь их внимание от левого фланга 38-й армии ЮЗФ и создать в районе города Кременчуга основной плацдарм. Но об этом тогда командованию ЮЗФ тоже было неизвестно. Поэтому, чтобы не допустить расширения Черкасского плацдарма вражескими войсками, Кирпонос вынужден был сосредоточить в этом районе значительные силы

(несколько дивизий) 26-й армии. А в ночь с 30 на 31 августа 1941 года, в районе правобережного села Дериевка, гитлеровцы форсировали Днепр, на восточном берегу которого создали Кременчугский плацдарм. Завладев этим плацдармом, немцы в строгой секретности и в спешном порядке, под проливным дождем, всего за одни сутки 1 сентября 1941 года построили на Днепре в этом районе 16-тонный понтонный мост, пригодный для прохода всех родов войск, по которому начали переброску своих соединений на восточный берег Днепра и накапливать их на этом плацдарме.

Кроме Окуниновского, Черкасского и Кременчугского плацдармов, захваченных немцами в конце августа и начале сентября 1941 года, войска вермахта форсировали Днепр и захватили плацдарм в районе н.п. Салтыкова Девица, где тоже ударными темпами всего за одни сутки навели понтонную переправу, по которой перебросили на восточный берег Днепра свои войска. А у города Днепропетровска гитлеровцам удалось целым захватить автодорожный мост, пригодный для прохода всех родов войск. Этот мост, как и Окуниновский, наши отступающие войска взорвать не успели. Не смогли уничтожить его и после перехода наших войск на противоположный берег Днепра. В результате немцы беспрепятственно перебросили на его восточный берег необходимое количество своих войск и создали там Днепропетровский плацдарм.

Кроме плацдармов, захваченных войсками вермахта на восточном берегу Днепра, немцы захватили ряд плацдармов и на реке Десна. Но с какого именно плацдарма они начнут широкомасштабное наступление, командованию ЮЗФ тогда было неизвестно. Поэтому ему пришлось держать во всех этих районах значительное количество своих войск, чтобы не допустить вскрытия гитлеровцами этих плацдармов и их расширения в глубь нашей территории.

А тем временем немецкое командование в обстановке строгой секретности накапливало свои силы не на всех захваченных гитлеровцами плацдармах, а только на тех, с которых им наиболее выгодно было начать наступление.

4 сентября 1941 года немецкий 13-й армейский корпус 2-й полевой армии группы армий «Центр» в составе трех пехотных

дивизий начал наступление на правое крыло ЮЗФ с севера на рубеже от Днестра до реки Снов (приток Десны). Одна 134-я немецкая пехотная дивизия наступала на город Чернигов. Слева от нее наступала 260-я пд, а справа – 17-я пд, навстречу которой шла 98-я пд 6-й полевой армии группы армии «Юг», создавая своеобразный котел для 5-й армии ЮЗФ.

Учитывая создавшуюся обстановку, командующий 5-й армией генерал-майор М.И.Потапов понял, что, пока еще не поздно, нужно немедленно оставить город Чернигов, отвести войска 5-й армии на левый берег Десны и занять там оборону. Но Ставка ВГК не поддержала предложение Потапова и в категорической форме потребовала от него во что бы то ни стало удержать город Чернигов и не допустить немецкие войска к Десне. Но выполнить это требование Ставки войскам 5-й армии не удалось. Уже через сутки 5 сентября 1941 года немецкая 260-я пд не только достигла Десны, но и в районе населенных пунктов Вибли и Пески переправилась через нее и создала на ее южном берегу свой плацдарм, на который немецкое командование в спешном порядке начало переброску своих войск для дальнейшего наступления навстречу войскам 51-го немецкого армейского корпуса 6-й армии.

К этому времени Окуниновский плацдарм был уже полностью вскрыт войсками вермахта, и дивизии 2-й армии группы армий «Центр» с Виблинского плацдарма и 6-й армии группы армий «Юг» с Окуниновского плацдарма перешли к боям на окружение 5-й армии, которая вела бои в междуречье рек Днестра и Десны одновременно на два фронта – против дивизий 13-го и 51-го немецких пехотных корпусов.

Чтобы не допустить окружения 5-й армии и спасти ее от неминуемой гибели, Потапов вторично обратился к командующему ЮЗФ Кирпоносу с предложением незамедлительно отвести войска 5-й армии за Десну и занять там оборону, но снова получил категорический отказ. Вместо разрешения на отход 5-й армии Кирпонос приказа Потапову и Власову нанести удар одновременно по обоим флангам Окуниновской группировки войск вермахта, разгромить ее и отбросить за Днепр. Согласно этому приказу удар

по противнику с севера должна была наносить 5-я армия, а удар с юга 37-я армия. Но осуществить намеченный контрудар по врагу нашим войскам не удалось. 6 сентября 1941 года немцы продолжили успешное наступление на восток и, переправившись в районе н.п. Моровск через Десну, окончательно разорвали стык между 5-й и 37-й армиями. И только после этого Потапову разрешили в ночь на 7 сентября 1941 года отвести войска 5-й армии, но не за Десну, как предлагал Потапов, а на рубеж населенных пунктов Довжик–Мнево, и подготовиться к предстоящему контрнаступлению, назначенному на 8 сентября 1941 года. Но кроме одной 215-й мотострелковой дивизии под командованием полковника П.А. Барабанова, которая к этому времени сосредоточилась у н.п. Максим, остальные соединения 5-й армии своевременно занять исходные позиции не успели. В результате все пространство от н.п. Будищи до реки Десны оказалось не занятым советскими войсками. В эту брешь утром 7 сентября 1941 года и хлынули вражеские войска, которые глубоко продвинулись в северо-восточном направлении, вышли в тыл 31-му ск 5-й армии и заняли населенные пункты Смолин и Гнилуша, а в районе н.п. Максим подошли к переправе на реке Десне. 8 сентября 1941 года немецкие войска захватили город Чернигов. Все это создало реальную угрозу полного окружения 5-й армии. В сложившейся обстановке ее необходимо было немедленно отвести на левый берег Десны. С таким предложением Потапов вновь обратился к командующему ЮЗФ. Но и на этот раз Кирпонос не разрешил это сделать и подтвердил свой приказ о предстоящей контратаке. Выполняя приказ командующего фронтом, утром 8 сентября 1941 года войска 5-й и 37-й армий, не имея взаимодействия между собой, атаковали противника. Но все наши контратаки не увенчались успехом и были отбиты гитлеровцами с большими потерями среди наших войск. А два стрелковых корпуса 5-й армии – 15-й и 31-й – оказались в полном вражеском окружении, в тылу которых соединились немецкие войска 17-й пд 2-й полевой армии группы армий «Центр», наступавшие с севера, и 98-й пд 6-й полевой армии группы армий «Юг», наступавшие с юга. И только после этого по просьбе командующего ЮЗФ

Кирпоноса и главкома ЮЗН маршала Советского Союза С.М. Буденного Генеральный штаб и Ставка ВГК разрешили Потапову в ночь с 8 на 9 сентября 1941 года отвести войска 5-й армии за Десну. Но сделать это было уже намного сложнее, чем пару дней назад. Потому что к этому времени основная часть войск 5-й армии, расположенных в междуречье Днепра и Десны, оказалась во вражеском кольце окружения, вырываться из которого пришлось с ожесточенными боями, в невероятно трудных условиях и с огромными потерями личного состава и техники. Из двух стрелковых корпусов этой армии – 15-го и 31-го – только одной двухсотой дивизии 31 ск под командованием полковника И.И. Людникова, хоть и с очень большими потерями личного состава, но организованно, удалось прорваться к Десне и в ночь на 9-е сентября 1941 года переправиться на левый берег этой реки. Остальные соединения этих корпусов почти полностью были уничтожены. И только незначительному количеству личного состава, дезорганизованно, небольшими группами, оставив всю свою материальную часть, артиллерию и транспорт, к утру 10 сентября 1941 года удалось пробиться к Десне и под шквальным огнем войск вермахта вплавь добраться до ее восточного берега. Очень большие потери в эти дни понесли и другие соединения 5-й армии, и на восточный берег Десны переправились только ее штаб и незначительное количество войск. В ходе боев в этом районе 5-я армия потеряла более девяноста процентов личного состава. Из 70 тысяч человек уцелели и переправились через Десну немногим больше четырех тысяч бойцов и командиров. Остальные погибли в боях с фашистами или попали в плен. В результате по численности личного состава эта армия стала меньше одной дивизии и оказалась не способной самостоятельно выполнять боевые задачи. Таким образом, цель Гитлера была достигнута. Основные силы 5-й армии были практически уничтожены.

Но и на левом берегу Десны оставшихся в живых воинов 5-й армии ожидала смертельная опасность. К этому времени 2-я танковая группа из группы немецких армий «Центр» под командованием генерал-полковника Гудериана прорвала наш фронт на конопско-ромненском направлении. В результате остатки войск 5-й

армии снова оказались полностью отрезанными от остальных войск ЮЗФ и, лишившись снабжения – доставки боеприпасов, горючего и продовольствия, вынуждены были отходить на юг вдоль шоссе Чернигов–Киев, чтобы сомкнуть фланги с 37-й армией. Но, будучи сильно ослабленной, 5-я армия уже не смогла противостоять сильному натиску противника, и соединиться с 37-й армией ей так и не удалось. Не увенчалась успехом и попытка этой армии присоединиться к левому флангу 21-й армии, и она вынуждена была в одиночку продолжать отступать в направлении н.п. Лохвица.

В результате разгрома 5-й армии противник вышел в район н.п. Козелец и создал угрозу охвата правого фланга 37-й армии. Чтобы не допустить этого, Власов, несмотря на то, что против войск 37-й армии, расположенных в КиУРе, находились в готовности к наступлению шесть немецких пехотных дивизий, снял с позиций КиУРа 147-ю сд под командованием полковника К.И. Миронова и направил в район н.п. Козелец в помощь обороняющимся там войскам. Такая помощь позволила войскам 37-й армии в ходе упорных боев сдерживать наступление четырех пехотных дивизий вермахта и на рубеже населенных пунктов Козелец, Остер, Тарасовка остановить наступление врага. Но на рубеже обороны 21-й и 40-й армий обстановка продолжала ухудшаться. За 10 дней боев с 1 по 10 сентября 1941 года они потеряли почти половину своего боевого состава и уже не в состоянии были отражать атаки войск вермахта, наступающих с юга. В результате в районе населенных пунктов Ровчак и Малая Дерица немцы прорвали оборону на стыке этих армий и в образовавшийся между ними разрыв ввели свои механизированные и пехотные части. И так как на этом направлении, кроме небольших местных гарнизонов и истребительных батальонов, никаких других наших войск не было и оказать достойное сопротивление гитлеровцам было некому, они почти беспрепятственно стали продвигаться в южном направлении. Все это привело к тому, что нависла реальная угроза полного окружения уже всего ЮЗФ. А когда об этом стало известно в тыловых частях фронта, то среди них начались паника и хаос. Огромные обозы тыловых армейских и фронтовых учреждений и госпиталей на

автомашинах и конных повозках начали метаться в разные стороны – с юга на север и с севера на юг. А затем все устремились в район н.п. Пирятин. В результате здесь образовалась непроходимая пробка, ставшая хорошей мишенью для немецких бомбардировщиков. Создавшаяся обстановка осложнила маневренность боевых частей ЮЗФ и отрицательно отразилась на моральном духе личного состава. Чтобы избежать надвигающейся в этом районе катастрофы и спасти от неминуемой гибели войска целого фронта, командующий ЮЗФ Кирпонос и главком ЮЗН Буденный обратились в Генеральный штаб и Ставку ВГК с предложением оставить Киев и отвести войска ЮЗФ из Киевского выступа на другой рубеж. На что получили ответ: «Ни шагу назад. Все плацдармы, захваченные врагом на Днестре и Десне, ликвидировать силами ЮЗФ». А главкома ЮЗН маршала Советского Союза С.М. Буденного за то, что поддержал предложение Кирпоноса в этом вопросе, 11 сентября 1941 года отстранили от занимаемой должности и назначили командующим войсками резервного фронта с понижением в должности. Вместо Буденного главкомом ЮЗН 12 сентября 1941 года назначили маршала Советского Союза С.К. Тимошенко.

В помощь войскам ЮЗФ из резерва Ставки ВГК были направлены две танковые бригады и одна стрелковая дивизия, а с южного фронта – кавалерийский корпус под командованием генерал-майора П.А. Белова. Все эти соединения должны были прибыть к месту сосредоточения к 15 сентября 1941 года, но не успели.

В эти критические дни штабы всех уровней ЮЗФ, в том числе и 37-й армии, работали круглосуточно, без сна и отдыха, разрабатывая планы остановки наступления агрессора. Власов постоянно требовал от офицеров штаба армии ускорить разработку такого плана. Но сколько вариантов ему ни приносили на утверждение, ни один из них он не утвердил. Говорил, что это полная ерунда, и требовал разработки нового, более эффективного плана.

Однажды вечером, когда Деменев принес на согласование Власову очередной вариант разработанного штабом армии плана, то застал командарма сидящим за столом, на котором лежала развернутая карта боевых действий ЮЗФ. И после того, как Деменев

доложил Власову о цели своего визита, командарм попросил его сесть за стол, за которым сидел он сам, и, показывая на лежащую на столе карту, сказал:

– Посмотрите, Герасим Владимирович, что ждет в ближайшее время ЮЗФ, если его войска срочно не будут отведены с Киевского выступа на другой, более безопасный рубеж.

Посмотрев на карту, Деменев ужаснулся. На ней от Кременчугского плацдарма, захваченного немцами, с юга и от н.п. Шостка, расположенного восточнее города Чернигова, с севера шли жирные черные стрелы, которые соединялись в районе н.п. Ромны. Кроме этих двух стрел, на карте было еще несколько менее жирных стрел, идущих от других плацдармов, захваченных немцами на восточных берегах рек Днепра и Десны. Будучи опытным командиром и работником штаба, Деменев сразу понял назначение этих стрел. Они означали полное окружение 5-й, 21-й, 26-й и 37-й армий ЮЗФ.

– Это план наступления немецких войск, добытый нашей разведкой? – спросил Деменев, глядя на карту.

– Нет, – сказал Власов, – это мое предположение. Нужно быть крупным идиотом, чтобы не воспользоваться тем положением, в котором оказались войска ЮЗФ. И даже ежу понятно, что немцы обязательно воспользуются этим положением. Жаль только, что этого не понимают в Генштабе и Ставке ВГК и не принимают никаких мер для спасения целого фронта. Поэтому в ближайшее время нам предстоит вести бессмысленные кровопролитные бои в полном вражеском окружении. И чем они закончатся для войск ЮЗФ, никому неизвестно. Думаю, что немногим из нас удастся вырваться из этого котла, а большинство войск этих четырех армий сгорят в этом аду. Поэтому, Герасим Владимирович, нам нужно параллельно с разработкой плана отражения атак противника и возврата захваченных им плацдармов разработать план ведения боевых действий наших войск в условиях полного окружения, чтобы даже в таких условиях мы смогли нанести как можно больший урон противнику и, насколько это будет возможно, сохранить свои войска и вырваться из окружения с минимальными

потерями. Вот в этом направлении и с таким уклоном и разрабатывайте планы предстоящих боевых действий 37-й армии.

После этих слов Власов убрал со стола карту в сейф, поставил на стол бутылку коньяка и предложил Деменеву немного расслабиться. В откровенной беседе Власов, ссылаясь на уже приобретенный опыт боевых действий Красной армии с войсками вермахта, справедливо обвинял Генштаб и Ставку ВГК в неумении руководить войсками. Деменев вяло пытался возражать Власову. Но три прошедших месяца войны подтверждали правоту его пророческих слов. За это время Красной армией не было организовано ни одного достойного сопротивления врагу, и она постоянно пятилась назад в глубь страны, оставляя на растерзание врагу своих людей и землю. Вот и войска Брянского, Южного и Юго-Западного фронтов не только не смогли остановить немецко-фашистских захватчиков на новой и старой западных границах, но и допустили противника на восточный берег Днепра, поставив под угрозу уничтожения весь ЮЗФ. Немного захмелев, Деменев спросил у Власова, какое развитие дальнейших военных действий он видит в ближайшем будущем. На что Власов ответил:

— Если мы и дальше будем воевать так, как эти прошедшие три месяца, то войскам вермахта не составил большого труда оккупировать не только всю Украину, но и значительную часть России. Но победить Советский Союз Германия не сможет. Потому что молниеносную войну она уже проиграла, а затяжной ей не выдержать. На это у нее не хватит ни людских, ни экономических ресурсов. Поэтому с каждым днем войны ее войска будут все больше и больше выдыхаться, и наконец наступит время, когда они ослабеют до такой степени, что потеряют свою пробивную способность, и под ударами окрепшей и научившейся воевать Красной армии вынуждены будут повернуть вспять. Но когда это произойдет и как далеко войска вермахта смогут продвинуться в глубь нашей территории, одному Богу известно. Но в то, что это произойдет, я верю твердо. И для того чтобы приблизить этот перелом, в любых условиях, даже в полном окружении, мы должны бить

гитлеровцев, нанося им как можно больший урон, чтобы перемолоть их отборные войска и заставить вернуться в Германию.

Такая откровенная беседа Деменева с Власовым закончилась далеко за полночь.

А вскоре после этой ночной беседы предсказания Власова начали сбываться. В ночь на 11 сентября 1941 года на Кременчугском плацдарме дополнительно к уже существующей здесь группировке войск вермахта немецкое командование перебросило на восточный берег Днепра крупные соединения танковых и моторизованных войск (1-ю танковую группу и 17-ю полевую армию ГА «Юг»), которые 12 сентября 1941 года перешли в наступление и только за один день продвинулись в глубь нашей территории на 60 км и достигли населенных пунктов Семеновка, Оржица и Карпиха. Но и на этом рубеже нашим войскам не удалось остановить продвижение противника. И под натиском вражеских механизированных соединений войска ЮЗФ с кровопролитными боями вынуждены были продолжать отступать, теряя при этом большое количество людей и техники.

14 сентября 1941 года обстановка на ЮЗФ еще больше осложнилась. Вторая немецкая танковая группа ГА «Центр» под командованием генерал-полковника Гудериана, наступающая с севера, и первая танковая группа ГА «Юг» под командованием генерал-полковника фон Клейста, наступающая с юга, встретились. Но не в районе города Ромны, как предполагал Власов, а в районе н.п. Лохвица, расположенного в 50 километрах южнее Ромн. В результате большое кольцо окружения наших войск под Киевом, в котором оказалось около 50 дивизий ЮЗФ вместе с его штабами и Военным Советом, полностью замкнулось. Проводная связь между штабами ЮЗФ и ЮЗН прервалась. И только после этого, и то спустя двое суток, 16 сентября 1941 года Ставка ВГК приняла решение сдать Киев и отвести войска ЮЗФ из Киевского выступа на тыловой рубеж, о чем немедленно было сообщено главкому ЮЗН. Получив разрешение Ставки, маршал С.К. Тимошенко 17 сентября 1941 года через начальника оперативного отдела ЮЗФ генерал-майора И.Х. Баграмяна, который в это время находился в штабе

ЮЗН, отдал Кирпоносу устный приказ – оставить КиУР и начать организованный вывод войск ЮЗФ из окружения. Но Кирпонос не поверил устному приказу Тимошенко и не стал выполнять его, а в тот же день направил в Ставку ВГК радиogramму о подтверждении легитимности этого приказа. И только после того, как 18 сентября 1941 года Ставка ВГК подтвердила приказ маршала Тимошенко, Кирпонос в тот же день отдал приказ на выход войск ЮЗФ из окружения.

В это время соединения 37-й армии, защищавшие КиУР, оказались в самом дальнем углу Киевского котла. Против них 16 сентября 1941 года началось наступление четырех немецких пехотных дивизий, переправившихся южнее Киева в районе н.п. Ржищев на восточный берег Днепра. Начались кровопролитные бои войск 37-й армии с превосходящими силами противника. И неизвестно, чем бы они закончились, если бы 18 сентября 1941 года в войска фронта, в том числе и 37-й армии, не поступил приказ Кирпоноса на организованный выход войск ЮЗФ из окружения. Согласно этому приказу, 5-я армия должна была выходить из окружения в направлении н.п. Лохвица, 21-я армия – в направлении города Ромны, 26-я армия – в направлении города Лубны. А Власову было приказано вывести войска 37-й армии из КиУРа и выходить из окружения в направлении населенных пунктов Яготин и Пирятин. В ночь на 19 сентября 1941 года все соединения 37-й армии отошли на восточный берег Днепра, оставили Киев и с ожесточенными боями с гитлеровцами начали отступление в направлении, указанном в приказе командующего фронтом.

Но выполнить приказ Кирпоноса и организованно в полном составе выйти из окружения армиям ЮЗФ не удалось. В период с 16 по 20 сентября 1941 года немцы танковыми клиньями с разных направлений расчленили войска этого фронта на шесть основных очагов, окружили их и начали сжимать «железное» кольцо вокруг каждого из них. В результате этого расчленения войска 37-й армии оказались расколоты на три неравные группы, две небольшие, которые погибли в самом начале отступления, и одну большую – в которой находились основные силы армии вместе с ее штабом, Военным

Советом и командармом Власовым. В этой группе находился и заместитель начальника штаба армии полковник Г.В. Деменев.

37-я армия, отступающая из Киева, оказалась в самом тяжелом положении по сравнению с другими армиями ЮЗФ. Через обвалившийся фронт 5-й и 21-й армий гитлеровцы вышли на ее пути отхода и в районе н.п. Яготин встретили войска 37-й армии ураганным огнем артиллерии, минометов и стрелкового оружия. В результате эта армия оказалась в двойном кольце окружения с диаметром малого кольца всего около 15 километров, расположенном в междуречье рек Трубеж и Недры. Гитлеровцы прилагали максимум усилий, чтобы как можно плотнее сжать это кольцо и уничтожить оказавшуюся в нем нашу армию. Но окруженные войска 37-й армии до последней возможности вели упорные бои, стараясь не допустить этого. И даже находясь в таком сложном положении, они стремились нанести врагу как можно больший урон и прорвать кольцо окружения.

Кроме выхода из окружения, на 37-ю армию командованием ЮЗФ была возложена и еще одна немаловажная задача — сковывание значительных сил вермахта в районе населенных пунктов Оржица, Березань, Яготин, и с этой задачей она успешно справилась. Оказав врагу серьезное сопротивление, она привлекла на себя основные силы 6-й и 17-й вражеских армий группы армий «Юг». А это позволило остальным нашим окруженным войскам пробить узкий коридор во вражеском фронте на востоке замкнувшегося кольца, по которому под шквальным перекрестным огнем из всех видов немецкого оружия выходили из окружения войска других армий ЮЗФ.

Войскам 37-й армии в малом кольце немецкого окружения пришлось сражаться несколько дней, а затем ценой огромных потерь личного состава и техники им удалось прорвать это кольцо и вырваться из него. После чего организованно, с кровопролитными боями они достигли линии фронта и 26 сентября 1941 года в районе н.п. Гадяч вышли в расположение войск 38-й и 40-й армий, которые не попали в кольцо немецкого окружения и, отражая яростные атаки гитлеровцев, держали ЮЗФ.

По пути выхода из окружения войскам 37-й армии открылась страшная картина смерти и разрушения. На местах прорыва войск других армий ЮЗФ остались тысячи разбитых и сгоревших грузовых и легковых машин и конных повозок, вокруг которых лежало множество убитых лошадей и десятки тысяч военных и гражданских мертвых людей, сгоревших и раздавленных гусеницами вражеских танков и колесами машин. Многие люди, видимо, не успевшие выбраться из горящих машин, сгорели вместе с ними и лежали, а некоторые даже сидели в них, как черные мумии. Много наших воинов, растерзанных взрывами вражеских снарядов, лежало у искореженных орудий, пушек и пулеметов. Вся эта ужасная картина наглядно показывала, что наши воины не бросали оружие, не бежали, как волки от охотников, и не шли с поднятыми руками сдаваться в плен немцам, а до последнего патрона и последнего вздоха оказывали сопротивление врагу.

Трупы погибших людей и лошадей с полей прошедших сражений никто не убирал, и под ярким осенним солнцем они разлагались, источая невыносимый смрад.

Группа войск 37-й армии вышла из окружения последней. Все группы других армий, в том числе и небольшая группа, состоящая из офицеров штабов ЮЗФ и 5-й армии, к этому времени уже пересекли линию фронта и находились в расположении войск 38-й и 40-й армий.

Здесь от штабных офицеров, которым чудом удалось вырваться из Киевского котла, стали известны некоторые подробности трагической гибели Военных Советов и штабов ЮЗФ и 5-й армии, а также командующего ЮЗФ генерал-полковника М.П. Кирпоноса. Оказавшись в окружении немецких войск, Военный Совет и штаб ЮЗФ в ночь с 14 на 15 сентября 1941 года передислоцировались из города Прилуки в село Верхояровка, расположенное в двух километрах от города Пирятин. 18 сентября 1941 года командующий авиацией ЮЗФ генерал-майор Ф.А. Астахов предложил Кирпоносу и Военному Совету под покровом ночи вывезти их из окружения на самолете У-2. Но они отказались от этого предложения и остались в окружении с войсками своего фронта,

чтобы вместе с ними разделить их судьбу. В ночь с 18 на 19 сентября 1941 года колонна ВС и штаба ЮЗФ во главе с его командующим Кирпоносом, под прикрытием частей 289-й сд полковника Д.Ф. Макшанова, двинулась на город Пирятин, где был мост через реку Удай. Во второй половине ночи колонна подошла к реке и, несмотря на интенсивный минометно-пулеметный обстрел гитлеровцами моста, переправилась по нему на противоположный левый берег этой реки и, миновав город Пирятин, направилась в сторону н.п. Чернуха. Но достичь намеченной цели им не удалось. На рассвете 19 сентября 1941 года штабную колонну с севера атаковали немецкие танки и отсекли ее от частей 289-й сд. Поэтому колонна вынуждена была сменить направление и под шквальным огнем из всех видов вражеского оружия идти вдоль левого берега реки Удай. Отбив все гитлеровские атаки, утром 19 сентября 1941 года штабная колонна достигла села Городищи, расположенного в слиянии рек Удай и Многи, и остановилась там, чтобы привести себя в порядок и наметить дальнейший план действий. В этом селе к колонне штаба фронта присоединилась и колонна штаба 5-й армии во главе с ее командующим генерал-майором М.П. Потаповым, которая следовала в этом же направлении под прикрытием остатков войск 31-го ск.

При бомбардировке этих штабных колонн вражеской авиацией взрывом бомбы была разбита последняя имеющаяся в штабной колонне радиостанция, в результате чего прервалась связь штаба ЮЗФ не только со штабом ЮЗН, но и штабами армий этого фронта.

На совещании руководящего состава штаба фронта было принято решение подняться выше по течению реки Многи на 12 километров и переправиться через нее у н.п. Чернуха. По мнению большинства командиров, появление нашей колонны у этого н.п. стало бы неожиданностью для противника, что позволило бы с минимальными потерями преодолеть эту реку. К тому же в районе Чернухи на реке Многе имелись мелкие броды, по которым можно было бы форсировать реку, не захватывая моста. Поэтому независимо от того, удалось бы в этом н.п. захватить мост или

нет, штабной колонне здесь было бы легче преодолеть водную преграду и продолжить движение на Лохвицу.

Решено было создать три боевые группы: головную под командованием генерал-майора М.И. Потапова, которая должна была расчистить дорогу колонне штаба, и две группы на флангах. Кроме того, для прикрытия колонны с тыла была создана четвертая группа в количестве 150 человек во главе с начальником оперативного отдела фронта генерал-майором И.Х. Баграмяном, в которую вошли рота НКВД и офицеры оперативного отдела штаба фронта. Но пока шла перегруппировка имеющихся в колонне сил, из н.п. Мелехи выступил большой отряд немецких мотоциклистов, который форсировал реку Многу, занял ряд высот, расположенных в одном километре от села Городищи, и двинулся в направлении этого населенного пункта. Поэтому Кирпонос приказал Баграмяну выдвинуться со своим отрядом навстречу противнику с задачей выбить его из захваченных высот, захватить мост на реке Многе и двигаться в направлении н.п. Сенча. И если эта атака окажется удачной, то вслед за отрядом Баграмяна пойдет основная колонна штаба фронта.

Выполняя приказ командующего фронтом, Баграмян повел свой отряд в атаку, и, несмотря на интенсивный огонь, который вели гитлеровцы с захваченных ими высот, этому отряду стремительной атакой удалось выбить противника оттуда и занять высоты, после чего отряд Баграмяна захватил и мост на реке Многе, который немцы не успели взорвать. Наступило самое подходящее время для движения в этом направлении штабной колонны на Сенчу. Но ее почему-то не было. Поэтому Баграмян послал двух офицеров обратно в село Городищи, чтобы сообщить штабу, что путь на Сенчу свободен и штабная колонна может продолжать движение в этом направлении, а сам повел свой отряд дальше. Поздней ночью отряд Баграмяна прибыл в село Исковцы-Сенченские и остановился, чтобы немного отдохнуть, привести себя в порядок и дожидаться колонну штаба фронта, которая все еще где-то задерживалась. Но возвратившийся один из офицеров, посланных для связи со штабом, доложил, что ни в селе Городищи,

ни на дороге позади отряда Баграмяна колонны штаба фронта нет, и где она находится, неизвестно. Получив такое извещение, Баграмян решил, что штабная колонна, видимо, пошла на Сенчу другой дорогой. Поэтому он, как и было приказано Кирпоносом, повел свой отряд на этот н.п., где был мост через реку Сулу. На рассвете отряд Баграмяна достиг села Сенча и ворвался в его западную часть, где немцев не оказалось. Но когда отряд приблизился к мосту, с противоположного берега реки немцы открыли ураганный пулеметный и артиллерийско-минометный огонь. Затем на мосту появились вражеские танки, которые, стреляя из пулеметов и пушек, двинулись на берег, где находился отряд Баграмяна. Стало ясно, что отряду мост не взять, поэтому пришлось оставить и мост, и село и попытаться обойти их с другой стороны. Пошли к небольшому селу Лучка, где решили подготовить подручные средства для переправы через реку Сулу и ждать подхода штабной колонны. Ждали почти до утра, но она так и не появилась. Поэтому на рассвете отряд переплыл на лодках на противоположный берег реки Сулы, с помощью проводника из местных жителей преодолел заболоченную топкую пойму этой реки, вышел на поле и укрылся в копнах сжатой пшеницы. А на следующую ночь отряд продолжил движение на восток. В течение двух суток отряд Баграмяна, отражая яростные атаки противника, пробивался к линии фронта. И только на третий день он достиг н.п. Гадяч и вышел из окружения, потеряв при этом две трети личного состава.

Но куда же делась основная колонна штаба фронта и почему она не последовала за отрядом Баграмяна? Оказывается, командующий фронтом Кирпонос рассчитывал атакой отряда Баграмяна в направлении Сенчи лишь отвлечь внимание противника, а штабная колонна тем временем двинулась на север в направлении деревни Вороньки, чтобы там форсировать реку Многу. Под покровом ночи колонна скрытно от противника прошла вдоль правого берега реки Многи, внезапной атакой захватила деревню Вороньки и, успешно переправившись на левый берег реки Многи, продолжила движение на восток. На рассвете 20 сентября 1941 года колонна достигла хутора Дрюковщина, расположенного в 15 километрах

юго-западнее деревни Лохвица, и в роще Шумейково, находящейся недалеко от этого хутора, остановилась на дневку. К этому времени в штабной колонне насчитывалось немногим больше тысячи человек, из которых 800 были офицеры и генералы. Из техники и оружия, кроме табельного, в колонне имелось шесть бронемашин, два противотанковых орудия и пять зенитно-пулеметных установок. Все это оружие было сосредоточено на позициях, расположенных на опушке рощи, где оборону заняли охрана Военного Совета фронта и штаба 5-й армии, возглавляемая заместителем начальника оперативного отдела штаба ЮЗФ подполковником И.С. Глебовым. А утром, как только рассеялся ночной туман, немцы одновременно с трех сторон — с востока, северо-востока и юго-запада танками и мотоциклистами атаковали наши позиции и прорвались к восточной опушке рощи. Но здесь их встретили наши офицеры, вооруженные гранатами и бутылками с бензином, и подожгли два вражеских танка. Потеряв две машины, остальные немецкие танки повернули назад. Отступили назад и мотоциклисты. Наступила небольшая передышка. Но через несколько минут к роще подъехали немецкие машины с пехотой, которая с ходу развернулась в цепь и под прикрытием огня из танков пошла в атаку. А когда она достигла опушки рощи, группа офицеров и генералов, возглавляемая лично Кирпоносом, бросилась в контратаку и вступила с гитлеровцами в рукопашную схватку. Не выдержав рукопашного боя, немцы отступили и в течение всего дня больше атак на рощу не предпринимали. В ходе этого короткого боя несколько офицеров и генералов были убиты и ранены. Тяжелые ранения получили генералы Кирпонос и Потапов, которых перенесли на дно оврага, разделяющего рощу. Ближе к вечеру раненый Кирпонос вместе с высшим руководящим составом штаба и членами Военного Совета фронта обсуждали план прорыва, который предусматривалось осуществить с наступлением ночи. Но в это время немцы начали обстрел рощи из минометов. Одна мина упала и разорвалась рядом с группой офицеров и генералов, в которой был и Кирпонос. Осколки мины попали в грудь и голову командующего, после чего, спустя несколько минут, Михаил Петрович Кирпонос, не приходя

в сознание, скончался. Ночью начальник штаба фронта В.И. Тупиков повел штабную колонну в «глухую» (без выстрелов) атаку. И пока растерявшиеся гитлеровцы от неожиданной и необычной атаки пришли в себя, многим нашим солдатам и офицерам удалось прорваться через вражеские позиции и после долгих хождений по немецким тылам выйти из окружения. Но, к сожалению, не всем бойцам и командирам штабной колонны ЮЗФ этой ночью удалось вырваться из окруженной плотным кольцом немецких войск шумейковской рощи. Многие из них при прорыве вражеского кольца погибли в бою, попали в плен или пропали без вести. Не удалось вырваться из этого кольца начальнику штаба ЮЗФ генерал-майору В.И. Тупикову и командующему 5-й армией генерал-майору М.И. Потапову. Тупиков погиб в перестрелке с немцами у хутора Овдиевка, расположенного всего в двух километрах от шумейковской рощи. А тяжело раненного Потапова, который не смог выйти из этой рощи, немцы взяли в плен.

Сразу же после выхода остатков войск ЮЗФ из Киевского котла все четыре (5-я, 21-я, 26-я и 37-я) армии были расформированы, а личный состав и техника переданы в другие части. Раненых бойцов и командиров, вышедших из окружения, отправили в госпитали. Нескольких генералов, в том числе и командарма теперь уже бывшей 37-й армии Власова, вызвали в Ставку ВГК. А полковника Деменева и еще нескольких офицеров и генералов 37-й и других армий, вышедших из окружения, направили во вновь формируемый штаб ЮЗФ, где Деменева назначили заместителем начальника оперативного отдела этого фронта.

Немного позже вновь сформированный штаб ЮЗФ подсчитал потери войск в Киевском котле, которые оказались неутешительными. Из четырех армий, оказавшихся во вражеском кольце под Киевом, в которых насчитывалось в общей сложности более 300 тысяч человек, из окружения вышло всего около 21 тысячи. Остальные погибли, попали в плен и пропали без вести.

Через несколько дней в штаб ЮЗФ из Москвы вернулся Власов в звании генерал-лейтенанта и с новым назначением на должность заместителя командующего войсками ЮЗФ по тылу.

В тот же день вечером Власов пригласил Деменева в свой новый кабинет, где за бутылкой коньяка подробно рассказал ему о встрече с Верховным главнокомандующим И.В. Сталиным, который лично вручил Власову новые петлицы со звездами генерал-лейтенанта, поблагодарил его за относительно успешный вывод войск 37-й армии из Киевского котла и содействие выходу из него войск других армий ЮЗФ, а также спросил:

– Товарищ Власов, как Вы считаете, почему случилась такая катастрофа под Киевом и что нужно сделать для того, чтобы в будущем подобное не повторилось?

Власов не ожидал такого вопроса от Сталина, поэтому не сразу на него ответил. И не потому, что не знал ответа, а потому, что правду сказать боялся, а врать Верховному главнокомандующему и вождю язык не поворачивался. Увидев на лице Власова растерянность и словно читая его мысли, Сталин сказал:

– Товарищ Власов, я жду от Вас правдивого ответа на мой вопрос, какой бы горькой эта правда ни была.

Преодолев страх, от которого по спине лился холодный пот, Власов сказал:

– Мы плохо подготовились к этой войне. Укрепрайоны на старой западной границе разукомплектовали, а на новой оборудовать их как следует не успели. Поэтому и не смогли остановить агрессора ни на новой, ни на старой границах. К тому же наши полевые части слишком далеко были расположены от приграничных УРов на новой границе, в результате чего они вступили в бой с противником не в УРах этой границы, а в чистом поле за десятки километров от них на нашей территории. Все это привело к тому, что войска ЮЗФ, несмотря на упорное сопротивление, с кровопролитными боями вынуждены были отступить, теряя при этом большое количество личного состава и техники. А что касается Киевского котла, то, учитывая сложившуюся обстановку под Киевом и мнение Военных Советов армий и фронта, командующий ЮЗФ генерал-полковник Кирпонос и главкомы ЮЗН маршал Советского Союза Буденный, а затем и маршал Советского Союза Тимошенко, чтобы избежать надвигающейся на ЮЗФ катастрофы

и сохранить людей и технику, неоднократно обращались в Генштаб и Ставку ВГК с предложением своевременно отвести войска этого фронта из Киевского выступа. Но эти предложения постоянно отклонялись до последнего момента. И только когда кольцо вражеских войск полностью замкнулось за спиной ЮЗФ, Генштаб разрешил отвести войска этого фронта на новые рубежи. Но было уже поздно. В результате Красная армия потеряла целый фронт вместе с людьми и техникой. А чтобы подобное больше не повторилось, Генеральному штабу и Ставке ВГК нужно прислушиваться к мнению командующих направлениями, фронтами и армиями и учитывать его.

Пока Власов говорил, Сталин с трубкой в зубах молча ходил по кабинету и ни разу не прервал его. А когда Власов замолчал, Сталин спросил:

– У Вас все, товарищ Власов?

– Так точно, товарищ Сталин, – ответил Власов.

Сталин еще несколько раз молча прошелся по кабинету, а затем сказал:

– Ставка ВГК учтет Ваше мнение. А сейчас идите в Генштаб и подробно доложите маршалу Шапошникову о происшедшей катастрофе под Киевом. Что касается лично Вас, товарищ Власов, то мы подумаем, где Вас в дальнейшем использовать.

– Слушаюсь, товарищ Сталин, – ответил Власов и на «ватных» ногах вышел из кабинета Сталина, предполагая, что в приемной вождя его уже ждут люди из ведомства Берии, чтобы поставить к стенке или отправить на Соловки или Колыму.

Но оказалось, Власов зря боялся. В приемной Сталина, кроме секретаря, больше никого не было, и он свободно вышел из Ставки ВГК и ушел в Генштаб, где подробно доложил Б.М. Шапошникову о выходе 37-й армии из Киевского котла. А когда Власов закончил доклад, который длился в течение двух часов, Шапошников сказал:

– Перед Вашим приходом мне звонил И.В. Сталин, который посоветовал назначить Вас на более высокую должность. Я предложил назначить Вас на должность заместителя командующего войсками ЮЗФ по тылу. Иосиф Виссарионович с моим

предложением согласился. Поэтому езжайте, товарищ Власов, на Украину и вступайте в новую должность.

В ходе беседы с Деменевым Власов посетовал на то, что его не устраивает эта должность. Официально назначение его заместителем командующего фронтом является повышением по службе. Но, как считал он, назначение его, боевого генерала, всю жизнь прослужившего на командных должностях, на тыловую должность является по меньшей мере издевательством над ним и фактически понижением в должности. И за какие грехи с ним так поступили, он не мог понять. Когда в Генштабе Шапошников сказал ему об этом назначении, Власов попытался возразить и предложил назначить его на любую командную должность даже с понижением, вплоть до командира дивизии или полка. Но вместо ответа маршал Шапошников посмотрел на него таким взглядом, как будто хотел сказать: «Моли Всевышнего, что так легко отделался». А затем, после длительной паузы, сказал:

— Я Вас, Андрей Андреевич, прекрасно понимаю, но этот вопрос уже решен окончательно и обсуждению не подлежит. Поэтому служите там, куда Вас назначили. А что будет дальше, время покажет.

Глава 4. Волховский фронт

Создание любого воинского соединения, а тем более такого крупного, как фронт, да еще в условиях ведения боевых действий – дело очень хлопотное. Поэтому все работники нового штаба Юго-Западного фронта с головой окунулись в работу, которая велась и днем и ночью, не прекращаясь ни на одну минуту. Офицеры штаба отдыхали по очереди, не выходя из своих кабинетов. В боях, трудах и заботах два месяца после выхода 37-й армии из окружения пролетели как один миг. За это время Власов подал командованию фронтом несколько рапортов о переводе его на любую должность, но только командную. Но все его просьбы оставались без удовлетворения, и боевой генерал, вместо того чтобы воевать, по-прежнему вынужден был заниматься не свойственным ему делом – снабжением.

В третьей декаде ноября 1941 года генерал-лейтенанта А.А. Власова, полковника Г.В. Деменева и еще нескольких генералов и старших офицеров штаба ЮЗФ неожиданно вызвали в Генеральный штаб, и они на самолете вылетели в Москву. В приемной начальника Генштаба уже сидели несколько генералов и полковников, прибывших на прием к маршалу Б.М. Шапошникову. Но из 19 человек, ожидавших приема, Шапошников принял только четырех генералов и трех полковников, в том числе и Деменева, а остальных, в том числе и Власова, отправили в Управление кадров Наркомата обороны. Дождавшись своей очереди, Деменов зашел в кабинет начальника Генштаба и доложил маршалу о своем прибытии. Шапошников вышел из-за стола, за руку поздоровался с Деменевым, а затем пригласил его к небольшому столику, стоящему в углу кабинета, налил две чашки чая, сел напротив Деменева и сказал:

– Для долгой беседы с Вами у меня времени нет, но я не могу упустить случая, чтобы не поговорить с бывшим преподавателем академии Генерального штаба и человеком, побывавшим

в Киевском котле. Поэтому прошу Вас, Герасим Владимирович, пейте чай и коротко, но четко рассказывайте, как и почему случилась катастрофа под Киевом и как 37-й армии удалось вырваться из этого ада. Мне генерал Власов докладывал об этом, когда после выхода 37-й армии из окружения его назначали на должность заместителя командующего войсками ЮЗФ по тылу. Но я хотел бы услышать об этом еще и от Вас, Герасим Владимирович, как от штабного работника.

И Деменев, отпивая большими глотками очень крепкий чай, как и просил Борис Михайлович, коротко, но четко рассказал маршалу, что киевская катастрофа случилась не потому, что войска ЮЗФ плохо воевали, а потому, что ни Генштаб, ни Ставка Верховного Главного Командования своевременно не удовлетворили просьбу командования и Военных Советов Юго-Западного фронта и Юго-Западного направления о выводе войск ЮЗФ из образовавшегося Киевского выступа. А когда такое разрешение было получено, организованно вывести войска из окружения было уже невозможно, потому что к этому времени немцы не только полностью окружили четыре армии и штаб ЮЗФ, но и танковыми клиньями разрезали его войска на несколько групп и приступили к их уничтожению. К тому же со стороны командования ЮЗН не было принято никаких мер по деблокированию окруженных войск, и каждой группе пришлось самостоятельно с ожесточенными боями прорываться через линию фронта, теряя при этом десятки тысяч людей. Что касается выхода из окружения 37-й армии с меньшими потерями личного состава по сравнению с другими армиями, то произошло это лишь потому, что, несмотря на тяжелейшие условия, армия не была деморализована и под руководством ее штаба и командарма Власова организованно выходила из окружения.

А когда Деменев закончил свой рассказ, Шапошников сказал: — Вполне согласен с Вашими выводами, Герасим Владимирович. В данном случае действительно были допущены серьезные ошибки во всех командных структурах Красной армии, в том числе и ЮЗН. Генеральный штаб и Ставка Верховного Главного Командования учли эти ошибки, и в подобной ситуации, сложившейся

под Ростовом, своевременно отвели войска Южного фронта, которые, перегруппировавшись, освободили Ростов. Аналогичные операции были проведены на московском и брянском направлениях. А Вас, Герасим Владимирович, вызвали в Генштаб для того, чтобы поручить Вам, в качестве исполняющего обязанности начальника штаба армии, формирование в резерве Ставки новой 26-й армии для Волховского фронта, который будет образован в ближайшее время и предназначен для прорыва блокады Ленинграда. Командующим этой армией назначен генерал-лейтенант Г.Г. Соколов. Вот Вам вместе с ним и предстоит сформировать эту армию.

Из разговора с маршалом Шапошниковым Деменев сделал вывод, что всех офицеров и генералов, которые в этот день были в приемной начальника Генштаба, вызвали для назначения на новые должности, а значит, и Власова тоже. Поэтому Деменев набрался смелости и спросил у маршала:

– Куда и на какую должность назначается генерал-лейтенант Власов?

– На должность командующего вновь формируемой 20-й армии, которая будет направлена на защиту Москвы, – ответил Шапошников.

Узнав об этом, Деменев попросил маршала, чтобы и его направили в 20-ю армию на любую должность. Свою просьбу Деменев объяснил тем, что они с Власовым с самого начала войны вместе воюют, поэтому и дальше вместе с ним он хотел бы продолжить бить фашистов. Но Шапошников отклонил просьбу Деменева:

– Вопрос решен, и пересматривать его нет необходимости, – сказал маршал. – Судя по обстановке, складывающейся на советско-германских фронтах, война, видимо, еще не скоро закончится. Потому и вместе с Власовым Вам, возможно, еще придется повоевать. А пока езжайте туда, куда Вас направили, и выполняйте то, что Вам поручили.

Деменев встал и, сказав: «Слушаюсь, товарищ маршал!», хотел выйти из кабинета начальника Генштаба. Но Шапошников остановил его и спросил, давно ли он видел своих родных. Деменев ответил, что не видел их с тех пор, как перед войной уехал

из Москвы в Киевский Особый военный округ. Маршал Шапошников немного помолчал, а затем сказал:

– Даю Вам, Герасим Владимирович, одни сутки повидать своих родных. После чего езжайте в город Саратов и приступайте к формированию новой армии.

Деменев поблагодарил Шапошникова и уехал домой. Сутки в кругу семьи пролетели как один миг, и пришло время расставаться. Прощаясь с женой и детьми, Деменев и предположить не мог, что видит их последний раз в своей жизни. И он, как человек военный, и его жена прекрасно понимали, что война может оборвать его жизнь в любую минуту. Это вполне естественно: войны без жертв не бывает. Но чтобы, оставшись в живых на войне, жить в одной стране и даже в одном городе и не иметь возможности увидеться, – такое им тогда и в голову не могло прийти. Но судьба-злодейка распорядилась именно так.

Простившись с семьей, Деменев уехал в Саратов, где встретился с командующим 26-й армией Г.Г. Соколовым, который по своему поведению был больше похож на шута, чем на генерала, и вместе с ним приступил к выполнению новых, но так хорошо знакомых ему обязанностей – к формированию новой, но под старым номером, печально известной 26-й армии. Первый раз эта армия была сформирована в июне 1940 года на территории Киевского Особого военного округа. Войска этой армии прикрывали 150-километровый участок государственной границы между населенными пунктами Родымно и Творильне на дрогобычском направлении. Первым командующим этой армией был генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко. С первых дней начала Великой Отечественной войны эта армия вела оборонительные бои с немецко-фашистскими захватчиками и под натиском превосходящих сил противника вместе с войсками ЮЗФ отступала к Днепру. Во второй половине сентября 1941 года она вместе с 5-й, 21-й и 37-й армиями ЮЗФ под Киевом попала в окружение. В конце сентября 1941 года после выхода из Киевского котла, как и все остальные три армии ЮЗФ, побывавшие в этом аду, она была расформирована. А 12 октября 1941 года на базе 1-го гвардейского стрелкового

корпуса в составе Брянского фронта была сформирована новая 26-я армия, которая просуществовала всего девять дней и после выхода из окружения под Брянском 20 октября 1941 года снова была сформирована. И вот теперь в начале декабря 1941 года в резерве Ставки ВГК вновь начала формироваться 26-я армия уже для Волховского фронта.

Ход боевых действий в первые три месяца Великой Отечественной войны показал, что по сравнению с направлениями целесообразнее иметь больше фронтов, которые, будучи меньше по численности войск и по протяженности линии обороны, чем направления, позволяли более гибко управлять войсками, а также компенсировать неудачи какого-нибудь одного фронта успехами другого – соседнего. Фронты создавались по мере необходимости. И такая необходимость в конце ноября 1941 года назрела для создания Волховского фронта, получившего свое название от реки Волхов, разделявшей на этом участке фронта советские и немецкие войска. Необходимостью создания ВФ явилось успешное контрнаступление советских войск под Тихвином, когда в конце ноября и начале декабря 1941 года войска 4-й и 52-й армий преследовали отступающего противника. Поэтому в целях объединения армий, действующих к востоку от реки Волхов, в начале декабря 1941 года Ставка Верховного Главного Командования приняла решение образовать Волховский фронт под командованием генерала армии К.А. Мерецкова. В состав этого фронта включались 4-я армия под командованием генерал-майора П.А. Иванова и 52-я армия под командованием генерал-лейтенанта Н.К. Клыкова, которые действовали под Тихвином самостоятельно и подчинялись непосредственно Ставке. Кроме того, в состав этого фронта включались вновь формируемые в резерве Ставки в ноябре и первой половине декабря 1941 года 26-я армия под командованием генерал-лейтенанта Г.Г. Соколова и 59-я армия под командованием генерал-майора И.В. Галанина. Главной задачей Волховского фронта в первое время являлось – задержать наступление противника на Ленинград, а затем совместно с Ленинградским фронтом освободить Ленинград от немецкой блокады.

Спустя две недели после беседы Деменева с маршалом Шапошниковым, когда уже были сформированы штаб и все командные структуры 26-й армии, в которую были включены одна стрелковая дивизия, семь стрелковых бригад, один артиллерийский полк и три дивизиона РС «катюш», командарм Соколов направил Деменева и еще несколько офицеров штаба на Волховский фронт для подготовки приема прибывающих туда частей этой армии. Прибыл Деменев с группой офицеров в н.п. Малая Вишера, где дислоцировался штаб Волховского фронта, 10 декабря 1941 года и после представления командующему фронтом генералу армии К.А. Мерецкову и получения от него необходимых указаний отправился в штаб фронта. Встретил Деменева и его группу начальник штаба ВФ генерал-лейтенант Г.Д. Стельмах, который ознакомил вновь прибывших офицеров с обстановкой, сложившейся вокруг Ленинграда. В ходе этой непродолжительной беседы с генералом Стельмахом офицеры штаба 26-й армии узнали, что соседями Волховского фронта являются: справа – 54-я армия Ленинградского фронта под командованием генерал-майора И.М. Федюнинского, которая находится за внешним кольцом немецких войск, блокировавших Ленинград, а слева – 11-я армия Северо-Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта В.И. Морозова. Рассказал Стельмах и о том, что осажденный Ленинград находится в очень тяжелом положении, где к жертвам варварских бомбардировок и артиллерийских обстрелов жилых кварталов города прибавились многочисленные жертвы от голода и холода. Поэтому, чтобы спасти оставшихся в живых жителей Ленинграда от неминуемой гибели, Ставка Верховного Главного Командования, Генеральный штаб и руководство города Ленинграда, несмотря на то, что Волховский фронт находится еще только в стадии формирования, настаивают на немедленном переходе войск этого фронта в наступление, чтобы как можно быстрее снять блокаду Ленинграда.

Закончив беседу с офицерами штаба 26-й армии, Стельмах распорядился выдать Деменеву необходимые документы и машину, на которой Деменев со своей группой офицеров уехал в н.п. Фальков, где было предписано разместить штаб 26-й армии. Затем

Деменев вместе с офицерами штаба армии посетил населенные пункты Зеленщина, Новый Посад, Вычерма и Мощаница, в районе которых предстояло сосредоточить прибывающие на ВФ войска 26-й армии. Вернувшись в н.п. Фальков, офицеры штаба этой армии, под руководством полковника Деменева, приступили к выполнению поставленных перед ними задач.

Через неделю после прибытия Деменева к месту назначения, 17 декабря 1941 года, в штаб ВФ пришла директива Ставки, предписывающая Волховскому фронту немедленно перейти в наступление. Войскам 26-й и 59-й армий (по плану Ставки и Генштаба эти армии уже к 15-му декабря 1941 года должны были быть полностью сформированы и сосредоточены на определенных им позициях) – нанести удар по противнику в направлении населенных пунктов Грузино, Сиверская и Волосово с глубоким обходом Ленинграда с юга. 4-й армии, во взаимодействии с 54-й армией ЛФ, – развить наступление с правого фланга в направлении населенных пунктов Кириши и Тосно с задачей окружить и уничтожить группировку немецких войск, расположенных севернее н.п. Мги. А 52-й армии – наступать на левом фланге с задачей овладеть Новгородом, а затем, двигаясь в направлении н.п. Сольцы, оказать поддержку другим войскам ВФ, наступающим на северо-запад. Но в связи с тем, что 26-я и 59-я армии к этому времени еще не прибыли к месту назначения, то по просьбе Мерецкова и Военного Совета фронта Ставка очередной своей директивой от 24 декабря 1941 года назначила наступление войск ВФ на 7 января 1942 года. Но и к этой дате не все войска вновь сформированных армий успели прибыть на ВФ. В 59-й армии, состоящей из восьми дивизий, к месту назначения к этому времени прибыло только пять, а в 26-й армии – всего половина ее соединений. Но, несмотря на это, Ставка ВГК потребовала начать наступление в назначенный срок. И оно началось. Но, как и следовало ожидать, безрезультатно. Не полностью укомплектованные личным составом, техникой и вооружением армии не смогли сломить сопротивление противника и прорвать его оборону и вынуждены были вернуться на исходные позиции.

Неудавшаяся атака, кроме тех недостатков, которые очевидны были до ее начала, выявила и ряд других. Она показала неудовлетворительную подготовку войск и штабов всех уровней вновь сформированных частей и соединений. Командиры многих частей и офицеры штабов, призванные в основном из запаса, плохо знали свои обязанности, не имели опыта управления войсками и взаимодействия между ними. Поэтому срочно пришлось заняться устранением всех этих и других недостатков на месте, на что требовалось как минимум 15–20 суток. Но такого количества времени у ВФ не было, потому что Ставка Верховного Главного Командования требовала немедленного наступления. С большим трудом Мерецкову и Военному Совету фронта удалось выпросить у Ставки несколько дней на приведение своих войск в боевую готовность. Ставка пошла навстречу руководству ВФ и назначила очередное наступление на 13 января 1942 года. Шести дней тоже было очень мало для устранения всех недостатков, но и за этот период удалось хоть немного подготовить войска к наступлению. К этому времени уже прибыли на ВФ все эшелоны войск 26-й армии, которая в конце декабря 1941 года была переименована во 2-ю ударную армию. Вместе с последними эшелонами этой армии прибыл и ее новый начальник штаба генерал-майор В.А. Визжилин, который в тот же день приступил к своим обязанностям. А исполняющего обязанности начальника штаба 2-й ударной армии полковника Г.В. Деменева назначили заместителем начальника штаба этой армии.

Но и прибывшие на фронт войска 26-й и 59-й армий не были готовы к боевым действиям. Они не полностью были обеспечены необходимой техникой и вооружением. А та незначительная часть артиллерии, которая прибыла на фронт вместе с войсками, не имела самого необходимого – оптических приборов, орудийных передков, средств связи и, самое главное, снарядов. Поэтому использовать ее практически было невозможно, и она, выгруженная из вагонов, лежала под открытым небом мертвым грузом, подвергаясь вражеским бомбардировкам. В связи с создавшимся положением командование фронтом обратилось в Ставку с просьбой принять срочные меры по устранению имеющихся недостатков.

На это обращение Ставка отреагировала очень оперативно. И уже на третий день на ВФ приехал начальник артиллерии Красной армии генерал-полковник Н.Н. Воронов, а вместе с ним пришло несколько вагонов недостающего артиллерийского оборудования, кроме снарядов, без которых это грозное оружие («бог войны») по-прежнему оставалось лежать мертвым грузом.

Не успел Волховский фронт к этому времени создать и свой тыл. В результате чего он не имел возможности организовать своевременный подвоз и накопление в нужных районах и в необходимом количестве материально-технических средств и вооружения. Машин для их доставки войскам фронта было очень мало, а гужевой транспорт, в связи с большими расстояниями от железнодорожных станций до мест дислокации войск, не мог справиться с этой задачей, потому что только один его оборот занимал несколько суток. Все это привело к тому, что к назначенному сроку наступления войска ВФ не были обеспечены достаточным количеством вооружения, продовольствия, фуража, горючего и боеприпасов и оказались не готовы к активным боевым действиям. А пока Волховский фронт такими «ускоренными» темпами готовился к предстоящему наступлению, враг в течение этого времени тоже не дремал. Немецкая воздушная разведка обнаружила не только подготовку войск ВФ к наступлению, но и направление главного удара. Поэтому командование вермахта приняло соответствующие меры для его отражения. Немцы провели перегруппировку своих войск, заменили изрядно потрепанные в боях под Тихвином дивизии свежими и создали глубокую и хорошо укрепленную оборону. Имея достаточное количество средств механизации для строительства оборонительных укреплений и автомобилей для доставки необходимых строительных материалов, они в рекордно короткие сроки оборудовали свои позиции системой узлов сопротивления и опорных пунктов с большим количеством дзотов и пулеметных площадок. По насыпи железной дороги сообщением Кириши–Новгород создали второй оборонительный рубеж, а всю территорию между железной дорогой и рекой Волхов густо покрыли колючей проволокой, лесными завалами

и минно-фугасными полями. По данным фронтовой разведки в этом районе перед войсками ВФ немцы сосредоточили 13 моторизованных дивизий, полностью укомплектованных личным составом, хорошо подготовленных к ведению боевых действий и обеспеченных в достаточном количестве оружием, боеприпасами и транспортом. Вся эта мощная оборонительная система противника поддерживалась артиллерией и авиацией.

А как же по сравнению с вражеским выглядел ВФ? Все дивизии этого фронта были чисто пехотными, войска которых из-за отсутствия автомашин вынуждены были передвигаться пешим порядком. Вся наша малочисленная артиллерия передвигалась исключительно на конной тяге. Из-за отсутствия средств механизации строительство оборонительных укреплений велось исключительно руками солдат с помощью лопат, и то в основном саперных. На правом крыле ВФ стояла сильно ослабленная в предыдущих боях 4-я армия, насчитывающая в своем составе не более четырех тысяч человек. К тому же у нее не хватало минометов, артиллерии, автоматического оружия и боеприпасов. И вновь развертываемая на левом фланге фронта 59-я армия, несмотря на то, что только что прибыла из резерва, была в таком же состоянии, как и 4-я. А 2-я ударная армия, развертываемая по восточному берегу реки Волхов, по численности личного состава равнялась одному стрелковому корпусу. Опыта ведения боевых действий у нее еще совсем не было. От левого фланга 2-й ударной армии до озера Ильмень располагалась 52-я армия, которая была в таком же плачевном состоянии, как и все остальные армии ВФ. У этого фронта почти не было авиации и было очень мало танков, а во 2-й ударной и 52-й армиях их не было совсем. В резерве фронта имелись всего две сильно ослабленные кавалерийские дивизии и четыре отдельных лыжных батальона. Не было на ВФ и второго эшелона войск.

А во 2-й ударной армии положение усугубляло еще и то обстоятельство, что ее командующий генерал-лейтенант Г.Г. Соколов, который пришел в армию с должности заместителя наркома внутренних дел, не соответствовал занимаемой должности.

Он совершенно не знал военного дела. С первых дней пребывания на ВФ он пытался командовать армией суворовскими методами. Но в современных условиях получалось это у него так нелепо и смешно, что офицеры армии насмехались над ним и дали ему кличку «шут суворовский». На совещании командного состава, которое Военный Совет ВФ провел в штабе 2-й ударной армии перед началом наступления, большинство командиров частей и подразделений выразили недовольство неумелым и поверхностным руководством войсками командармом Соколовым. На этом же совещании выяснилось, что Соколов совершенно не владеет обстановкой, не знает, что делают и где находятся соединения его армии, понятия не имеет о современном понимании боя и проведения боевых операций, руководит войсками старыми отжившими методами. Все это способствовало тому, что 2-я ударная армия оказалась не подготовлена к наступлению. После этого совещания командованию ВФ стало очевидным, что генерал-лейтенант Г.Г. Соколов не способен командовать армией. Поэтому по ходатайству Мерецкова и Военного Совета ВФ Ставка ВГК отозвала Соколова в Москву. А командующим 2-й ударной армией назначили бывшего командующего 52-й армией генерал-лейтенанта М.К. Клыкова.

Кроме перечисленных и других недостатков, имевшихся в войсках ВФ, в том числе и во 2-й ударной армии, не в нашу пользу были и метеорологические условия и сама местность. Наступать нашим войскам предстояло зимой при сильных морозах, без дорог, по глубокому снегу, по лесам и по тонкому льду через реку Волхов, по западному берегу которой проходил передний край немецкой обороны. Все зеркало этой реки и ее широкие открытые поймы простреливались плотным прицельным огнем противника, что представляло собой труднопреодолимое препятствие. Все это исключало широкий маневр наших войск в предстоящем наступлении и приковывало их к определенным направлениям.

По плану Ставки Верховного Главного Командования основные силы ВФ сосредотачивались в направлении шоссейной и железной дорог сообщением Москва–Ленинград. Преимущество

этого направления перед другими состояло в том, что оно открывало прямой и ближайший путь к Ленинграду. Немцы это тоже хорошо понимали. Поэтому это направление они укрепили намного лучше других и сосредоточили там основную массу артиллерии. Для подавления таких сильно укрепленных позиций противника у нас не было достаточного количества ни артиллерии, основная часть которой все еще находилась в пути, ни авиации.

Глава 5. Любаньский мешок

Учитывая сложившуюся в этом районе обстановку, командование Волховским фронтом намеревалось обойти эти позиции противника и силами 2-й ударной армии нанести главный удар в направлении н.п. Любань. Но для этого необходимо было усилить эту армию за счет передачи части войск из других армий. Кроме того, руководство ВФ справедливо полагало, что с неподготовленными к боевым действиям войсками, да еще в таких неблагоприятных условиях, идти в наступление нецелесообразно. Поэтому командование и Военный Совет фронта неоднократно обращались в Ставку с предложением изменить направление главного удара и перенести наступление на более поздние сроки, чтобы понастоящему подготовить войска к этой операции. Но чрезвычайное положение в Ленинграде требовало немедленных наступательных действий. Поэтому Ставка не поддержала предложения командования ВФ и потребовала от него начать наступление по утвержденному плану и в назначенный срок. И 13 января 1942 года войска ВФ перешли в наступление. Но, несмотря на то, что к этому времени все соединения 2-й ударной и 59-й армий, кроме артиллерии, уже прибыли к месту назначения, это наступление развивалось очень медленно. А на участке фронта 4-й армии противник сам атаковал ее позиции, и она вынуждена была вместо наступления вести оборонительные бои. Не смогла прорвать оборону противника и топталась на месте и 59-я армия. И только 2-й ударной и 52-й армиям под руководством новых командующих генерал-лейтенанта Н.К. Клыкова и генерал-лейтенанта В.Ф. Яковлева соответственно в течение суточного боя удалось сломить сопротивление противника, к исходу второго дня пересечь реку Волхов и на ее западном берегу овладеть поселками Красный, Ямно и рядом других населенных пунктов. В результате на этом направлении образовался разрыв первой линии обороны противника, в который для развития дальнейшего наступления командование этих

армий с утра 15 января 1942 года ввело в бой войска вторых эшелонов, что позволило соединениям первого эшелона несколько активизировать наступление. Но прорвать всю глубину обороны противника в этот день нашим войскам не удалось. И только спустя неделю ценой огромных потерь личного состава и техники соединениям 2-й ударной армии удалось сломить сопротивление гитлеровцев и вплотную подойти к их второй (главной) оборонительной линии, расположенной вдоль шоссе и железной дорог сообщением Чудово–Новгород. Но к этому времени немцы сосредоточили в районе н.п. Спасская Полесье большое количество артиллерии, направили туда авиацию и подвергли наши наступающие части интенсивному артиллерийскому обстрелу и бомбардировке. Поэтому с ходу полностью прорвать вторую линию вражеской обороны в этом районе и закрепить достигнутый успех войскам этой армии не удалось. Соединения 2-й ударной армии неоднократно прорывали эту линию, но каждый раз ценой огромных потерь своих войск немцам удавалось отбивать наши атаки и закрывать брешь в своей обороне. И только после трехдневных непрерывных атак войскам 2-й ударной армии все-таки удалось, в районе н.п. Мясной Бор, прорвать главную линию обороны противника. В связи с этим немецкое командование перебросило в этот район дополнительные части из других направлений, в том числе и из-под Ленинграда, и наступление наших войск на этом участке фронта снова замедлилось. Но если 2-я ударная армия, хоть и медленными темпами, но все-таки наступала и продвигалась вперед, то 4-й и 59-й армиям сломить сопротивление противника и развить свое наступление не удалось, и их атаки прекратились. Не добилась успеха и прекратила наступление и соседняя 54-я армия Ленинградского фронта. В сложившейся обстановке продолжать атаки на правом фланге ВФ стало бессмысленно. Поэтому Ставка наконец-то прислушалась к мнению командования и Военного Совета ВФ и разрешила перенести основные боевые действия в направлении населенных пунктов Спасская Полесье и Любань, а вся операция в этом районе с этого времени стала называться любаньской. В дальнейшем это направление для ВФ оставалось

главным в течение полугода. В соответствии с этим решением была проведена перегруппировка войск ВФ, в результате чего в районе н.п. Спасская Полесье создалась группировка наших войск, состоящая из трех армий. В центре на 15-километровом участке фронта наступала 2-я ударная армия, справа от нее – 59-я армия, а слева – 52-я армия. На 52-ю и 59-ю армии возлагалась задача расширить прорыв в обороне противника в стороны флангов, а на 2-ю ударную – нанести главный удар в обход сильно укрепленных немецких позиций на Любань, до которой предстояло пройти с боями 80 километров. Ширина прорванной нашими войсками обороны противника по западному берегу реки Волхов к этому времени достигла 25 километров, а в районе Мясного Бора она составляла всего 3–4 километра. Вот к этому узкому участку, простреливаемому всеми видами оружия противника, и подтягивались основные силы ВФ – войска 2-й ударной, 52-й и 59-й армий. Но немецкое командование, по-видимому, заранее предвидело такое развитие событий и к этому времени сосредоточило на любаньском направлении дополнительно шесть дивизий своих войск, переброшенных сюда из Франции, Дании, Югославии и Германии. Для разгрома такой группировки войск вермахта и выполнения поставленных задач сил у ВФ недостаточно было. Поэтому Мерецков и Военный Совет фронта обратились в Ставку Верховного Главного Командования с просьбой выделить этому фронту дополнительное количество войск – хотя бы одну армию. Но Ставка не дала ВФ не только армию, но и вообще никаких дополнительных войск. Единственное, чем Ставка помогла в этом вопросе, так это разрешила сформировать из имеющихся в резерве фронта войск 13-й кавалерийский корпус, чтобы вместе с войсками 2-й ударной армии ввести его в прорыв вражеской обороны в районе Мясного Бора. И такой корпус в срочном порядке был сформирован, в состав которого вошли две кавалерийские дивизии, находившиеся в резерве фронта, и одна стрелковая дивизия, взятая из 59-й армии. Командиром этого корпуса был назначен генерал-майор Н.И. Гусев. По завершении формирования 13-го кавалерийского корпуса наступление наших войск на Любаньском

направлении возобновилось. Соединения 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса сначала продвигались очень быстро. За пять дней наступления они прорвали вражескую оборону, расположенную вдоль железной дороги сообщением Ленинград–Новгород, и углубились в расположение войск противника на 40 километров. Но это наступление наших войск шло успешно до тех пор, пока они двигались в северо-западном направлении. А когда они повернули на северо-восток, непосредственно на Любань, противник стал оказывать очень сильное сопротивление, сломить которое им не удалось, и они вынуждены были обходить сильно укрепленные вражеские позиции с запада, отдаляясь от прямого направления на Любань. Эти обходы осуществлялись по бездорожью и по глубокой снежной целине, что очень сильно изнуряло людей и лошадей, а также снижало темпы наступления. Но, несмотря на это, соединения 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса, преодолевая упорное сопротивление немцев, хоть и медленно, но продвигались вперед в глубь расположения войск противника, а войска 59-й армии – в стороны его флангов. В ходе этого наступления к середине февраля 1942 года 59-я армия вплотную подошла к Спасской Полести. В результате горловина прорыва вражеского фронта в этом районе расширилась до 13 километров, а ширина прорыва по западному берегу реки Волхов увеличилась до 35 километров, что позволило избавить коммуникации 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса от пулеметного и артиллерийского огня противника. Но на этом успехи войск 59-й армии по расширению горловины прорыва закончились. Несмотря на яростные атаки, им не удалось больше расширить ее ни на один метр, а иногда даже приходилось вести оборонительные бои, отражая атаки противника. А наступление войск 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса хоть и продолжало развиваться, но не в том направлении, в котором нам нужно было. Снижению темпов наступления соединений ВФ способствовали: усталость войск, которые в течение длительного времени вели тяжелые бои и нуждались в отдыхе, но не были заменены свежими силами; отсутствие танков и авиации; частое нарушение графика

подачи на ВФ снабженческих эшелонов, из-за чего возникли перебои в снабжении войск вооружением, снарядами, продовольствием, фуражом и другими материальными средствами. Все это привело к тому, что наша пехота, сражающаяся без поддержки танков, артиллерии и авиации, вынуждена была ломать сильно укрепленную оборону противника штыком, гранатой и даже саперной лопатой, а то и просто кулаками, неся при этом огромные потери личного состава.

А во 2-й ударной армии к тем недостаткам, которые имелись во всех армиях ВФ, добавился еще один. Серьезно заболел командарм Клыков, который не в состоянии стал в полной мере командовать армией. Чтобы повысить боеспособность этой армии, нужно было срочно заменить командующего. Но сделать это в боевой обстановке было не так-то просто.

Чтобы активизировать наступление войск Волховского фронта, необходимо было в срочном порядке устранить имеющиеся у этого фронта недостатки и обеспечить его соединения, в том числе 2-ю ударную армию и 13-й кавалерийский корпус, всем тем, что они должны иметь при наступлении. Но самостоятельно решить все эти проблемы командование ВФ и его армий не могли. Поэтому Мерецков и Военный Совет фронта вынуждены были обратиться в Ставку с просьбой помочь наладить регулярную подачу на ВФ снабженческих эшелонов. На эту просьбу Ставка ВГК отреагировала положительно и в конце января 1942 года направила на этот фронт заместителя наркома обороны генерал-полковника А.В. Хрулева, который даже в тех тяжелейших условиях за короткое время сумел наладить более регулярное поступление железнодорожных составов с грузами, предназначенными для ВФ, а также добился, чтобы этому фронту дали дорожные и автотранспортные части. Все это позволило немного улучшить обеспечение войск фронта вооружением и другими материальными средствами. Но кроме материальных средств ВФ нужны были и дополнительные силы. Поэтому Мерецков снова вынужден был обратиться в Ставку с просьбой выделить этому фронту дополнительное количество войск. Но Ставка и на этот раз проигнорировала эту

просьбу и не дала ВФ ни одной дивизии. Зато в очередной раз в категорической форме потребовала от командования и Военного Совета этого фронта, чтобы войска 2-й ударной и 59-й армий, а также 13-го кавалерийского корпуса до марта 1942 года вышли на железную дорогу сообщением Любань—Чудово и овладели Любанью. А командующему Ленинградским фронтом генерал-лейтенанту М.С. Хозину Ставка дала указание силами его 54-й армии нанести удар по врагу навстречу 2-й ударной армии с целью ликвидировать чудовскую группировку войск противника и продолжить наступление на Любань. Для контроля над выполнением своих требований Ставка ВГК направила на ВФ своего представителя — маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова, который побывал во всех соединениях фронта, в том числе и во 2-й ударной армии, и вочию убедился, в каком состоянии находятся войска этого фронта. Будучи в войсках, маршал беседовал не только с командным составом, но и с рядовыми бойцами, ободрял их и обращался с призывами, а с командиров частей строго спрашивал за имеющиеся недостатки, устранение которых было в их компетенции.

После разгрома немецких войск под Москвой снятие блокады Ленинграда Ставка Верховного Главного Командования считала основной задачей Красной армии. Поэтому с первых дней образования Волховского фронта, предназначенного для выполнения этой задачи, в его войсках почти постоянно находился кто-нибудь из представителей Ставки. Не успевал уехать один из них, как вместо него приезжал другой. Только за первое полугодие 1942 года, кроме К.Е. Ворошилова, который почти постоянно находился в войсках Волховского и Ленинградского фронтов, здесь побывали начальник Главного политического управления Красной армии армейский комиссар первого ранга Л.З. Мехлис и заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник А.М. Василевский, роль которых сводилась в основном к тому, чтобы контролировать выполнение решений Ставки и подталкивать командование фронтом и армий на своевременное выполнение этих решений, а также поднимать моральный дух войск фронта. Но их присутствие в войсках соединений фронта не всегда приносило пользу. Чаше

всего было наоборот. В присутствии высокопоставленных военачальников командиры частей лишались всякой инициативы и возможности самостоятельно принимать необходимые решения без оглядки на них. Конечно, присутствие в войсках фронта военачальников высокого ранга и особенно легендарного полководца времен Гражданской войны маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова немного поднимало моральный дух личного состава. Но если у пехотинца нет патронов, у артиллериста – снарядов, а у командующих армиями и фронтом – танков и самолетов, то одним, даже самым высоким, моральным духом много не навоюешь и врага не победишь. Кроме представителей Ставки ВГК на Волховский фронт приезжали и другие военачальники Красной армии и чиновники советского правительства высокого ранга. Но ни один из них, кроме начальника артиллерии Красной армии Н.Н. Воронова и заместителя наркома обороны А.В. Хрулева, никакой помощи по улучшению снабжения войск оружием, боеприпасами, продовольствием и другими материальными средствами этому фронту не оказал.

Благодаря усилиям А.В. Хрулева уже в начале февраля 1942 года вся артиллерия, предназначенная для ВФ, прибыла на место и была рассредоточена по армиям этого фронта. Получила ее и 2-я ударная армия. Но снаряды по-прежнему поступали в ограниченном количестве, их хватало только для очень коротких артиллерийских обстрелов позиций противника перед началом наступления. Но, несмотря на это, войска 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса перешли в наступление и решительными действиями прорвали вторую вражескую линию обороны. В образовавшийся прорыв вошла значительная часть войск этих соединений. Но утром следующего дня гитлеровцы потеснили наши войска с флангов и закрыли образовавшуюся брешь в своей обороне. В результате часть войск 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса оказались отрезанными от основных сил этой армии и фронта и в течение пяти суток были вынуждены вести бои в окружении немецких войск. И только на шестые сутки ночной атакой они прорвали оборону противника с тыла, вышли из

окружения и соединились с основными силами 2-й ударной армии.

Причиной неудачного наступления 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса на этот раз послужило то, что входившие в их состав дивизии в предыдущих боях понесли значительные потери и имели очень большой некомплект личного состава, а также отсутствие танков, авиационного прикрытия и недостаточное количество боеприпасов. Кроме того, анализируя неудачи 2-й ударной армии, Военный Совет и командование ВФ вскрыли целый ряд серьезных недостатков в руководстве этой армии. Плохо было организовано взаимодействие штаба армии со штабами ее соединений и 13-го кавалерийского корпуса, что явилось следствием нечеткого руководства войсками этой группы. Приказы и распоряжения на выполнение боевых задач некоторые части получали с опозданием на сутки, а иногда и больше. Кроме этих было выявлено и много других недостатков в этой армии, которые отрицательно влияли на ход боевых действий и привели к невыполнению поставленных перед ней задач. Поэтому в начале марта 1942 года по представлению Военного Совета и руководства ВФ Ставка Верховного Главного Командования освободила от занимаемых должностей начальника штаба 2-й ударной армии генерал-майора В.А. Визжилина и начальника оперативного отдела этой армии полковника В.И. Пахомова. Вместо них на эти должности были назначены полковник П.С. Виноградов и комбриг Буренин соответственно, а на должность заместителя командующего 2-й ударной армией был назначен генерал-майор П.Ф. Алферьев.

В эти мартовские дни 1942 г. в штаб ВФ возвратился уезжавший в Москву К.Е. Ворошилов, а вместе с ним прибыли член Государственного Комитета Обороны Г.М. Маленков, заместитель командующего военно-воздушными силами Красной армии генерал-лейтенант авиации А.А. Новиков и бывший командующий 20-й армией генерал-лейтенант А.А. Власов, которого Ставка назначила на должность заместителя командующего войсками Волховского фронта. После проведенной рокировки командных кадров и частичного устранения имеющихся недостатков войска

2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса снова перешли в наступление и к середине марта 1942 года вклинились в глубину обороны противника на 60–70 километров, захватили между дорогами сообщением Чудово–Новгород и Ленинград–Новгород большой лесисто-болотистый район и подошли на расстояние 15 километров к Любани. К этому времени и 54-я армия ЛФ, наступавшая на Любань с другой стороны, прорвала вражескую линию обороны в районе н.п. Кириши, продвинулась на 20 километров и тоже подошла на расстояние 15 километров к Любани.

В результате этой операции крупная группировка войск вермахта оказалась зажатой с двух сторон нашими войсками на 30-километровой полосе вокруг Любани. Таким образом, сложившаяся в этом районе ситуация давала возможность нашим войскам окружить и уничтожить эту группировку немецких войск и освободить Любань. И командующие Волховским и Ленинградским фронтами намеривались сделать это. Но осуществить эту операцию у ВФ и 54-й армии ЛФ, войска которых в длительных боях с гитлеровцами понесли большие потери личного состава и техники, уже не было сил. Очередную просьбу Мерецкова – выделить ВФ дополнительное количество войск – Ставка опять отклонила. Не пополнила Ставка личным составом и вооружением и 54-ю армию ЛФ. К тому же в это время уже началась весенняя распутица, из-за которой нарушилось снабжение войск материально-техническими средствами. Все это привело к тому, что не только не осуществились замыслы Мерецкова и Хозина по разгрому немецкой группировки войск в районе Любани, но и наступление наших войск под Любанью прекратилось. В результате возникла угроза нанесения ударов войсками противника по флангам горловины мешка, расположенной в четырех километрах к западу от н.п. Мясной Бор между шоссе и железной дорогой сообщением Чудово–Новгород, а также перехвата коммуникаций 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса. Эти опасения оправдались. Немецкое командование стянуло в этот район свежие пехотные и полицейские части и направило их против войск 52-й и 59-й армий, удерживавших фланги этой горловины. И с помощью интенсивного

артиллерийско-минометного огня и бомбовых ударов авиации гитлеровцам удалось сломить сопротивление этих армий и 19 марта 1942 года закрыть горловину мешка. К этому времени уже все войска 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса вошли в Любаньский мешок и, оказавшись в кольце вражеского окружения, полностью лишились снабжения. И несмотря на отчаянные атаки, предпринимаемые войсками 52-й и 59-й армий, открыть горловину этого мешка им не удалось. Стало ясно, что имеющимися силами этих двух армий прорвать оборону противника в данном районе и сорвать его замыслы по окружению группировки наших войск под Любанью не удастся. Поэтому командование ВФ перебросило в район Мясного Бора в помощь 52-й и 59-й армиям одну мотострелковую дивизию из 4-й армии, усиленную танками, а также курсантов из школы младших и средних командиров. И только после этого в ходе двухдневного ожесточенного боя нашим войскам удалось сломить сопротивление противника и продвинуться на четыре километра. Но полностью прорвать кольцо вражеского окружения 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса им не удалось. А на третий день этого боя немцы при поддержке артиллерии и авиации остановили дальнейшее продвижение войск 52-й и 59-й армий, а затем и отбросили их к реке Полесье. Но с наступлением ночи войска этих армий, с помощью фронтового подкрепления, вернули утраченные позиции. А на следующий день, при поддержке «катюш», они смяли немецкие части, державшие оборону по насыпи железной дороги сообщением Чудово—Новгород и отбросили их в северном и южном направлениях. В результате этих действий горловину Любаньского мешка нашим войскам удалось открыть, и во 2-ю ударную армию и 13-й кавалерийский корпус снова пошел транспорт с боеприпасами, продовольствием, фуражом и всем остальным, что необходимо для воюющих войск.

А когда угроза окружения любаньской группировки наших войск была полностью ликвидирована, командование ВФ приступило к подготовке нового наступления на Любань. К этому времени Ставка ВГК, хоть и с большим опозданием, но все-таки

выделила ВФ часть войск из своего резерва. Получив дополнительные силы, командование ВФ с разрешения Ставки на базе выведенной в резерв фронта гвардейской стрелковой дивизии и из частей, прибывших из резерва Ставки, сформировало новый 6-й гвардейский стрелковый корпус, предназначенный для усиления любаньской группировки наших войск, который по численности личного состава и вооружения значительно превосходил 2-ю ударную армию. В это время был заменен и тяжело больной командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант М.К. Клыков, вместо которого в апреле 1942 года, по предложению Мерецкова, Ставка ВГК назначила бывшего заместителя командующего войсками ВФ генерал-лейтенанта А.А. Власова.

В первый же день прибытия Власова во 2-ю ударную армию он в течение первой половины дня вместе с Деменевым и Виноградовым объехал большинство соединений этой армии, где подробно ознакомился с обстановкой, сложившейся в их войсках. А во второй половине дня в штабе армии новый командарм провел совещание командного состава всех частей и подразделений 2-й ударной армии, на котором заслушал подробный отчет командиров о состоянии возглавляемых ими частей и о том, что необходимо сделать, чтобы повысить боеготовность их соединений. Он также дал им указание немедленно приступить к активной подготовке войск к предстоящим боевым действиям и приказал в трехдневный срок лично ему доложить о готовности войск к наступлению.

Вечером Власов пригласил Деменева в свой кабинет, где они вдвоем «обмыли» его новое назначение. За бутылкой коньяка Власов рассказал Деменеву о боях под Москвой, где он командовал 20-й армией, а также о том, что сказал И.В. Сталин, вручая ему в Кремле орден Красного Знамени за битву под Москвой.

«Под Москвой мы сломали хребет фашистскому зверю, – сказал Сталин, – и теперь он хоть и медленно, но уверенно, зализывая свои раны, отступает на запад, и обратно дороги ему уже не будет. Поэтому за Москву мы можем быть спокойны. А вот Ленинград уже несколько месяцев находится в немецкой блокаде, один на один с фашистской агрессией, голодной и холодной

смертью. И если в ближайшее время мы не освободим его, то люди там просто умрут от голода и холода. Но, несмотря на все наши усилия, нам пока не удастся разгромить вражескую группировку войск под Ленинградом и освободить этот город. Задача по освобождению Ленинграда возложена на Волховский и Ленинградский фронты. Но дела там идут плохо. Войска ВФ топчутся на месте и никак не могут пробиться к Ленинграду. Видимо, командующий этим фронтом Мерецков не в состоянии мобилизовать все силы вверенного ему фронта на выполнение поставленной задачи. И если так и дальше будет продолжаться, то Мерецкова придется освободить от командования Волховским фронтом и назначить на эту должность Вас, товарищ Власов. Но не сразу. Поработайте пока заместителем у товарища Мерецкова. Изучите сложившуюся там обстановку. Познакомьтесь с командным и политическим составом фронта. А также подумайте, что необходимо сделать для того, чтобы оживить боевые действия ВФ и выполнить поставленную перед ним задачу? Езжайте, товарищ Власов, на ВФ и приступайте к исполнению своих новых обязанностей».

Рассказал Власов Деменеву и о том, что как только он ознакомился с обстановкой, сложившейся на Волховском фронте, то стал настаивать на том, чтобы направить в помощь войскам 2-й ударной армии и 13-му кавалерийскому корпусу дополнительные силы или вывести эти соединения из Любаньского мешка, дабы избежать полного их окружения и уничтожения. Командующий фронтом Мерецков тоже придерживался такой точки зрения, о чем неоднократно информировал Ставку ВГК. Но Ставка не поддерживала эти предложения и потребовала немедленного наступления на Любань имеющимися у ВФ силами.

Посетовал Власов и на то, что за долгие годы службы в Красной армии он привык сам командовать войсками, независимо от того, какой величины было это соединение. Поэтому должность заместителя командующего войсками ВФ, хоть и была выше предыдущей, но, не имеющая четкого очертания круга обязанностей, тяготила его. К тому же эту должность он считал временной и надеялся в ближайшее время получить более высокую, или любую

другую, но командную. Однако время шло, а его командующим ВФ почему-то не назначали и никуда не перемещали, и он вынужден был заниматься несвойственным ему делом – быть мальчиком на побегушках. Поэтому к возложенным на него обязанностям он умышленно относился пассивно, не проявляя особой инициативы. И даже поручения командующего фронтом Мерецкова выполнял небрежно. Мерецков заметил это и вызвал его на откровенную беседу, в ходе которой Власов высказал свое отношение к занимаемой должности. Выслушав Власова, Мерецков пообещал согласовать со Ставкой вопрос о перемещении его на командную должность. И вот вместо назначения командующим фронтом он уже второй раз получает назначение с понижением – командующим армией.

А в конце их беседы Власов высказал мысль, от которой у Деменева пробежал мороз по коже, а из головы моментально улетучился хмель:

– Вы, Герасим Владимирович, наверно, заметили, что то положение, в котором сейчас находятся 2-я ударная армия и 13-й кавалерийский корпус, напоминает ту ситуацию, в которой в сентябре 1941 года оказался Юго-Западный фронт, – сказал Власов. – Чем все там закончилось, мы с Вами хорошо знаем. И если Ставка не примет кардинальных мер, подобных тем, которые были приняты в 1941 году под Ростовом и Москвой, то эти соединения ждет окружение, из которого так же, как и из Киевского котла, вырваться будет очень сложно. Красная армия не только в очередной раз потеряет целую армию и кавалерийский корпус, но и не добьется в ближайшее время снятия блокады Ленинграда, что приведет к гибели от голода и холода не одной сотни тысяч жителей этого города. Нам, солдатам, призванным защищать свою страну, умирать не страшно. Это наша работа, и мы ее должны выполнять в любых условиях, невзирая ни на какие трудности. А вот ленинградцев, умирающих по вине бездарного руководства, жаль.

На этой печальной ноте беседа Власова с Деменевым закончилась, и разошлись они далеко за полночь.

Придя в свой кабинет, Деменев лег не раздеваясь. Но уснуть он так и не смог. Слова Власова о дальнейшей судьбе 2-й ударной

армии не выходили из его головы. Ему не хотелось в это верить. Но обстановка, складывающаяся вокруг 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса, подтверждала это. Да и все предыдущие предположения Власова, которые он высказывал как накануне войны, командуя 4-м механизированным корпусом в КОВО, так и в ее начале на ЮЗФ в 1941 году, сбылись. Поэтому у Деменева были все основания считать, что пророческие слова Власова могут сбыться и здесь под Любанью.

Спустя три дня после назначения Власова командующим 2-й ударной армией был проведен расширенный Военный Совет этой армии, с участием командиров всех ее подразделений и 13-го кавалерийского корпуса, где на основании плана ВФ и директивы Ставки был разработан и утвержден план подготовки войск этих соединений к предстоящему наступлению. И чем бы это наступление закончилось, неизвестно. Но, учитывая боевой настрой командного и политического состава этих соединений, а также пополнение 2-й ударной армии 6-м гвардейским стрелковым корпусом, возможно, это был бы последний бой по прорыву блокады Ленинграда, и миллионы ленинградцев остались бы живы. Но запланированному наступлению не суждено было свершиться. Решением Ставки Верховного Главного Командования от 23 апреля 1942 года Волховский фронт неожиданно был преобразован в Волховскую оперативную группу, которую подчинили Ленинградскому фронту. Командующего Волховским фронтом генерала армии К.А. Мерецкова перевели на должность заместителя главнокомандующего войсками Западного направления, которым в то время командовал маршал Советского Союза Г.К. Жуков, а 6-й гвардейский стрелковый корпус и еще одну стрелковую дивизию теперь уже бывшего ВФ передали Северо-Западному фронту. Причина такой реорганизации стала известна немного позже. Оказывается, убедил Ставку в необходимости объединения этих двух фронтов командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант М.С. Хозин, который был уверен, что силами объединенного фронта он решит задачу деблокаживания Ленинграда. На самом деле такое объединение не принесло положительных

результатов. Лишившись значительной части своих соединений, войска ВОГ утратили свою и без того не очень высокую боеспособность. Но, несмотря на это, генерал Хозин не принял никаких мер по приведению в боевую готовность войск этой группы. Все это привело к тому, что Ленинград деблокировать не удалось. Зато немцы, воспользовавшись нашей неразберихой, смогли в очередной раз перерезать коммуникации 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса, в результате чего наши войска вынуждены были длительное время вести бои в окружении, не получая ни боеприпасов, ни продовольствия, ни фуража. И несмотря на такое удручающее состояние этих соединений, Хозин планировал бросить в наступление на Любань 2-ю ударную армию и 13-й кавалерийский корпус без дополнительных резервов, тяжелой артиллерии и авиационного прикрытия. Но Власов убедил его не делать этого, потому что 2-я ударная армия, потерявшая к этому времени в боях значительную часть личного состава и вооружения, только по названию оставалась ударной, фактически же по количеству личного состава она была равна одному корпусу, а по вооружению и того меньше. Из-за длительного участия в боях без пополнения и больших потерь личного состава значительно поредели ряды и 13-го кавалерийского корпуса. В таком состоянии эти соединения не могли не только наступать, но даже обороняться с большим трудом. А пополнить их личным составом и обеспечить боеприпасами и другими материально-техническими средствами через вражескую линию фронта было практически невозможно. Поэтому Власов предложил Хозину вывести 2-ю ударную армию и 13-й кавалерийский корпус из Любаньского мешка на доукомплектование и отдых. Хозин согласился с мнением Власова и обратился с этим предложением в Ставку, которая своей директивой от 21 мая 1942 года разрешила это сделать. Получив добро Ставки на отступление, войска 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса решительными действиями пробили во вражеской обороне узкую брешь и начали выходить из окружения. И, несмотря на активные действия противника, простреливавшего этот узкий коридор со всех сторон всеми видами оружия, некоторой части любаньской

группировки наших войск удалось выйти в расположение 52-й и 59-й армий. Но немцы не могли упустить такую крупную добычу, попавшую в их сети. И когда поняли, что через пробитую в их обороне брешь советское командование больше не наращивает свою группировку войск на любаньском направлении, а, наоборот, выводит их оттуда, то перебросили в район прорыва дополнительные силы и, несмотря на отчаянное сопротивление наших войск, закрыли горловину Любаньского мешка. В результате выход войск 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса из окружения прекратился. К тому же в это время немцы смяли боевые порядки этих соединений с тыла и ворвались в них с запада. Чтобы открыть дорогу для выхода наших войск из Любаньского мешка, им навстречу была послана 59-я армия, которая 5 июня 1942 года нанесла удар по врагу, но желаемых результатов не добилась.

В связи с создавшимся положением в районе Волхова и Ленинграда Ставка Верховного Главного Командования своей директивой от 3 июня 1942 года освободила генерал-лейтенанта М.С. Хозина от должности командующего ленинградским фронтом и назначила на эту должность генерал-лейтенанта Л.А. Говорова. А директивой Ставки ВГК от 8 июня 1942 года был восстановлен Волховский фронт, командующим которым снова назначили генерала армии К.А. Мерецкова.

К этому времени семь дивизий и шесть бригад 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса все еще находились в полном вражеском окружении и испытывали острую нужду в боеприпасах, продовольствии и фураже. Арьергардные части этих соединений под натиском противника с ожесточенными боями медленно отходили на восток, а их авангард тщетно пытался прорвать вражеское кольцо окружения. А войска 52-й и 59-й армий, растянутые на широком фронте, не только не смогли открыть захлопнувшуюся горловину Любаньского мешка, но и еле сдерживали натиск врага, пытавшегося расширить разрыв между ними и войсками, находящимися в окружении. Чтобы сломить сопротивление противника и открыть нашим войскам путь для выхода из окружения, командованию вновь восстановленного Волховского

фронта, несмотря на отсутствие резервов, удалось сформировать группу войск, состоящую из четырех стрелковых бригад и одного танкового батальона, и 10 июня 1942 года бросить ее на прорыв вражеского кольца навстречу войскам 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса. Но сломить сопротивление войск вермахта они не смогли, и пробить коридор во вражеском кольце им не удалось. А в это время гитлеровцы нарастили в этом районе свои силы и активизировали боевые действия. С севера, западнее ленинградского шоссе, наступали части трех пехотных дивизий вермахта, одной полицейской дивизии СС и трех бригад, снятых с других участков фронта. Со стороны Новгорода действовали две крупные группы немецких войск, а с запада на любаньскую группировку наших войск наступали две пехотные и одна охранная дивизии противника. Разгорелись ожесточенные бои, которые беспрерывно велись в течение девяти дней, не прекращаясь ни на один миг. И только на десятый день 19 июня 1942 года танкистам нашей 29-й танковой бригады вместе с пехотой удалось прорвать оборону противника, пробить вдоль железной дороги коридор шириной 300–400 метров и выйти на соединение с войсками 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса, пытавшихся прорвать вражеское кольцо окружения с запада. По этому узкому коридору в направлении н.п. Мясной Бор, под шквальным огнем противника, снова возобновился выход наших войск из Любаньского мешка. Первыми, как и полагается в таких случаях, вышли из окружения раненые. А вслед за ними, вместо того чтобы направить все усилия на расширение пробитого коридора и закрепление его флангов, стихийно потянулись и другие части 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса. В результате создалась критическая ситуация, которая в любой момент могла привести к закрытию гитлеровцами спасительного коридора. Чтобы не допустить этого, нужно было принимать срочные меры. Но командарм Власов на этот раз повел себя пассивно и не принял никаких мер по обеспечению безопасности флангов коридора. И, несмотря на неоднократные предложения штаба и Военного Совета армии, даже не попытался придать выходу войск армии из окружения

организованный характер. Не увенчались успехом и попытки командования ВФ создать из солдат и офицеров, уже вышедших из окружения, сводные отряды, чтобы использовать их для удержания флангов коридора, по которому продолжали выходить наши войска из Любаньского мешка. Такая ситуация оказалась на руку гитлеровцам, и они не замедлили воспользоваться ею. На второй день после нанесения массированного удара артиллерией и авиацией они перешли в наступление, смяли наши оборонительные позиции по восточному берегу реки Полесье и снова полностью закрыли пробитый нашей 29-й танковой бригадой коридор. В результате путь для выхода войск любаньской группировки из окружения опять оказался закрытым. Одновременно с этим немцы усилили нажим на наши окруженные войска с запада. Все это привело к тому, что к 23 июня 1942 года район, занимаемый 2-й ударной армией и 13-м кавалерийским корпусом, сократился до таких размеров, что уже простреливался артиллерией противника на всю его глубину. Последняя площадка, на которую наши самолеты сбрасывали военные грузы и продовольствие, оказалась в руках противника. Оставшись без боеприпасов и продовольствия, никем не управляемые войска любаньской группировки продолжали беспорядочно отходить в направлении Мясного Бора к бывшему коридору, не зная о том, что он уже наглухо закрыт гитлеровцами. Но, несмотря на это, командарм Власов по-прежнему бездействовал, а попытки его заместителя генерал-майора П.Ф. Алферьева задержать на последнем промежуточном рубеже отступающие в никуда войска не увенчались успехом.

Чтобы обеспечить выход из окружения войск 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса, командование ВФ мобилизовало все имеющиеся в его наличии силы и подготовило встречный удар войсками 52-й и 59-й армий с востока, который намечалось провести ночью с 23 на 24 июня 1942 года. Большинство командиров частей и соединений, находящихся в любаньском мешке, удалось предупредить о предстоящей встречной атаке и что нужно приложить все усилия для того, чтобы она была доведена до конца. Но и противнику о готовящейся атаке войск ВФ, видимо,

тоже стало известно. И днем 23 июня 1942 года он осуществил интенсивную бомбардировку наших войск, находящихся в Любаньском мешке, и позиций войск 52-й и 59-й армий, готовящихся к наступлению навстречу окруженным. В ходе этой бомбардировки некоторые мероприятия по занятию соединениями 52-й и 59-й армий исходных позиций для атаки были сорваны. Но, несмотря на это, поздним вечером 23 июня 1942 года артиллерия этих армий нанесла короткий удар по противнику, после которого под руководством штаба 2-й ударной армии началось движение войск этой армии и 13-го кавалерийского корпуса, навстречу которым вышли танки 29-й танковой бригады с десантом пехоты. Но в это время противник открыл по нашим войскам ураганный артиллерийский огонь и с помощью ночных бомбардировщиков произвел интенсивную бомбардировку с воздуха. В ходе этих артобстрелов и бомбардировок узел связи 2-й ударной армии был разбит, в результате чего связь штаба этой армии со штабами ее соединений и 13-го кавалерийского корпуса, а также со штабом Волховского фронта полностью прервалась. Все это привело к тому, что и так дезорганизованное по вине командарма Власова управление войсками 2-й ударной армии оказалось полностью нарушено. Но, несмотря на это, войскам этой армии удалось к утру 24 июня 1942 года пробить во вражеской обороне небольшой коридор вдоль узкоколейной железной дороги, по которому возобновился выход наших войск из Любаньского мешка, продолжавшийся до обеда. Однако во второй половине дня 24 июня 1942 года немцы снова закрыли этот коридор. Потеряв связь со штабом Волховского фронта, а вместе с ней и надежду на подкрепление, Власов отдал войскам 2-й ударной армии свой последний приказ: «Выходить из окружения мелкими группами, кто где хочет и кто как сможет». После чего полностью самоустранился от руководства армией. А к вечеру 24 июня 1942 года соединениям 52-й и 59-й армий, действующим с востока, в очередной и последний раз удалось открыть коридор во вражеской обороне, по которому под перекрестным огнем гитлеровцев в течение всей ночи с 24 на 25 июня 1942 года, хоть и неорганизованно, но продолжался выход

войск 2-й ударной армии и 13-го кавалерийского корпуса из окружения. За это время почти вся конница 13-го кавалерийского корпуса успела проскочить через этот коридор и выйти из окружения. А вот безлошадным пехотинцам и другим родам войск 2-й ударной армии повезло меньше. Многие ее бойцы и командиры в результате непрерывных длительных боев и недоедания совершенно обессилили и с трудом передвигались, а некоторые даже находились в полубессознательном состоянии и не понимали, куда и зачем они идут. Поэтому шли войска этой армии очень медленно, и большинство из них не только не успели пройти через спасительный коридор, но и дойти до него. К тому же последнее распоряжение командарма Власова и самоустранение его от командования армией, а также отсутствие связи окончательно подорвали моральный дух личного состава. Поэтому ни о каком организованном сопротивлении противнику этой еле передвигавшейся и никем не управляемой массы людей и речи не могло быть. Все это привело к тому, что с большим трудом пробитый нашими войсками во вражеской обороне коридор утром 25 июня 1942 года немцы снова закрыли и на этот раз уже навсегда, тем самым окончательно перекрыли войскам 2-й ударной армии единственный выход из окружения. Ни с внутренней стороны кольца немецкого окружения войскам 2-й ударной армии, ни с наружной его стороны 52-й и 59-й армиям прорвать это кольцо больше нигде не удалось.

Лишившись последней возможности и надежды выйти из окружения, войска 2-й ударной армии, достигшие уже закрытого гитлеровцами коридора, остановились. Но вслед за ними, еще не зная, что он уже закрыт, к нему продолжали подходить остальные части этой армии. В результате в этом районе скопилось большое количество никем не управляемых войск 2-й ударной армии вместе с ее штабом и командармом Власовым. Такой мишенью не замедлило воспользоваться немецкое командование и осуществило интенсивную бомбардировку с воздуха. В сложившейся обстановке нужно было принимать срочные меры, чтобы вывести людей из-под удара немецкой авиации. Заместитель командующего армией генерал-майор П.В. Алферьев и начальник штаба полковник

П.С. Виноградов попытались уговорить Власова продолжить командование армией или возложить эти обязанности на другого генерала. Но Власов никого и ничего не хотел слушать и твердил одно: «Делайте, что хотите». Зная, что Деменев с Власовым очень давно знакомы и находятся в дружеских отношениях и что Власов всегда относился к нему с уважением и прислушивался к его мнению, Алферьев и Виноградов попросили его поговорить с Власовым наедине. Но когда Деменев подошел к нему, то увидел перед собой совсем другого человека, совершенно не похожего на того прежнего боевого, целеустремленного, волевого генерала Власова, которого он знал до этого. Перед ним стоял совершенно безвольный, ко всему равнодушный, с отрешенным взглядом и злым лицом человек, который, увидев подошедшего к нему Деменева, сказал:

– Что, и ты, Герасим Владимирович, пришел меня уговаривать?

– Да, Андрей Андреевич, – ответил Деменев. – Я считаю, что в сложившейся обстановке Вы обязаны продолжать командовать армией. Люди уважают Вас и верят Вам, поэтому охотно пойдут за Вами туда, куда Вы их поведете. Вы, Андрей Андреевич, и только Вы в этой критической ситуации можете направить разлагающиеся войска в нужное русло и вывести людей из этой ловушки. Вспомните Киевский котел. Тогда основная часть войск 37-й армии вышла из окружения лишь только потому, что выходила организованно под Вашим непосредственным руководством. А те соединения 37-й армии, которые оказались отрезанными от основных ее сил и выходили самостоятельно, погибли. Неужели Вы хотите, чтобы войска 2-й ударной армии постигла та же участь? Ведь своим отказом от командования армией Вы обрекаете ни в чем не повинных людей на верную смерть. Если это случится, то Вас проклянут не только Ваши друзья и родственники этих несчастных людей, но и Ваши родные. Опомнитесь, Андрей Андреевич, пока еще не поздно, и примите правильное решение.

Пока Деменев говорил, Власов молчал и ни разу не перебил его, только лицо его с каждой минутой становилось все злее и злее. А когда Деменев замолчал, то Власов спросил:

– У Вас все?

– Да, – ответил Деменев. – Мне больше нечего добавить к сказанному.

Власов немного помолчал, а затем сказал:

– Я Вас, Герасим Владимирович, слушал лишь только потому, что мы с Вами давно знаем друг друга, и я к Вам очень хорошо отношусь. Все, что Вы сказали, я и сам знаю. Но мне надоело быть пешкой в руках бездарного командования, по вине которого мы здесь в окружении, пухнувшие от голода и не имеющие боеприпасов, в течение трех месяцев, истекая кровью, сдерживали натиск превосходящих сил противника и не дали ему возможности уничтожить нас. А Генеральный штаб и Ставка Верховного Главного Командования, имея в своем распоряжении неограниченные силы, которые при умелом руководстве могли бы сломить и уже не раз ломали во многих местах оборону противника, не приняли никаких мер для того, чтобы дать возможность нашей армии вырваться из этого мешка, и обрекли ее на верную гибель. И аналогичная ситуация повторяется уже не первый раз. За год этой войны уже несколько армий и даже фронтов погибли в подобных мешках. Наше Верховное Главное Командование – как будто специально загоняет свои войска в немецкие ловушки, а затем бросает их на произвол судьбы, обрекая на полное уничтожение. Поэтому я больше не могу и не хочу посылать людей на верную смерть. Пусть каждый сам за себя решает, как ему поступить в сложившейся ситуации, и выходит из окружения, где и как сможет, или сдается в плен немцам. А я участвовать в этой грязной бойне и вариться в искусственно созданных советскими военачальниками котлах больше не буду. Я возьму с собой только охранную роту, переводчика и повара и вместе с ними буду пробиваться через линию фронта отдельно от других войск армии и штаба. Что из этого получится, не знаю, загадывать заранее не буду. Но твердо знаю только одно: выйду из окружения или погибну, отвечать перед людьми и Богом буду только сам за себя.

Власов замолчал. А затем, после небольшой паузы, добавил:

– Я Вас, Герасим Владимирович, больше не задерживаю.

После чего подозвал к себе командира охранной роты капитана С.Н. Ермолина и приказал ему срочно готовить роту в дорогу. А спустя 15 минут Власов с ротой охраны, переводчиком майором К.Ф. Маргелем и поваром М.И. Вороновой ушел в западном направлении.

После ухода Власова заместитель командующего войсками 2-й ударной армии генерал-майор П.А. Алферьев и начальник штаба армии полковник П.С. Виноградов вместе с другими генералами и старшими офицерами штаба разбили эту неуправляемую массу людей на пять групп примерно по шесть тысяч человек, во главе каждой из которых назначили генералов или старших офицеров штаба армии. После чего была дана команда всем этим группам разойтись в разные стороны как можно дальше, насколько это было возможно, одна от другой и скрыться в лесу, чтобы оторваться от преследования немецкой авиации, а затем каждой группе самостоятельно пробиваться через вражеское кольцо окружения. Командиром одной из этих групп был назначен полковник Г.В. Деменев. Весь день 25 июня 1942 г. группа Деменева провела в густом хвойном лесу на небольшом острове, расположенном среди болот. Густой хвойный лес помог этой группе оторваться от прицельной бомбардировки немецкой авиации. Потеряв из виду деменевскую группу, немецкие бомбардировщики еще некоторое время продолжали бомбить лесной массив, в котором скрылась эта группа, а затем улетели в другие места Любаньского мешка, где, по-видимому, находились другие группы войск 2-й ударной армии, не сумевшие надежно замаскироваться, и немецкие самолеты поочередно бомбили их целый день. И только с наступлением сумерек бомбардировки прекратились.

За день относительного спокойствия Деменеву вместе с другими офицерами удалось убедить солдат своей группы, что только организованно в составе всей группы и при соблюдении воинской дисциплины есть надежда прорвать кольцо вражеского окружения и выйти к своим. Конечно, при этом будут потери и, возможно, значительные – объясняли офицеры солдатам. Но большинство людей останутся живы и смогут вырваться из этого кровавого

мешка. А в одиночку или мелкими разрозненными группами никто не сможет прорваться через вражеские заслоны, и всех, кто предпочтет выходить из окружения таким путем, немцы перестреляют, как зайцев, или возьмут в плен. К тому же всем объяснили, что если кто не захочет с оружием в руках прорываться через вражескую линию фронта, а предпочтет сдаться в плен, то пусть заранее скажет об этом и уходит к немцам, не дожидаясь прорыва всей группы. Силой удерживать никто никого не будет. Конечно, это было сказано лишь для того, чтобы проверить моральный дух личного состава группы и выявить неблагоденных людей. И если бы такие объявились, то их, в целях сохранения военной тайны, скорее всего, пришлось бы расстрелять. Возможно, люди это тоже понимали или действительно верили в благополучный исход прорыва, но ни один солдат и ни один офицер не стал на путь предательства и не пошел добровольно сдаваться в плен немцам.

Убедив людей, что они все еще являются бойцами Красной армии и что, если хотят остаться в живых, то должны соблюдать воинскую дисциплину, потому что только в этом их спасение, Деменев с помощью старших офицеров приступил к восстановлению организационной структуры своей группы войск. Весь личный состав был временно сведен в роты, батальоны и полки, во главе которых, тоже временно, были назначены командиры из имеющегося в группе офицерского состава, которым Деменев приказал составить поименные списки личного состава своих подразделений и передать их в штаб группы, после чего привести в порядок оружие и обмундирование и до наступления ночи отдыхать. Пока солдаты и офицеры приводили себя и оружие в порядок, тоже временно организованной интендантской службе удалось собрать и взять на строгий учет все имеющиеся в группе скудные запасы продовольствия и хоть сухим пайком накормить людей. Все эти меры дали положительные результаты, и уже к вечеру деменевская группа войск стала похожа на воинское соединение. А с наступлением ночи эта группа двинулась в сторону реки Полесь, но попала под сильный минометно-артиллерийский обстрел противника и вынуждена была отступить. Выйдя из-под обстрела, группа повернула

на север, где наткнулась на минно-фугасное поле и была обстреляна интенсивным минометно-пулеметным огнем противника, в результате чего вынуждена была вернуться обратно. Поняв, что на этих направлениях через линию фронта не прорваться, Деменев принял решение отвести свою группу войск глубже в тыл противника, а затем, продвинувшись на несколько километров к северу, попытаться перейти линию фронта в другом месте. Но пока выдвигались в другой район, наступил рассвет, а днем идти на штурм немецких позиций было равносильно самоубийству. Поэтому Деменев принял решение найти погуще лес и остановиться там на дневку, а ночью повторить попытку прорыва. Отдохнув и скоротав день в лесном массиве, с наступлением следующей ночи группа Деменева снова предприняла попытку прорваться через линию фронта, которая опять оказалась неудачной. Сильный артиллерийско-минометный огонь противника заставил группу снова отступить и отойти от линии фронта подальше в лес, чтобы дожидаться там следующей ночи и повторить попытку прорыва немецкой обороны в новом месте. Но и на этот раз атака сорвалась и не принесла ожидаемых результатов. И так продолжалось в течение четырех суток. За это время были съедены все продукты, поэтому пришлось резать тех немногочисленных лошадей, которые находились в этой группе, и кормить людей конским мясом. Но и лошадей уже оставалось очень мало, их мяса хватило бы не более чем на два дня, после чего пришлось бы умирать голодной смертью. Поэтому на совещании всего офицерского состава деменевской группы войск было принято решение в ночь с 30 июня на 1 июля 1942 года идти на прорыв вражеских позиций до конца, независимо от того, какое сопротивление противник окажет нашим войскам. Всех все равно не перебьют, кто-нибудь да останется в живых и прорвется через линию фронта. А если продолжать сидеть в лесу, то или с голоду все умрут, или гитлеровцы при зачистке местности всех уничтожат. С таким напутствием офицеры и разошлись по своим подразделениям, чтобы подготовить людей к предстоящему прорыву и узнать их мнение. И во второй половине дня, после того как командиры всех частей доложили Деменеву

о готовности их подразделений к предстоящему прорыву, было принято решение начать штурм вражеских позиций в 23 часа. До начала атаки Деменев приказал всему личному составу своей группы еще раз проверить и привести в порядок оружие, после чего отдыхать, чтобы набраться сил для предстоящего боя. А чтобы немцы при зачистке Любаньского мешка не застали отдыхающих врасплох, он направил в разные направления несколько дозоров для выяснения обстановки.

Неизвестно, чем бы закончился предстоящий ночной бой, если бы немецкое командование не внесло свои коррективы. Оказывается, в этот день 30 июня 1942 года немцы начали зачистку местности Любаньского мешка и проводили ее целый день. Но об этом в группе Деменева пока не знали, хотя и слышали периодически возникающие перестрелки в разных местах. А в 6 часов вечера один из дозоров доложил Деменеву, что в направлении деменевской группы идут какие-то войска, численностью около одного батальона, одетые в форму, чем-то похожую на форму старой русской армии, и говорят на русском языке. Кроме того, дозорным удалось незаметно взять и привести в расположение деменевской группы «языка» – 18-летнего солдата, который с испугу ничего толком объяснить не мог. Единственное, что у него удалось узнать, так это то, что шел он в составе батальона, состоящего из белых офицеров и казаков, эмигрировавших после Гражданской войны в России за границу, и мобилизованных русских эмигрантов, проживающих за границей, и что этот батальон в составе дивизии Отдельного Русского Корпуса, дислоцировавшегося в Югославии, в сентябре 1941 года был отправлен на оккупированную немцами территорию Советского Союза, где они охраняли различные объекты и уничтожали партизан. Во втором квартале 1942 года эту дивизию перебросили на восточный фронт под Любань воевать с Красной армией. А сегодня, 30 июня 1942 года, несколько ее батальонов немцы послали для уничтожения советских войск, попавших в окружение. Получив такую информацию, Деменев срочно собрал на совещание весь командный состав своей группы, на котором было принято решение уничтожить наступающую

на них группу противника или взять ее в плен. Для этого было решено рассредоточить войска деменевской группы в виде дуги, направленной концами в сторону флангов противника, и в таком положении занять оборону. А когда вражеский батальон достигнет вершины «дуги» и вступит в бой с нашими войсками, то наши фланговые части окружат его и приступят к уничтожению. Бой должен продолжаться до тех пор, пока этот батальон не будет полностью уничтожен или не сдастся в плен. Ни один казак (так впредь их будет называть Деменев) не должен вырваться из нашего окружения. Получив боевое задание, офицеры разошлись по своим подразделениям, подняли солдат по тревоге и приступили к выполнению поставленной задачи – заняли дуговую оборону и приготовились к встрече противника. А вскоре показались вражеские войска, которые, ничего не подозревая, спокойно шли в направлении верхушки «дуги» нашей обороны. И когда они достигли ее, то неожиданно были обстреляны нашими войсками одновременно с трех сторон. Завязался бой, который длился около получаса, а затем казаки обратились в бегство. Но к этому времени наши фланговые части замкнули кольцо окружения вражеского батальона и встретили бегущих казаков плотным огнем. Поняв, что путь для отступления им закрыт и они находятся в окружении, казаки стали бросать оружие и сдаваться в плен. А несколько старых генералов и офицеров, в том числе и командир казацкого батальона, поняв, что они попали в безвыходное положение, застрелились сами.

Встреча с нашими частями для казаков оказалась настолько неожиданной, что они даже не успели сообщить своему командованию, что вступили в бой с большой группой советских войск. В ходе этого короткого боя большинство казаков было уничтожено, а около сотни взято в плен. Среди пленных оказался и бывший друг Деменева – начальник оперативного отдела кавалерийского корпуса полковник царской армии В.П. Тарасов, с которым Деменев в Первую мировую войну вместе воевал с немцами и австро-венграми в корпусе под командованием генерала П.Н. Краснова. Допросив нескольких старших офицеров и генералов плененного батальона и узнав цель их рейда, Деменев предложил начальнику

штаба казацкого батальона генералу Ф.И. Лысенко в обмен на жизнь сообщить своему командованию, что батальон встретил и уничтожил большую группу советских солдат и офицеров 2-й ударной армии, продолжает двигаться по намеченному маршруту и к 23 часам 30 июня выйдет в расположение своей дивизии. Лысенко согласился с предложением Деменева и передал эту информацию в штаб своей дивизии.

Времени до намеченного прорыва деменевской группы войск через линию фронта оставалось еще целых три часа. И Деменев снова собрал на совещание всех командиров частей своей группы, на котором предложил новый план прорыва, который заключался в следующем: снять с убитых казаков обмундирование, одеть в него наших солдат и офицеров и вооружить их казацким оружием. Пленных казаков надежно охранять, чтобы никто из них не сбежал и не сообщил своему командованию, что случилось с их батальоном. А перед началом прорыва вернуть пленным казакам их оружие, предварительно сняв с него затворы, и под охраной наших солдат, одетых в казацкую форму, пустить их впереди колонны наших войск. За казаками пустить наших солдат и офицеров, переодетых в казацкую форму, а уже за ними пойдут остальные войска деменевской группы, одетые в советскую форму. О предстоящей операции в новом варианте пленным казакам и всему личному составу деменевской группы сообщить за полчаса до начала выступления на штурм вражеских позиций. А если пленные казаки не согласятся участвовать в этой операции, то их решено было ликвидировать. Новый план прорыва, предложенный Деменевым, с дополнениями, частичными изменениями и уточнениями подробностей офицеры одобрили и разошлись по своим подразделениям готовить личный состав к предстоящему прорыву.

До начала штурма вражеских позиций оставалось еще два часа. И пока войска группы под руководством своих командиров готовились к выступлению, Деменев с офицерами штаба решил более подробно поговорить с тремя пленными казаками – начальником штаба батальона Ф.И. Лысенко, его заместителем полковником В.П. Тарасовым и командиром взвода генералом А.И. Завяловым,

с каждым из которых беседовали отдельно друг от друга. Все пленные охотно отвечали на задаваемые им вопросы. Но наиболее подробно и с очень большим цинизмом отвечал на них Тарасов, с которым беседовал сам Деменев. В ходе этих бесед пленные рассказали много интересных фактов, о которых в нашей стране если и знали, то только в Ставке ВГК и в Генеральном штабе. А в войсках Красной армии даже высший командный состав об этих фактах ничего не знал, а если кто-то что-то и знал, то держал язык за зубами.

Тарасов, в частности, рассказал, что, после того как в конце января 1918 года в городе Новочеркасске они расстались с Деменевым, он вернулся на Дон к своим родным. Когда казачий атаман Донского Войска царский генерал П.Н. Краснов начал формировать новую казачью армию, он, не задумываясь, одним из первых вступил в нее и до конца Гражданской войны сражался против большевиков. А когда советские войска разбили армию Краснова, то ее остатки, в том числе и Тарасов, эмигрировали за границу и разъехались по всему миру. Тарасов, помыкавшись по разным странам, осел в Югославии, где оказалась наиболее крупная группировка различных чинов войск армий Врангеля и Краснова.

Для казаков, покинувших свои земли в России после Гражданской войны и эмигрировавших за границу, были очень характерны мессианские настроения и ощущение собственной избранности. Они считали себя единственными наследниками казачьей славы, традиций, того казачьего уклада жизни, который был уничтожен в советской России после Гражданской войны, и верили, что вновь возродить казачество в России могут только они. Для этого необходимо было ликвидировать в России советскую власть, которая мешала воскрешению казачества, но для осуществления этого замысла у казаков-эмигрантов не было ни сил, ни возможностей. К тому же среди эмигрантского казачества отсутствовало единое мнение насчет будущей постбольшевистской государственности в России. Большая часть казаков, группировавшихся вокруг своих старых атаманов, таких как генералы Н.В. Ляхов, Г.А. Вдовенко, В.Г. Науменко, М.Н. Грабе и других, возглавлявших в эмиграции

Астраханское, Терское, Кубанское и Донское казачество, связывали свое будущее с освобожденной от большевиков Россией. А количественно меньшая, но политически более активная их часть придерживалась националистически-сепаратистской ориентации и в 30-х годах создала «Казачий национальный центр» (КНЦ), который позже был переименован в «Казачье национально-освободительное движение» (КНОД). Эта часть казацких атаманов вынашивала идею создания независимого казачьего государства «Казакия», в которое предполагалось включить территории всех казачьих областей Украины и Северного Кавказа. Главным врагом казачьей независимости, кроме большевиков, они считали и весь русский народ, которому, по их мнению, присущи имперские амбиции. На своем казацком сборе, состоявшемся 29 июня 1941 года в Берлине, казаки-националисты от имени всего эмигрантского казачества приняли решение: «Стать в ряды борцов против советской власти за освобождение своей “казачьей Родины”» и призвали всех казаков вступать в ряды КНОД, чтобы вместе с войсками вермахта уничтожить «жидо-большевистский режим» в России. Это движение открыто претендовало на роль всего эмигрантского казачества и предлагало себя немецким властям вместе с войсками вермахта выступить с оружием в руках против СССР. Но германские власти, не желавшие делить с кем бы то ни было свою казавшуюся им близкой победу, охладили воинственный пыл белой эмиграции и не приняли предложение КНОД, а всякие выступления, декларации и заявления казаков пресекали на корню. Но, несмотря на это, казаки-эмигранты не теряли надежду и были уверены, что рано или поздно немцы вынуждены будут обратиться к ним за помощью, и тогда им удастся осуществить свое желание – с оружием в руках принять участие в войне против Советского Союза. И не ошиблись. Такая возможность им вскоре представилась.

В июле 1941 года начальник русского доверительного бюро в Югославии генерал-майор царской армии Скородумов предложил германским властям сформировать из русских эмигрантов, не только бывших белых офицеров, но также солдат и казаков бывших армий Краснова и Врангеля, дивизию и отправить ее на

восточный фронт. Но немецкие власти отклонили это предложение. А 12 сентября 1941 года генерал Скородумов неожиданно получил приказ командующего германскими войсками на Юго-Востоке о формировании «Отдельного Русского Корпуса» (ОРК), командиром которого назначался сам Скородумов. На основании этого приказа Скородумов в тот же день издал свой приказ о мобилизации всех военнообязанных русских эмигрантов в возрасте от 18 до 55 лет. Этот приказ встретил широкий отклик в рядах русской военной эмиграции на Балканах. Одним из первых в этот корпус записался и Тарасов в надежде вместе с войсками вермахта разбить Красную армию и вернуться в Россию. И уже к концу сентября 1941 года в этот корпус добровольно записалось около одной тысячи человек, и количество желающих служить в нем постоянно увеличивалось. Но такая активность Скородумова почему-то не понравилась германским властям, и его сначала сместили с поста командира корпуса, а затем и арестовали. Но, несмотря на это, старания Скородумова не пропали даром. При поддержке начальника штаба группы германских войск на Юго-Востоке полковника Кевиса формирование ОРК было продолжено. В него за короткое время добровольно вступило более шести тысяч человек. Основной контингент корпуса составляли бывшие офицеры старой Русской армии и казаки, которые после Гражданской войны в России осели в Югославии и Болгарии. В основном это были кубанские и донские казаки, а также чины первой кавалерийской дивизии и первого армейского корпуса старой Русской армии. Из более сорока генералов, вступивших в ряды этого корпуса, только три из них (командир корпуса Б.А. Штейфон и командиры двух бригад И.К. Куриенко и Ф.П. Драценко) носили генеральские звания согласно занимаемым должностям. Остальные генералы и офицеры ввиду большого их избытка служили на должностях среднего и младшего командного состава, а некоторые даже на должностях унтер-офицеров и рядовых солдат. Личный состав этого корпуса первоначально был одет в югославские мундиры серого защитного цвета, стоячий воротник которых перешивался на отложной. Но когда Русский корпус увеличился на несколько тысяч человек,

серого югославского обмундирования стало не хватать, то личный состав вновь формирующихся частей с начала 1942 года стали одевать в специально изготовленную для них форму аналогичного покроя, только из темно-коричневого сукна. Поэтому бойцы и командиры этого корпуса были одеты в форму разных цветов. Головными уборами были пилотки югославского образца с кокардой Русской императорской армии, а в качестве касок были чехословацкие стальные шлемы с белым крестом. Офицерам вне строя разрешалось носить фуражки русского дореволюционного образца. На мундирах и шинелях все чины корпуса носили русские погоны согласно последнему чину, присвоенному в старой Русской армии или в эмигрантских воинских формированиях. Но погоны и знаки различия на них не имели никакого служебного значения. Звания по занимаемым в корпусе офицерским должностям обозначались на петлицах с помощью серебряных галунов и звездочек, а звания нижних чинов обозначались соответствующим количеством шевронов, нашитых углом вниз на левом рукаве выше локтя. Воротники мундиров унтер-офицеров и фельдфебелей обшивались белой тесьмой по немецкому образцу. Генералы (командир корпуса и бригад) носили петлицы с золотым галуном, на штанах – красные лампасы, на рукавах шинелей – красные отвороты, а на фуражках – золотой шнур.

Весь внутренний уклад жизни и обучение личного состава корпуса первое время строились по уставам старой Русской армии. Но в связи с появлением новых видов оружия, что привело к изменению тактики ведения боя, в Русском корпусе были введены уставы Красной армии как наиболее полно отвечавшие современному состоянию военного дела.

В качестве боевого знамени был принят трехцветный (белосине-красный) флаг Российской империи. Обращение к старшему по должности было установлено «гражданин командир».

Весь личный состав Русского корпуса был полностью обеспечен немецким оружием, за исключением револьверов, которые у многих офицеров сохранились со времен Первой мировой и Гражданской войн, и они их с гордостью русского офицера всегда

носили с собой, справедливо полагая, что револьверы так же, как и русская винтовка образца 1891 года, были самым надежным оружием в мире.

В оперативном отношении этот корпус подчинялся 65-му немецкому армейскому корпусу, которым командовал генерал Фельбер.

Первое время существования ОРК немцы не решались использовать его части на восточном фронте, и они в 1941 году и в первом квартале 1942 года в основном несли службу на оккупированных фашистами территориях европейских стран, в том числе и СССР, где охраняли от партизан шахты, промышленные предприятия, железные дороги и мосты через крупные водные преграды. Кроме того, они вели борьбу с партизанами и проводили карательные операции по уничтожению населенных пунктов и гражданского населения, сочувствующего и оказывающего помощь партизанам. Но с особой жестокостью они действовали на оккупированных территориях СССР, где в каждом советском человеке видели большевика, партизана или сочувствующего им. И, считая, что это из-за них они на долгие годы лишились своей родины, с садистским наслаждением расстреливали ни в чем не повинных людей, вешали их на телеграфных столбах и деревьях вдоль дорог, или живьем сжигали вместе с их домами, никого не щадя – ни старого, ни малого. Но самое большое удовольствие казакам доставляло рубить безоружных людей шашками на куски, и особенно маленьких детей, которые разваливались на две части от одного удара шашкой.

Все бойцы и командиры ОРК с поставленной перед ними задачей справлялись очень успешно. В борьбе с партизанами и особенно с мирным населением они показали себя храбрыми воинами. Немецкое военное командование было очень довольно ими и многих из них наградило знаками отличия «За храбрость». А когда под Ленинградом и Любанью для войск вермахта сложилась тяжелая обстановка и немцам срочно понадобились дополнительные силы, они перебросили под Любань одну дивизию ОРК, чтобы помочь немцам уничтожить советскую 2-ю ударную армию, попавшую в окружение.

Слушать откровения полковника Тарасова Деменеву было так противно, и у него до такой степени кипела злоба, что ему хотелось взять казацкую шашку, которых лежала целая куча, и разрубить на куски этого гада так же, как он рубил ни в чем не повинных мирных людей. Но, понимая, что пленным казаков нужно доставить в штаб фронта живыми (а если это сделать не удастся, то пристрелить их всегда успеется), он сдержал себя и не поддался искушению. Продолжать беседу с Тарасовым, Лысенко и Завяловым у Деменева пропало всякое желание, поэтому он прервал ее и приказал взять их под усиленную охрану и держать отдельно от других пленных казаков.

В 22 часа 30 минут 30 июня 1942 года о предстоящей операции сообщили пленным казакам и предложили им помочь нашим войскам прорваться через линию фронта. Взамен на это пообещали оставить их в живых (а все, кто откажется это сделать, будут немедленно расстреляны). Также пообещали пленным, что всех, кто перейдет линию фронта вместе с нашими войсками, отпустят на все четыре стороны, и они свободно могут жить в Советском Союзе до конца войны, а после ее окончания смогут вернуться к своим семьям или вызвать их в СССР. Кроме того, казакам пообещали, что если во время боя при прорыве через линию фронта кто-то захочет сбежать, то препятствовать им никто не будет, главное, чтобы не мешали нашим войскам. Ну, а если кто попытается убежать до начала перестрелки или найдет исправное оружие и повернет его против нас, тот будет немедленно застрелен без всякого предупреждения. Таким образом, пленным казакам давался шанс не только остаться в живых, но и вырваться из плена. Поэтому никто из них не отказался принять участие в прорыве наших войск через линию фронта.

И в 23 часа 30 июня 1942 года деменевская группа войск выступила к линии фронта, где держала оборону дивизия ОРК. Пока достигли вражеского рубежа, сумерки сгустились настолько, что видны были только силуэтыдвигающихся людей, но ни формы одежды, ни лиц идущих даже на расстоянии 15–20 метров разглядеть было невозможно. А когда часовые, стоящие на линии фронта,

на русском языке спросили у приближающихся к ним людей пароль, пленные казаки, идущие впереди наших войск, назвали его и получили добро войти в расположение позиций, занимаемых казачьей дивизией. Пока шли пленные казаки и наши солдаты, переодетые в их форму, ни казаки дивизии ОРК, ни немцы, которые находились рядом с ними, ничего не подозревали. И только когда в расположение дивизии ОРК стали входить наши солдаты, одетые в советскую форму, казаки поняли, в чем дело, и открыли огонь с флангов. Но к этому времени пленные казаки и наши бойцы, одетые в казацкую форму, уже пересекли линию фронта, а основная масса войск деменевской группы находилась на позициях вражеской обороны. Первые выстрелы со стороны противника, как и было заранее условлено, явились сигналом для специально выделенных подразделений – занять оборону с обоих флангов коридора, образовавшегося на рубеже вражеских позиций, и открыть огонь по противнику. Что и было сделано. Началась интенсивная перестрелка с обеих сторон. Пленные казаки, идущие впереди наших войск, после первых же выстрелов разбежались в разные стороны. Стрелять по ним, как и обещали им перед боем, наши солдаты не стали. Из всех пленных казаков с деменевской группой войск продолжали идти только три человека – полковник Тарасов и генералы Лысенко и Завялов, которых под усиленной охраной вели в середине группы, и они были предупреждены, что вместе с нашими войсками они должны пересечь немецкую линию фронта и выйти в расположение советских войск. А если они попытаются убежать, то будут уничтожены.

Передовые части деменевской группы войск практически не встречали никакого сопротивления со стороны войск противника. Когда на их пути попадались небольшие группы немцев или казаков, которые спрашивали у наших солдат, переодетых в казацкую форму, что случилось, им отвечали, что на этом участке фронта крупные силы советских войск прорвали оборону, и они, не выдержав их натиска, отступают. Получив такую информацию, эти группы немцев и казаков тоже бежали вместе с нашими мнимыми казаками до тех пор, пока не разобрались, в чем дело, после чего

разбегались в разные стороны. Наши солдаты по ним тоже не стреляли, берегли патроны, а уничтожали только тех, кто открывал огонь. Когда все войска деменевской группы, защищаемые с флангов и сзади группой прикрытия, пересекли линию вражеской обороны, то противник вдогонку открыл интенсивный сначала пулеметный, а затем и минометный огонь. Но к этому времени войска деменевской группы уже вышли на линию вражеской обороны, разделяющую немецкие войска и войска Волховского фронта. Поэтому немцы, чтобы не накрыть минами позиции своих войск, прекратили вести по ним минометный огонь, а те мины, которые падали позади наших войск, практически не причиняли им никакого вреда.

Ворвавшись в немецкие позиции, деменевцы с ходу, без особого труда, сломили сопротивление гитлеровцев, растерявшихся от неожиданного нападения на них с тыла, прорвали линию вражеской обороны и вышли на нейтральную полосу. А вскоре передовые части деменевской группы достигли линии обороны Волховского фронта. К этому времени немцы опомнились и открыли по нашим войскам, находящимся на нейтральной полосе, артиллерийско-минометный огонь. Но командование ВФ, узнав, что из вражеского окружения прорывается группа войск 2-й ударной армии и что немцы открыли по ним артиллерийско-минометный огонь, на свой страх и риск без санкции Ставки ВГК дало команду артиллеристам ВФ ответным огнем нашей артиллерии подавить вражеские огневые точки. Приказ Мерецкова артиллеристы успешно выполнили, артиллерийские и минометные огневые точки противника подавили. Огонь с вражеской стороны прекратился. Так, благодаря своевременно оказанной артиллеристами ВФ помощи тысячи солдат и офицеров деменевской группы войск 2-й ударной армии остались живы и к утру 1 июля 1942 года относительно благополучно и с минимальными потерями вырвались из Любаньского мешка и вышли в расположение войск Волховского фронта.

В ходе этого прорыва, наряду с убитыми и пропавшими без вести, многие солдаты и офицеры получили ранения различной

тяжести. Но ни одного раненого на поле боя не оставили. Всех, кто не в состоянии был идти самостоятельно, вынесли их товарищи. Тяжелое ранение в этом бою получил и полковник Деменев, которому при пересечении нейтральной полосы между немецкими войсками и войсками ВФ осколками разорвавшейся вражеской мины раздробило обе ноги, и он лишился возможности идти самостоятельно. Но деменевцы не оставили своего раненого командира и на шинели принесли его в расположение войск ВФ. Всех раненых солдат и офицеров деменевской группы, в том числе и самого Деменева, поместили во фронтовой госпиталь, где оказали первую медицинскую помощь. А временному штабу этой группы войск, прежде чем распустить его, поручили срочно составить поименные списки: сколько людей в этой группе было до начала прорыва через линию фронта, сколько вышло из окружения, сколько ранено, убито и пропало без вести.

Утром на второй день всех тяжелораненых, в том числе и полковника Деменева, поместили в самолет для отправки на лечение в тыл. Проводить раненых пришли все уцелевшие офицеры временного штаба, созданного Деменевым, и назначенные им командиры частей. К этому времени уже были составлены поименные списки личного состава деменевской группы войск, и начальник штаба полковник А.В. Ефремов доложил Деменеву, что из 5890 человек, насчитывавшихся в этой группе до начала прорыва вражеского кольца, из окружения вышло 5652 человека, в том числе 283 раненых, а 238 человек погибли или пропали без вести. На пленных казаков, разбежавшихся после первых выстрелов при переходе деменевской группы войск через линию фронта, поименных списков не составляли, поэтому и фамилии их неизвестны. Известны только фамилии трех казачьих командиров, которых хотели доставить в штаб ВФ, но не смогли. Один из них погиб, а двум удалось убежать. А случилось это при следующих обстоятельствах. Деменев, вместе с созданным им временным штабом, шел в середине войск своей группы, а в нескольких метрах от него, под специально выделенной охраной, шли пленные казачьи командиры. Но когда Деменева ранило, и он упал на землю, то упали

и пленные. Возникла небольшая суматоха. Офицеры штаба и солдаты, охранявшие пленных, решили, что казаки убиты, поэтому оставили их без присмотра и бросились к Деменеву. И только после того, как его на скорую руку перевязали и унесли, вспомнили о пленных казаках. Но когда подошли к тому месту, где они упали, там оказался только один мертвый генерал Завялов, а генерал Лысенко и полковник Тарасов исчезли. Скорее всего, после разрыва мины они притворились мертвыми, а затем, воспользовавшись суматохой при ранении Деменева, убежали. Так ни одного пленного казачьего командира довести в штаб ВФ не удалось.

Кроме офицеров деменевской группы войск, вышедших из окружения, проводить Деменева и других тяжелораненых пришли к самолету и офицеры штаба ВФ во главе с командующим фронтом Мерецковым, который поблагодарил Деменева за грамотно организованный и успешно осуществленный прорыв его группы через вражескую линию фронта и сохранение личного состава этой группы, которая благодаря Деменеву вышла из окружения с минимальными, по сравнению с другими группами войск 2-й ударной армии, потерями. Оказывается, остальные все четыре группы войск этой армии к этому времени уже вышли из окружения.

Прощаясь с офицерами штаба фронта и своей группы, Деменев был в приподнятом настроении. Ему приятно было услышать благодарность командующего фронтом генерала армии К.А. Мерецкова. Его распирала гордость за то, что ему относительно удачно удалось вывести свою группу из окружения и сохранить при этом подавляющему большинству вверенных ему людей жизнь. Ну, а то, что при прорыве через вражескую линию обороны погибло 238 человек, то по сравнению с потерями в других группах это капля в море. Войны совсем без жертв не бывает. Радовался Деменев и тому, что сам он, хоть и тяжело ранен, но живой. В госпитале его вылечат, и он снова вернется на фронт. Единственное, что немного беспокоило Деменева, так это то, что никто из офицеров других групп 2-й ударной армии не пришел проводить раненых. «Неужели все они погибли при выходе из окружения?» – думал он. А когда он спросил об этом начальника штаба ВФ генерал-лейтенанта

Г.Д. Стельмаха, тот сказал, что потери личного состава у остальных четырех групп 2-й ударной армии, вышедших из окружения, к сожалению, очень велики. Из тридцати тысяч человек, оказавшихся в Любаньском мешке, включая и деменевскую группу, шесть тысяч погибло и восемь тысяч пропало без вести. И только шестнадцати тысячам солдат и офицеров этой армии удалось вырваться из Любаньского мешка и выйти в расположение войск ВФ. Но среди них очень много раненых, и они в настоящее время находятся в госпиталях.

Узнав такую печальную новость, Деменев пожалел, что после самоустранения Власова от командования армией, а затем и ухода его из армии, он не настоял на том, чтобы весь личный состав 2-й ударной армии выходил из окружения одной группой. Возможно, в этом случае удалось бы вывести армию из окружения с меньшими потерями. Но что сделано, то сделано, и обратно ничего не вернешь. Да и его группа относительно удачно вышла из окружения лишь благодаря пленным казакам. Если бы не они, то еще неизвестно, какая участь постигла бы и его группу.

Получив такой неутешительный ответ, Деменев больше никого ни о чем спрашивать не стал и со спокойной душой и чувством выполненного долга вместе с другими тяжелоранеными улетел в Москву, где всех пассажиров этого рейса поместили в военный госпиталь, расположенный на Петровско-Разумовском проезде.

Ранение у Деменева оказалось очень тяжелым. У него были раздроблены на мелкие кусочки кости обеих ног до такой степени, что врачам пришлось сделать ему несколько операций, чтобы ювелирно соединить осколки его костей. Поэтому первые две недели пребывания в госпитале он почти постоянно находился в полубессознательном состоянии. А однажды, когда после очередной операции Деменев пришел в себя, то в помещении, в котором он лежал (а что это за помещение было, он сразу вспомнить не смог), несмотря на то, что в нем было много людей в белых халатах, стояла мертвая тишина, а над ним, склонившись, стоял сам Верховный главнокомандующий И.В. Сталин. Увидев все это, Деменев подумал, что он уже находится в потустороннем мире, и хотел

перекреститься. Но в это время Сталин положил свою руку на его плечо и сказал:

– Здравствуйте, товарищ Деменев. Как Вы себя чувствуете?

Почувствовав на себе прикосновение чьей-то руки и услышав человеческий голос, Деменев понял, что он пока еще на этом свете и лежит в больничной палате, а люди в белых халатах – не ангелы небесные, а врачи госпиталя. И что человек, стоящий у его кровати, – не привидение, а самый настоящий живой Сталин. Поняв все это, Деменев почувствовал себя неловко от того, что он лежит в присутствии вождя. И, забыв, что у него перебиты обе ноги, попытался встать с кровати, но это у него не получилось. Он не смог не только встать, но даже сесть на кровати или хотя бы поднять голову. Тогда он решил по-военному поздороваться с главным маршалом страны и ответить на его вопрос. И, набрав полные легкие воздуха, очень громко, как ему показалось, сказал:

– Здравия желаю, товарищ Сталин. Чувствую себя хорошо. Думаю, что через пару недель врачи поставят меня на ноги, и я снова вернусь на фронт бить проклятых фашистов.

На самом же деле Деменев произнес эти фразы почти шепотом. Но, несмотря на это, Сталин услышал его и сказал:

– Лежите, лежите, товарищ Деменев. У Вас тяжелое ранение. И для того чтобы быстрее поправиться и снова вернуться на фронт, Вам нужен полный покой и лечение. Благодарю Вас, товарищ Деменев, за все ратные подвиги, которые Вы совершили и на этой, и на прошлых войнах на благо нашего Отечества.

– Служу Советскому Союзу, – ответил Деменев.

После чего Сталин пожал ему руку и молча отошел от его кровати. Видимо, пока Деменев находился в забытьи, Сталин уже пообщался со всеми ранеными, лежащими в палате, и к нему подошел в последнюю очередь. Потому что после разговора с Деменевым он остановился посреди палаты и, обращаясь уже ко всем раненым, сказал:

– Враг еще очень силен. И для того чтобы его окончательно разбить и освободить нашу страну от коричневой чумы, на фронте нужны такие опытные командиры, как Вы. Поэтому, товарищи,

побыстрее выздоравливайте, возвращайтесь на фронт и бейте фашистскую нечисть до победного конца. И помните, что бы с вами ни случилось, Родина ни вас, ни ваших родных никогда не забудет.

После этих слов Сталин направился к выходу, а вслед за ним и все сопровождающие его.

А когда Деменеву немного стало лучше, то он попросил врачей помочь ему связаться с женой по телефону или письменно, чтобы сообщить ей, что он находится в Москве в госпитале. Но ни ту, ни другую просьбу Деменева врачи не выполнили. Сказали, что разговоры по служебным телефонам госпиталя больным запрещены. Да и жене сообщать о его ранении пока еще рано, потому что, узнав, где он находится, она обязательно попытается прийти к нему, а с его состоянием здоровья свидания с родственниками противопоказаны. Такое объяснение врачей немного озадачило Деменева. По его мнению, посещение больных родственниками, наоборот, способствует скорейшему их выздоровлению. Но врачи лучше знают, что для больных хорошо, а что плохо. И раз они не рекомендуют такие встречи, значит, так нужно. И все-таки Деменев не успокоился и попытался через медицинских сестер сообщить жене, где он находится. Но об этом сразу же стало известно начальнику госпиталя, который предупредил Деменева, что если он будет продолжать попытки установить контакты с родственниками или знакомыми, то его выпишут из госпиталя и отправят к черту на кулички, где ему ампутируют обе ноги. А в этом госпитале есть надежда вылечить его ноги. Где находятся эти «чертовы кулички», Деменев тогда еще не знал. Но так как остаться без ног ему не хотелось, он прекратил всякие попытки связаться с женой в надежде на то, что его скоро вылечат, и он, перед тем как отправиться на фронт, хоть на один час заедет домой и навестит свою семью. Но сбыться этим надеждам Деменева было не суждено.

В конце июля 1942 года в госпиталь, где лежал Деменев, привезли очередную группу тяжелораненых офицеров Волховского фронта, от которых он узнал, что все части 2-й ударной армии после выхода из окружения были выведены в резерв и отправлены на переформирование. Командующим этой армией снова назначили

выздоровевшего генерал-лейтенанта Н.К. Клыкова. Под его руководством за короткое время эта армия была полностью укомплектована личным составом, получила необходимое количество оружия, боеприпасов и других материальных средств и уже во второй половине июля 1942 года была готова к боевым действиям. Но к этому времени советскому правительству стало известно, что бывший командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант А.А. Власов добровольно сдался в плен немцам. Поэтому всех старших офицеров и генералов этой армии, побывавших в окружении, отстранили от занимаемых должностей, вывели в резерв командования Волховским фронтом, и ими занялась военная контрразведка. После многочисленных проверок и длительных допросов многих из них понизили в должностях и званиях, а некоторых разжаловали в рядовые и отправили в штрафные батальоны. А старших офицеров, занимавших высшие командные должности, и всех генералов арестовали и отправили в тюрьмы, и дальнейшая их судьба пока никому не известна. Но Деменев не поверил этим рассказам. Он считал, что это не что иное, как фронтовые байки. Не может быть такого, чтобы с людьми, сражавшимися с фашистами в неимоверно трудных условиях до последнего патрона и последней гранаты и чудом вырвавшимся из вражеского кольца, так жестоко и несправедливо поступили. И только когда в госпиталь, где лежал Деменев, пришли следователи военной контрразведки и начали допрашивать раненых старших офицеров и генералов 2-й ударной армии, в том числе и Деменева, побывавших в Любаньском мешке, которых к тому времени с чьей-то легкой руки стали называть «власовцами», Деменев понял, что это не фронтовые байки, а жуткая правда.

Пообщавшись со следователем, понял Деменев и истинную причину, из-за которой ему не дали возможности сообщить жене, что с ним случилось и где он находится. Видимо, уже тогда руководство госпиталя знало о том, что все раненые старшие офицеры и генералы 2-й ударной армии, вышедшие из окружения, в том числе и Деменев, находятся под негласным арестом, и имело

указание не давать им возможность общаться с кем бы то ни было, в том числе и с родственниками.

Закончив допрос раненых, следователи уехали, однако через несколько дней контрразведчики снова появились в госпитале, но на этот раз уже не для допроса «власовцев», а для ареста тех из них, кто уже самостоятельно мог ходить. В тот день арестовали шесть человек и увезли их в неизвестном направлении. И с тех пор по мере выздоровления раненых старших офицеров и генералов 2-й ударной армии, вырвавшихся из окружения, забирали из госпиталя и тоже увозили в неизвестном направлении. Не миновала сия горькая чаша и полковника Деменева. Но случилось это несколько позже. А пока он продолжал «валяться» на больничной койке, и врачи боролись за спасение его ног.

За время пребывания в госпитале Деменев узнал от вновь поступивших в этот госпиталь раненых офицеров Волховского фронта и о судьбе пленных казаков, которые помогли деменевской группе войск относительно благополучно прорваться через немецкую линию обороны и выйти из окружения, а также о судьбе всей дивизии Отдельного Русского Корпуса. Оказывается, после того как на плечах недобитого казацкого батальона деменевская группа войск 2-й ударной армии вырвалась из Любаньского мешка, дивизию ОРК немцы сняли с фронта и отправили заниматься тем, чем она занималась до прибытия на фронт – воевать с партизанами и уничтожать мирное население на оккупированной гитлеровцами территории Советского Союза. А всех оставшихся в живых казачьих офицеров, независимо от занимаемых должностей, побывавших в плену у деменевской группы войск, – расстреляли.

Глава 6. ГУЛАГ

Целых три месяца Деменев не мог встать на ноги даже с помощью костылей и лежал, прикованный к постели. А когда встал, то еще в течение трех месяцев передвигался только на костылях. С трудом, но уже без костылей, а только с дубинкой, он смог ходить спустя шесть месяцев после ранения.

Все это время, пока раненые «власовцы» находились в госпитале, он усиленно охранялся, и никого из них за территорию госпиталя не выпускали.

31 декабря 1942 года Деменева выписали из госпиталя, но, вместо того, чтобы отпустить домой встречать Новый год и восстанавливать свое здоровье, его увезли в Лефортовскую тюрьму и посадили в одиночную камеру, где почти каждый день в течение месяца его допрашивали следователи. В первые дни допроса в тюрьме так же, как и на первом допросе в военном госпитале, следователи спрашивали Деменева в основном об общем моральном состоянии войск 2-й ударной армии, находящихся в условиях окружения. Немного позже круг вопросов стал сужаться и переходить на старший и высший командный состав этой армии. А затем и вовсе сузился до одной личности – командующего 2-й ударной армией генерал-лейтенанта А.А. Власова. Видимо, те офицеры и генералы, которых допрашивали до Деменева, рассказали следователям, что Власов с Деменевым находились в дружеских отношениях и неоднократно по вечерам вдвоем сидели в кабинете Власова, где распивали спиртные напитки и о чем-то говорили до поздней ночи, а иногда и до утра. Вот содержание этих разговоров больше всего и интересовало следователей. Интересовало их и то, как вел себя и что говорил Власов с тех пор, как Деменев стал служить под его командованием. Но особое внимание следователи уделяли последнему разговору Деменева с Власовым, перед тем как командарм самоустранился от командования армией и, бросив ее на произвол судьбы, ушел в неизвестном направлении. Очень

подробно следователи расспрашивали Деменева и о том, почему он не уничтожил или не привел в расположение войск ВФ пленных казаков, а отпустил их на все четыре стороны. И последний вопрос, который интересовал следователей и очень удивил Деменева, касался периода Гражданской войны и особенно того момента, когда в январе 1918 года пути Деменева разошлись с генералом П.Н. Красновым. На все вопросы Деменев отвечал честно и правдиво, ничего не скрывая и ничего не преувеличивая. Не рассказал он только о том, как нелестно высказывался Власов в адрес Генерального штаба, Ставки Верховного Главного Командования и советского правительства.

Спустя неделю, после того как допросы Деменева закончились, следователь майор А.Н. Белый предъявил ему обвинительное заключение, в котором Деменеву вменялось в вину несколько преступлений. Обвинялся Деменев в том, что в Гражданскую войну не убедил генерала П.Н. Краснова не воевать против советской власти. В том, что за время учебы Власова в военной академии, а также за время службы под его командованием, не разглядел в нем врага народа. В том, что при выходе из окружения из Любаньского мешка отпустил целую сотню пленных казаков, в том числе и своего бывшего друга полковника царской армии В.П. Тарасова. Деменев не опровергал предъявленных ему обвинений, кроме одного, – того, где он обвинялся в том, что не разглядел в генерале Власове предателя. В отношении этого обвинения Деменев сказал следователю, что великий вождь и учитель И.В. Сталин тоже не разглядел во Власове предателя: постоянно продвигал его вверх по служебной лестнице, присваивал ему генеральские звания и награждал его высокими правительственными наградами, в том числе орденами Ленина и Красного Знамени, которые сам лично и вручал Власову. Но за эти слова Деменева обвинили еще в одном преступлении – в обвинении И.В. Сталина в политической близорукости.

Через неделю после предъявления Деменеву обвинительного заключения военный трибунал разжаловал полковника Деменева в рядовые, лишил его всех советских правительственных наград и приговорил к десяти годам лишения свободы без права переписки

(в прямом смысле этого слова) и свиданий. После чего Деменева отправили по этапу в Казахстан в Карагандинский лагерь (КарЛаг), где он встретил нескольких старших офицеров и генералов 2-й ударной армии, побывавших в Любаньском мешке, которые были в КарЛаг раньше Деменева. От них он узнал, что всех старших офицеров 2-й ударной армии, занимавших высшие командные должности, и генералов военный трибунал приговорил к различным срокам (от 10 до 25 лет) лишения свободы, и их отправили в разные лагеря Советского Союза, в том числе и в КарЛаг. А сроки наказания им определяли не по тяжести совершенных ими преступлений (которых они вовсе не совершали), а по принципу чем выше должность, тем больше срок. От них же Деменев узнал, что и семьи осужденных «власовцев» не оставили в покое, а заставили отказаться от своих мужей и отцов как от врагов народа. Всех совершеннолетних членов их семей, отказавшихся сделать это, на различные сроки, но не менее пяти лет, отправили в ссылки, а несовершеннолетних детей забрали в детские дома. О судьбе своей семьи Деменев ничего не знал. Но, судя по тому, как поступили с семьями его бывших сослуживцев, понял, что и его семью не оставили в покое, и ее постигла та же участь. Но как именно поступили с его семьей и куда всех отправили, ему, не имевшему права переписки, узнать об этом было не так-то просто. Однако Деменеву все-таки удалось окольными путями связаться с племянницей Лизой, которая жила в Москве и изредка общалась с женой и детьми Герасима Владимировича. От нее-то Деменев и узнал, что его жене Марине Николаевне тоже предложили написать отказ от своего мужа как от врага народа, но она это не сделала, и ее на пять лет отправили в Казахстан в ссылку и определили на постоянное место жительства в деревню Максимовку Акмолинского района Акмолинской области. Старший сын Вадим еще в июне 1942 года добровольно ушел на фронт, но где конкретно он находится, она не знает. А младших детей Деменевых Лену и Олега забрали в детский дом, но где они находятся, она тоже не знает. Связаться с женой Деменев, лишенный судом права переписки и свиданий, не мог. Не могла связаться с ним и его жена, которая хоть

и знала от Лизы место нахождения своего мужа, но написать ему письмо она не имела возможности, потому что ссыльным переписка с заключенными, отбывающими наказание в лагерях и тюрьмах, была категорически запрещена. Тех, кто пытался нарушить этот запрет, наказывали карцером, а письма уничтожали. Не могла Марина Николаевна и на свидание приехать к мужу, потому что выезд ссыльным за пределы населенных пунктов, в которых они отбывали срок ссылки, тоже был категорически запрещен. А тем, кто нарушал этот порядок, срок ссылки заменяли на лишение свободы и отправляли в лагерь. Поэтому ни о какой переписке или свидании супругов Деменевых и речи быть не могло. И все-таки, несмотря на все запреты, через племянницу Лизу Деменеву удавалось, хоть и очень редко, но получать скудную и неутешительную информацию о своей жене. Так, в январе 1945 года Лиза сообщила ему, что Марина Николаевна сильно болеет. А в конце мая 1945 года Деменев узнал от Лизы, что сердце Марины Николаевны не выдержало свалившегося на нее морального и физического испытания, и она на третьем году ссылки, не дожив одного месяца до Победы, в начале апреля 1945 года умерла, и ее похоронили на кладбище у той деревни, в которой она отбывала ссылку.

В начале января 1945 года с очередной партией заключенных в КарЛаг прибыл бывший переводчик 2-й ударной армии К.Ф. Маргель, который рассказал Деменеву, что произошло после того, как в конце июня 1942 года Власов самоустранился от командования 2-й ударной армией, находящейся в окружении, и, оставив ее на произвол судьбы, вместе с ротой охраны, переводчиком и поваром ушел на запад. Две недели скитались они тогда по лесам и болотам в надежде выйти из окружения. Но ни разу за все это время Власов не принял никаких действий для прорыва через линию фронта. Наоборот, каждый раз, когда командир охранной роты капитан С.Н. Ермолин и он, переводчик майор Маргель, предлагали конкретный план прорыва вражеской обороны и пытались согласовать его с Власовым, он отклонял его. В результате намеченный план прорыва срывался и откладывался на неопределенное время. И так продолжалось до тех пор, пока 15 июля 1942

года они, совершенно обессиленные от голода, не набрали на большую деревню. Группа остановилась. Капитан Ермолин предложил Власову послать в деревню разведку для выяснения обстановки и, по возможности, раздобыть каких-нибудь продуктов. На что Власов ответил:

— Делайте, что считаете нужным.

Ермолин послал в деревню трех наиболее опытных и крепких солдат, которые через час вернулись обратно и доложили, что деревня называется Туховежи, немцев в ней нет, но там находится отряд местной самообороны численностью около ста человек, а вокруг деревни в радиусе десяти километров нет ни немецких частей, ни полиции. На основании полученных данных Ермолин предложил Власову два варианта действий. Первый из них заключался в том, чтобы напасть на деревню, уничтожить самооборону, запастись продуктами и идти в этом направлении дальше на прорыв вражеского кольца. Второй вариант предусматривал скрытно, не обнаруживая себя, обойти деревню и дальше действовать по первому варианту. Но этот вариант уступал первому: чтобы незамеченными обойти деревню, пришлось бы сделать очень большой крюк, потому что в радиусе 10–15 километров вокруг деревни была открытая местность. Чтобы обойти ее лесом, нужно было потратить много времени и сил, которые и так уже были на исходе. К тому же, не зайдя в деревню, группе и дальше пришлось бы идти голодными. Но Власов не поддержал ни тот, ни другой вариант и опять сказал:

— Поступайте, как хотите.

Тогда Ермолин обратился к личному составу роты, чтобы узнать его мнение по данному вопросу. Большинство людей поддержали первый вариант, и Ермолин повел свою роту на штурм деревни. Когда до ее окраины оставалось пройти метров пятьдесят, из крайних домов прозвучали первые одиночные винтовочные выстрелы, которые, по мере приближения роты к деревне, стали раздаваться все чаще и чаще. А когда рота вошла в деревню и стала продвигаться к ее центру, стрелять стали уже не только из винтовок, но и из автоматов, а затем и из пулеметов. Но пулеметный

огонь с вражеской стороны длился недолго. Бойцы охранной роты в считанные минуты гранатами подавили пулеметные точки, и они замолчали. Однако автоматные и винтовочные выстрелы с чердаков и окон домов продолжали раздаваться. Чем бы закончился этот бой, неизвестно. Скорее всего, наша охранная рота уничтожила бы отряд немецкой самообороны и заняла деревню. Но в то время, когда наши бойцы уже достигли центра деревни, раздался истошный крик Власова:

– Прекратить огонь! Я приказываю немедленно прекратить огонь!

Такая команда Власова для всего личного состава роты оказалась настолько неожиданной, что они растерялись и перестали стрелять. А Власов продолжал кричать:

– Не стреляйте! Доставайте белые платки или снимайте нательные рубашки и поднимайте их вверх. Мы вступим с бойцами самообороны в переговоры. Это ведь наши люди, и я надеюсь, что мы с ними сможем договориться.

После этих слов Власов достал из кармана два белых носовых платка, взял их по одному в каждую руку и обе руки поднял вверх. Вслед за ним подняла над головой белый платок Мария Воронова, которая постоянно находилась рядом с Власовым, а также еще несколько солдат. Первым пришел в себя капитан Ермолин и, увидев в руках Власова и некоторых солдат белые платки и нательные рубашки, поднятые вверх, закричал:

– Прекратить поднимать вверх белые вещи! Продолжать вести огонь по противнику!

После чего подошел к Власову и сказал:

– Что Вы делаете, товарищ генерал? Это же измена. За это Вас на основании 270-го приказа Ставки Верховного Главного Командования, как нарушившего присягу и предавшего свою Родину, расстреляют. И правильно сделают, потому что своим поступком Вы это заслуживаете. Но почему из-за Вас должна страдать Ваша семья, которую на основании того же приказа арестуют и отправят в лагерь? Если Вам наплевать на себя, то подумайте хотя бы о своих родных. Они-то в чем виноваты?

Но Власов никак не отреагировал на слова Ермолина и по-прежнему стоял с поднятыми руками. Тогда Ермолин попытался вырвать платки из рук генерала. Но Власов оттолкнул капитана и, не опуская рук, обращаясь ко всему личному составу роты, сказал:

– Не стреляйте! Потому что, только вступив в переговоры с немецкой самообороной, мы сможем спастись.

Не сумев убедить генерала не сдаваться в плен, Ермолин подбежал к солдатам, которые по команде Власова держали в поднятых вверх руках белые вещи, и стал вырывать их из рук солдат, а также кричать на них благим матом, чтобы они продолжали вести огонь по противнику и шли вперед. Неуставное обращение Ермолина к солдатам привело их в чувство, и они положили свои носовые платки в карманы, а те, кто держал в руках белье, одели его на себя, взяли в руки оружие и попытались возобновить огонь по противнику. Но в это время Власов снова истошно закричал:

– Не стреляйте, идиоты! Иначе вы сами себя погубите.

Тогда Ермолин снова подбежал к Власову и, направив на него свой автомат, закричал:

– Если Вы, товарищ генерал, будете мешать роте вести бой с противником, то я вынужден буду застрелить Вас как дезертира, сдающегося в плен врагу.

Неизвестно, хватило бы у капитана Ермолина мужества застрелить своего командарма, или он решил просто попугать его и напомнить ему требование 270-го приказа Ставки, но Власов опустил руки и стал класть носовые платки в карман. Ермолин решил, что генерал послушал его, поэтому повернулся к Власову спиной и хотел идти продолжать руководить боем, который по команде Власова прекратился. Солдаты, хоть и держали в руках оружие, направленное в сторону противника, но, не зная, чью команду – генерала или капитана – выполнять, огонь не вели. Не стреляли и бойцы немецкой самообороны, которые тоже держали в руках оружие, направленное на наших солдат. Но не успел Ермолин сделать и двух шагов, как Власов выхватил свой пистолет и несколько раз выстрелил ему в спину. Ермолин упал и не шевелился. Пули, видимо, попали в сердце, потому что он умер

мгновенно. А Власов, держа в одной руке пистолет, а в другой носовой платок, снова стал кричать солдатам, чтобы они не стреляли, а бросали оружие и сдавались в плен. Воспользовавшись замешательством и неразберихой в нашей группе, противник, вооруженный автоматами и пулеметами, окружил нашу роту со всех сторон и предложил сдаться в плен. Оказавшись во вражеском кольце, солдаты поняли бессмысленность дальнейшего сопротивления и, выполняя приказ командарма Власова, побросали оружие и без боя сдались в плен отряду немецкой самообороны. После чего всех солдат и офицеров охранной роты, в том числе и переводчика майора Маргеля, отвели в сельский клуб, который окружили плотным кольцом вооруженной охраны. А Власова и Воронову отвели в участок самообороны, расположенный в этой же деревне в здании бывшего сельского совета, где посадили их вместе в отдельную комнату и тоже поставили охрану.

Наши пленные попросили у командира отряда самообороны дать им что-нибудь покушать, потому что они не ели уже несколько дней. Но тот ответил, что у них нет продуктов для пленных. Но пообещал обратиться к жителям деревни, и если они пожелают принести им продукты, то охрана препятствовать не будет. Слово свое командир отряда сдержал. И уже через два часа у деревенского клуба собралась толпа женщин с корзинами в руках, в которых они принесли пленным продукты – в основном вареную картошку, хлеб домашней выпечки и молоко. И после тщательной проверки охрана передала принесенные продукты пленным, которые с жадностью набросились на них и за считанные минуты полностью опустошили корзинки. Картошку и молочные продукты съели полностью, а хлеб рассовали по карманам про запас. Чем в этот день кормили Власова и Воронову, майору Маргелю неизвестно.

О взятии в плен советских солдат, офицеров и генерала командир отряда самообороны в тот же день по телефону сообщил в штаб немецкой 18-й армии. И на второй день утром в деревню Туховежи пришли три грузовые машины, две из которых были пустые, а одна с целым взводом вооруженных солдат. Возглавляли эту колонну три немецких офицера – капитан и два лейтенанта,

которые приехали в легковой машине. Немецкие офицеры попытались допросить Власова, но никто из них не владел русским языком, а Власов плохо знал немецкий. Поэтому немцы хотели найти переводчика среди бойцов самообороны. Но Власов, узнав об этом, предложил немцам привлечь к переговорам своего переводчика майора Маргеля. Немецкие офицеры согласились с предложением Власова и привели майора Маргеля в штаб отряда самообороны. Начался допрос, в ходе которого Власов охотно и правдиво отвечал на все вопросы, которые задавали ему немецкие офицеры. А также сказал, что он давно хотел сдаться в плен немцам, но до этого времени у него не было подходящего момента. А сейчас, когда такая возможность представилась, то он, несмотря на то, что у роты хватило бы сил уничтожить в этой деревне отряд самообороны, и, возможно, удалось бы выйти из окружения, не задумываясь, сам сдался в плен и своим солдатам приказал поступить так же, и они без боя тоже сдались в плен. Но для этого ему лично пришлось убить командира охранной роты капитана Ермолина, который препятствовал солдатам сдаваться в плен. А когда допрос закончился, немецкий капитан спросил Власова, есть ли у него какие-нибудь вопросы или просьбы, то Власов спросил, когда и куда его и всех остальных пленных повезут. На что капитан ответил, что всех пленных, в том числе и его, Власова, сегодня отвезут в штаб армии для дальнейшего допроса, а затем всех их отправят в концентрационные лагеря, где содержатся советские военнопленные. Выслушав ответ капитана, Власов предложил ему увезти в штаб армии только его, Власова, переводчика майора Маргеля и повара Воронову, а всех остальных солдат и офицеров расстрелять в этой деревне. От такого неожиданного и необычного предложения Маргель побледнел. У него перехватило горло и отнялся язык, и он на какое-то время лишился дара речи. Увидев побледневшее лицо переводчика, капитан спросил его:

— Что сказал генерал?

Но Маргель продолжал молчать, потому что его язык словно онемел и отказывался перевести слова Власова. Молчание советского майора стало раздражать капитана, а его лицо с каждой

минутой становилось все злее и злее. И, наконец, он не выдержал и закричал:

– Ну, что ты молчишь? Говори, что сказал генерал.

Окрик немецкого капитана привел Маргеля в чувство, и он дословно перевел просьбу Власова. После чего лицо немецкого капитана стало таким же, как и у майора Маргеля, и у него, видимо, тоже отнялся язык, потому что некоторое время он тоже ничего не мог сказать. У остальных двух немецких офицеров, присутствовавших на допросе Власова, лица тоже окаменели, и на некоторое время они лишились дара речи. И только Власов, несмотря на затянувшуюся паузу и растерянные лица немецких офицеров и майора Маргеля, сидел с таким спокойным выражением лица, как будто речь шла не о расстреле своих ни в чем не повинных сослуживцев, а о рыбалке или охоте. А когда немецкие офицеры от такого неожиданного предложения пришли в себя, капитан спросил у Власова:

– Зачем это Вам нужно, господин генерал?

И Власов, не задумываясь, ответил:

– Я хочу сотрудничать с немецким командованием, поэтому мне не нужны лишние свидетели всего того, что произошло со мной вчера.

Вслушав ответ, капитан снова спросил у Власова, есть ли у него еще какие-нибудь вопросы или просьбы. На что Власов ответил, что он хотел бы до отправки его в штаб армии еще немного побыть наедине с Вороновой, и попросил, если это возможно, принести им что-нибудь покушать и бутылку шнапса. Капитан сказал «гут», а затем снял телефонную трубку, позвонил в штаб армии и рассказал кому-то о просьбе пленного советского генерала. Услышав о такой необычной просьбе, на том конце провода, видимо, тоже растерялись и не смогли сразу ответить капитану, как ему поступить с пленными. И только через несколько минут капитану что-то ответили, после чего он, не кладя трубку, спросил у Власова:

– Когда бы Вы, господин генерал, хотели бы, чтобы мы расстреляли ваших солдат и офицеров?

На что Власов ответил:

– Немедленно.

Капитан передал ответ Власова в штаб армии и, положив трубку, сказал:

– Мы выполним Вашу просьбу, господин генерал.

После чего приказал лейтенанту Мюнтеру отвести Власова в комнату, где сидела Мария Воронова, и принести им все, что попросил генерал. Капитан встал и хотел уйти. Но Власов остановил его и попросил поговорить с ним наедине, без переводчика. Маргель перевел просьбу Власова, после чего капитан приказал одному из своих офицеров увести переводчика в клуб, где сидели остальные наши пленные, а сам остался наедине с Власовым. О чем и как они говорили, Маргелю неизвестно. Но, судя по тому, что просил Власов у немецкого капитана и на что получил добро в отношении своих подчиненных солдат и офицеров, он догадался, что Власов будет просить немецкого капитана расстрелять и его, майора Маргеля, и повара Воронову. Поэтому, когда капитан пришел в клуб и приказал своему офицеру и солдатам вывести всех пленных за околицу деревни и расстрелять их, Маргель сказал ему, что он длительное время служил в штабах крупных соединений советских войск, таких как армии, фронты и даже направления, и располагает многими ценными секретными сведениями, которые могут оказаться полезными для войск вермахта, а также попросил капитана отправить его в штаб армии втайне от Власова. Но капитан ничего не ответил на предложение Маргеля, а молча сел в машину и на малой скорости поехал вслед за колонной наших пленных солдат. А когда пленных, в том числе и майора Маргеля, вывели за околицу деревни, построили в одну шеренгу, и лейтенант доложил капитану, что русские пленные для расстрела построены, капитан вышел из машины, подозвал к себе стоящего среди пленных солдат майора Маргеля и, обратившись к пленным, сказал:

– Вы правильно поступили, что добровольно сдались в плен. Этим Вы сохранили свои жизни и жизни ваших соотечественников – наших помощников – бойцов самообороны. Поэтому мы хотели отправить вас в хороший концлагерь, где вы находились бы до конца войны, а после ее окончания живые и здоровые вернулись бы домой. Но ваш командарм, генерал Власов, не хочет иметь

живых свидетелей того, как он сдавался в плен. Поэтому попросил нас, чтобы мы всех вас расстреляли. Что мы сейчас и сделаем.

Когда Маргель перевел слова капитана, то пленные закричали, что это неправда, такого не может быть, их командарм не мог так поступить с ними. Но когда с разрешения капитана Маргель объяснил пленным, что это действительно так и что он слышал это своими ушами и переводил эту просьбу Власова немецкому капитану, то в адрес Власова среди пленных послышались крепкие выражения. Капитан спросил Маргеля:

– Что они говорят?

И, получив ответ, улыбнулся, а затем дал команду «огонь», после которой раздалась автоматные очереди, и все пленные упали на землю. Но не все сразу были убиты насмерть. Многие из них шевелились и стонали от боли. Поэтому по команде капитана немецкие солдаты прошли вдоль ряда лежащих на земле и истекающих кровью людей и короткими автоматными очередями в упор добились тех, кто продолжал шевелиться и стонать. Так по вине генерала Власова у деревни Туховежи закончилась война и жизнь для пяти офицеров и тридцати пяти солдат роты охраны штаба 2-й ударной армии ВФ.

После расстрела пленных оба немецких офицера сели в легковую машину, в которую посадили и майора Маргеля, и в сопровождении одной грузовой машины с солдатами уехали в штаб 18-й немецкой армии. После обеда того же дня в штаб этой армии привезли и генерала Власова, которого после трехдневного допроса отправили в особый лагерь, расположенный в городе Виннице, где содержался высший командный и политический состав Красной армии, попавший в плен к немцам. А о судьбе Марии Вороновой в то время Маргелю ничего не было известно.

Майора Маргеля в немецком штабе тоже в течение нескольких дней подробно допрашивали, где он на все вопросы давал правдивые ответы. Рассказал немцам все, что знал и что их интересовало. А когда допросы закончились, ему предложили сотрудничать с немцами, в противном случае его тоже пообещали расстрелять. Выбора у Маргеля не было, поэтому он принял

предложение немцев, и его оставили при штабе 18-й немецкой армии в качестве переводчика и консультанта. Переводил он в основном советские документы, попавшие к немцам, а также консультировал немецких офицеров по различным вопросам, касающимся войск Красной армии. Но иногда его использовали и в качестве переводчика при допросе советских военнопленных.

После того как майор Маргель согласился сотрудничать с немцами и добросовестно выполнил несколько поручений немецкого командования, ему разрешили свободно без всякой охраны передвигаться в пределах штаба армии и говорить с немецкими офицерами. Только с солдатами ему не рекомендовали общаться, потому что они, узнав, что он, немец, служил в Красной армии, а сейчас является советским военнопленным, очень враждебно к нему относились, угрожая расстрелом. Поэтому он и сам старался с ними не общаться.

Через некоторое время Маргель встретил немецкого лейтенанта Ганса Мюнтера, того самого лейтенанта, который в штабе отряда немецкой самообороны в деревне Туховежи охранял Власова и Воронову, а затем доставил Власова в штаб 18-й немецкой армии. По просьбе Маргеля Мюнтер подробно рассказал ему, что случилось тогда с Марией Вороновой. Оказывается, в тот день, когда по просьбе Власова немцы расстреляли наших солдат и офицеров охраной роты, Власов в одной из комнат штаба самообороны, под усиленной охраной немецких солдат во главе с лейтенантом Гансом Мюнтером, с утра и до обеда пил шнапс и развлекался с Марией Вороновой. А когда Мюнтер пришел за Власовым и Вороновой, чтобы увезти их в штаб 18-й армии, то Власов попросил лейтенанта, перед тем как уехать, оставить его наедине с Вороновой еще на 15 минут. Мюнтер согласился и, выйдя в соседнюю комнату, стал ждать их. Через пару минут в комнате, где находились Власов с Вороновой, раздался женский крик, продолжавшийся несколько минут, который постепенно становился все тише и тише, а затем и совсем прекратился. Мюнтер плохо знал русский язык, поэтому не все понял и запомнил, что кричала женщина. Но отдельные ее слова и фразы, такие как: «Андрей Андреевич!

Родной мой! Не надо! Оставьте меня, пожалуйста! В чем я перед Вами провинилась? Андрюшенька! Миленкий! Пощадите меня! У меня же трое маленьких детей, которые пропадут без меня. Они-то в чем виноваты? Ради них, моих деток, не берите грех на свою душу!», – он все-таки запомнил. Но смысл их понял неправильно. Подумал, что таким способом женщина сопротивляется домогательствам генерала вступить с ней в интимную связь. Поэтому решил не мешать генералу напоследок «побаловаться» с женщиной. Когда ему еще такой случай представится? Ровно через 15 минут Власов вышел из комнаты один и сказал, что он готов ехать. Увидев генерала одного, лейтенант спросил его:

– Где женщина? Почему она не вышла вместе с Вами?

На что Власов ответил, что она умерла. Когда Мюнтер зашел в комнату, то увидел Марию Воронову, лежавшую на диване, без признаков жизни. Ганс взял ее за руку, но пульса у нее уже не было, и он понял, что женщина действительно мертва. А когда Ганс внимательно посмотрел на Марию и увидел на ее шее следы удушения, то догадался, что генерал задушил ее руками. Понял Мюнтер и истинную причину, почему женщина кричала, и смысл произносимых ею фраз, которые он запомнил на всю жизнь. Потому что такой жестокости в отношении своих не только соотечественников, но и сослуживцев, да еще и женщины, он в своей жизни никогда не видел, не слышал и надеется, что такого больше никогда не увидит и не услышит. Выйдя из комнаты, Мюнтер спросил у Власова:

– Зачем Вы это сделали, господин генерал?

На что Власов ответил:

– Так нужно.

Мюнтер покачал головой, вывел Власова на улицу и, подойдя вместе с ним к грузовой машине, сказал:

– Садитесь, господин генерал.

Власов подошел к кабине, открыл ее дверь и хотел сесть. Но лейтенант остановил его и велел сесть в кузов машины вместе с солдатами, а сам сел в кабину, и машина отправилась в штаб 18-й армии, где Мюнтер передал генерала Власова своему командованию и с тех пор больше его не видел. А Марию Воро-

нову крестьяне деревни Туховежи похоронили вместе с расстрелянными красноармейцами.

В конце августа 1942 года через офицеров штаба 18-й армии майор Маргель узнал, что генерал Власов принял предложение немецкого командования создать и возглавить армию для борьбы против сталинского режима в СССР. А 3 сентября 1942 года Власов вместе с бывшим командиром 41-й советской стрелковой дивизии полковником В.И. Боярским, попавшим в плен к немцам, подписал меморандум, в котором предлагалось приступить к созданию из советских военнопленных, содержащихся в немецких концентрационных лагерях, а также граждан, проживающих на оккупированных немцами территориях СССР и других европейских стран, Русской освободительной армии (РОА). Сразу же после опубликования этого меморандума в немецкой прессе, в концлагерях и оккупированных немцами населенных пунктах началась активная агитация среди советских военнопленных и гражданско-го населения о вступлении их во власовскую армию. И уже к концу 1942 года такая армия была частично создана, личный состав которой в 1943 году активно участвовал в боях с партизанами и расправах над мирным населением, проживающим на оккупированных немцами территориях.

18-я немецкая армия, в которой работал переводчиком Маргель, в декабре 1944 года была окружена советскими войсками и разбита, а оставшиеся в живых солдаты и офицеры этой армии были взяты в плен. Вместе со штабом этой армии в плен попал и бывший майор Красной армии Курт Фридрихович Маргель, которого за измену Родине военный трибунал приговорил к 25 годам лишения свободы, и его отправили в КарЛаг, где отбывали свой срок Деменев и другие офицеры и генералы 2-й ударной армии.

Во второй половине 1945 года многим осужденным, не имевшим права переписки, в том числе и Деменеву, дали это право, и он получил возможность, теперь уже официально, переписываться с племянницей Лизой. Но никаких подробностей о детях Герасима Владимировича открытым текстом Лиза сообщить ему не могла, потому что письма с подобной информацией не пропус-

кала лагерная цензура (их просто уничтожали), а условными словами, не вызывающими подозрения у цензуры, много не напишешь. И только в 1953 году, когда Герасим Деменев, отбыв «от звонка до звонка» свой срок незаслуженного наказания, освобожден из мест заключения и приехал в деревню Максимовку Асмолинской области, где отбывала ссылку и умерла его жена Марина, он получил полную свободу переписываться с кем угодно, в том числе и с племянницей Лизой, открытым текстом, без всяких условностей.

Но те подробности, которые Деменев узнал от Лизы о жизни своих детей, потрясли его еще больше, чем неведение об их судьбе. Его старший сын Вадим, которому в июне 1942 года едва исполнилось 17 лет, получив аттестат зрелости, добровольно ушел на фронт, где его определили в разведывательный батальон. При выполнении первого задания ему вместе с тремя его товарищами удалось взять в плен немецкого штабного старшего офицера, который сообщил нашему командованию очень ценные сведения о планах войск вермахта. За этот подвиг всю группу разведчиков, в том числе и Вадима Деменева, наградили медалями «За отвагу». Но уже во второй половине июля 1942 года неожиданно для всех, в том числе и самого Вадима, его почему-то без всяких объяснений перевели в пехоту. Вадим, выросший в семье военного, не привык задавать лишних вопросов и решил, что раз перевели, значит, так нужно. Поэтому он не придавал этому случаю особого значения. Да и не важно, думал он, где и кем воевать, главное — быть на войне и бить фашистов. И он так же, как и в разведбате, добросовестно выполнял все возложенные на него обязанности и храбро воевал с немцами в пехоте, с которой дошел до Берлина и, оставив свой автограф на Рейхстаге, вернулся на Родину. За три года войны Вадим Деменев неоднократно получал ранения различной степени тяжести, но каждый раз после выписки из госпиталя его снова определяли в пехоту и направляли на передовую. Все товарищи Вадима, с которыми он вместе воевал, неоднократно награждались различными правительственными наградами и возвращались в Союз с целыми иконостасами орденов и медалей

на груди. И только у него была одна-единственная медаль «За отвагу». Вадим знал, что непосредственные командиры неоднократно представляли его к награждению различными наградами. Но дальше штаба дивизии, а чаще всего полка, эти представления не проходили. Если это были персональные представления о его награждении, а таких за годы войны было немало, то их отправляли в корзину. А если его фамилия попадала в список представляемых к награждению, то ее просто вычеркивали. Немного обидно было Вадиму, что с ним так несправедливо поступают. Но он считал, что воюет не за награды, а за Родину. И раз его не награждают, значит, так нужно. Наверху виднее, кто что заслуживает.

В июле 1945 года срок действительной военной службы у Вадима Деменева закончился. Но в связи с предстоящим вступлением Советского Союза в войну с Японией советское правительство не торопилось сокращать численность своих вооруженных сил. Многие воинские соединения были переброшены на Дальний Восток, а остальные, в том числе и часть, в которой служил Вадим Деменев, находились в резерве. Поэтому, несмотря на то, что срок действительной военной службы у многих солдат и сержантов закончился, их демобилизацию задержали до окончания войны с Японией. Массовая демобилизация началась только в конце сентября и в октябре 1945 года.

Демобилизовавшись из армии, Вадим приехал в Москву. Но, несмотря на то, что ключ от квартиры лежал в условном месте, попасть в нее он не мог, потому что она оказалась опечатанной. И чтобы зайти в нее, нужно было обратиться в местное отделение НКВД за разрешением снять пломбу. Прежде чем туда пойти, Вадим обратился к соседям, чтобы узнать, где его семья и почему квартира опечатана. Но никто из них ничего сказать ему не мог. Все отправляли его в районный отдел НКВД. А когда он пришел туда, то на его голову свалилась такая новость, от которой он чуть дара речи не лишился. В НКВД Вадиму объяснили, что его отец Г.В. Деменев является врагом народа, который еще в начале 1943 года осужден военным трибуналом на десять лет лишения свободы и отбывает наказание в лагере, а также сказали, что и после осво-

бождения ближе ста километров к Москве путь ему закрыт навсегда. И что мать Вадима, как жена врага народа, отправлена в ссылку, и дорога в Москву ей тоже закрыта навсегда, а его брат и сестра, как несовершеннолетние, находятся в детских домах. Он же, Вадим, если хочет остаться жить в Москве, то должен подписать отказ от своего отца как от врага народа. В противном случае ему не только не разрешат поселиться в родительской квартире, но даже зайти в нее, а в течение 24 часов он должен будет покинуть Москву, и дорога в столицу ему тоже навсегда будет закрыта. Вадим попросил, прежде чем принять какое-то решение, встретиться с братом и сестрой, чтобы узнать их мнение. Но ему категорически запретили встречаться с ними до их совершеннолетия и даже не назвали адрес детского дома, где они находились. На размышление Вадиму дали всего два часа.

Вышел Вадим из отдела НКВД, ничего не соображая. Мысли в голове путались. Ему не хотелось верить во все то, что ему сказали. И он пошел по улице, сам не зная куда. А когда на его пути оказался ресторан, он зашел в него, заказал обед и 200 грамм водки. Но после выпитого стакана водки Вадим нисколько не захмелел, и мысли его не упорядочились, а по-прежнему лихорадочно бились в голове. И он понял, что выпитой водки ему недостаточно для того, чтобы привести свои мысли в порядок и принять какое-то решение, поэтому повторил заказ двухсотграммовой порции водки. И только когда он осушил второй стакан, то почувствовал, что немного захмелел. Мысли его стали приходить в порядок, и он стал здраво рассуждать. В то, что его отец враг народа, Вадиму верилось с трудом. Но, с другой стороны, он считал, что невиновных не судят. А раз осудили, значит, было за что. И если он не подпишет отказ от отца и ему придется навсегда уехать из Москвы, то он никогда и ничем не сможет помочь брату и сестре и сам вынужден будет жить где-нибудь у черта на куличках. А подписать отказ — значит предать своего отца. Но зато, оставшись в Москве, он сохранит родительскую квартиру, в которую после выпуска из детского дома смогут вернуться его брат и сестра. А со временем, может быть, и родителям разрешат вернуться домой. А если же он

уедет из Москвы и потеряет квартиру, то его семья уже никогда соединиться не сможет. Взвесив все «за» и «против», Вадим принял единственное, как тогда ему казалось, правильное решение и, вернувшись в отдел НКВД, подписал отказ от своего отца как от врага народа. После чего ему дали разрешение снять пломбу с дверей своей квартиры и вернуться домой.

Оказавшись дома, наедине с самим собой, Вадим еще некоторое время колебался в правильности принятого им решения. Но все чаще он ловил себя на мысли, что в сложившейся ситуации это единственно верный выход. К тому же, что сделано – то сделано, и обратно уже ничего не вернешь. Раз его отец компетентными органами признан врагом народа и осужден судом, значит, он и есть враг народа, и другого мнения быть не может. Поэтому он решил к этому вопросу больше не возвращаться.

Понял Вадим и истинную причину, из-за которой его в 1942 году перевели из разведки в пехоту, и почему за совершенные им ратные подвиги его не награждали правительственными наградами. Оказывается, во всем был виноват его отец, который стал врагом народа. Хорошо, что его, Вадима, тогда не уволили из армии и не отправили куда-нибудь на Колыму или Соловки, а дали возможность довоевать до конца войны и дослужить до окончания срока действительной военной службы. А также дали возможность после демобилизации из армии вернуться домой и остаться жить в Москве в родительской квартире, хоть и таким предательским путем.

Отдохнув несколько дней и приведя в порядок квартиру, а заодно и свои мысли, Вадим попытался поступить в институт. Но его туда, как сына врага народа, не приняли, и он, не имея никакой специальности, вынужден был пойти работать на стройку разнорабочим.

Через некоторое время Вадим встретился со своей двоюродной сестрой Лизой, которая подтвердила сообщение, полученное им в отделе НКВД о судьбе его семьи. От нее Вадим узнал, что его отец отбывает наказание в Казахстане в КарЛаге, а мама, которая не подписала отказ от своего мужа, на пять лет была отправлена в ссылку и находилась тоже в Казахстане, только в Акмолинской области. Но в апреле 1945 года она умерла и похоронена на клад-

бище в деревне Максимовке Акмолинского района, в которой отбывала ссылку. А брата Олега и сестру Лену в январе 1943 года, сразу же после того, как Марину Николаевну отправили в ссылку, забрали в детский дом. Но где они находятся, она не знает, и искать их Лиза Вадиму не советовала, потому что, если в НКВД узнают, что он разыскивает своих брата и сестру, то их могут отправить тоже куда-нибудь в Сибирь. А так, возможно, они находятся где-нибудь не очень далеко от Москвы и смогут там дожить до совершеннолетия. Вадим прислушался к совету Лизы и не стал больше предпринимать попыток к их розыску.

Через полгода после демобилизации из армии Вадим женился и привел в родительскую квартиру молодую жену, которая за десять лет супружеской жизни с Вадимом родила двух мальчиков и одну девочку.

В конце 1945 года после выпуска из детского дома, который находился в Кировской области, вернулась домой дочь Герасима Владимировича – Лена. Но прописали ее в родительской квартире только после того, как она подписала отказ от отца как от врага народа. В детском доме Лена окончила среднюю школу с отличием, но медаль ей не дали, а после выпуска из детдома и в институт по той же причине, что и Вадима, не приняли, и она пошла работать на швейную фабрику. А еще через год она вышла замуж и поселилась в квартире родителей своего мужа. За девять лет брака Лена родила троих детей – двух девочек и одного мальчика.

В 1948 году вернулся домой и младший сын Герасима Демеева – Олег, который находился в детском доме в Ярославской области. Прописали Олега в родительской квартире тоже только после того, как он в отношении своего отца поступил так же, как и его старшие брат и сестра. В институт Олега по той же причине, что Вадима и Лену, тоже не приняли, и он пошел работать на стройку. В 1949 году Олега призвали в ряды Советской армии. Но и по окончании трехгодичного срока действительной военной службы в институт его не приняли, и после демобилизации из армии он вынужден был снова идти работать на стройку.

Лиза, племянница Герасима Владимировича Деменева, по-прежнему жила в Москве и изредка общалась с его детьми, которые всерьез верили в то, что их отец – враг народа, и ничего не хотели о нем знать. По этой причине Герасим Деменев, освободившись из мест заключения, не поехал в Москву навестить своих детей. Да и дорога в столицу ему, как врагу народа, и после освобождения была закрыта. Поэтому он остался жить в Казахстане в деревне Максимовке Акмолинской области, где была похоронена его жена – верная спутница жизни, которая не предала своего мужа в обмен на собственную свободу и жизнь и не подписала отказ от него как от «врага народа». И жить он здесь будет до конца своих дней, чтобы, пока жив, ухаживать за ее могилой, а после смерти навеки остаться вместе со своей любимой женой Мариной.

Я, автор этой книги, до того как уехать осваивать казахстанскую целину, год работал на лесоповале в Карело-Финской ССР. В поселке, где я жил, местными жителями считались ссыльные власовцы, которые говорили, что они служили во 2-й ударной армии под командованием генерал-лейтенанта А.А. Власова, который в 1942 году всю эту армию сдал в плен немцам. После чего всех солдат и офицеров этой армии отправили в немецкие концентрационные лагеря, где они находились до тех пор, пока их не освободили советские и союзнические войска. А когда они вернулись в Советский Союз, то всех их обвинили в измене Родине, осудили на различные сроки и отправили в советские лагеря. Но и после окончания срока заключения им не разрешили вернуться домой, а всех без исключения на пять лет отправили в ссылку. Так все бойцы и командиры 2-й ударной армии, по их мнению, безвинно осужденные, оказались в ссылке в Карелии и в других не столь отдаленных местах.

Рассказ Деменева о власовцах и рассказы карельских власовцев значительно противоречили друг другу, поэтому я рассказал об этом Деменеву. И он еще раз объяснил, что те люди, которые служили во 2-й ударной армии под командованием генерала Власова до сдачи его в плен, никакого отношения не имеют к тем власовцам, которые добровольно пошли служить во власовскую армию уже после сдачи Власова в плен немцам. Это были совершенно

разные люди. Ни один человек из личного состава 2-й ударной армии, кроме самого Власова, его охраны, переводчика и повара, в плен не сдался. Вся 2-я ударная армия, хоть и с очень большими потерями, вышла из окружения, и все ее бойцы и командиры продолжали воевать с немцами до конца войны. Никого из них, кроме старших офицеров, занимавших высшие командные должности, и генералов, не осудили и в советские лагеря и ссылки не отправили. А вот те власовцы, которые оказались в советских лагерях и ссылках, лукавят, прикидываясь «невинными овечками». После сдачи в плен немцам Власов из числа советских военнопленных, содержавшихся в немецких концлагерях, а также уголовных элементов и лиц, люто ненавидевших советскую власть, оказавшихся на оккупированных немцами территориях, сформировал Русскую освободительную армию (РОА), которая воевала на стороне немцев против Советского Союза до тех пор, пока не была взята в плен вместе с ее командующим генералом Власовым советскими и союзническими войсками. Вот эти власовцы за измену Родине и были заслуженно осуждены на различные сроки, в зависимости от степени реальной вины каждого из них, а после отбытия срока наказания отправлены в ссылку. А сам Власов и еще одиннадцать советских генералов, перешедших на сторону оккупантов и активно сотрудничавших с ними, в июле 1946 года Военной коллегией Верховного суда СССР, как военные преступники и предатели, были лишены воинских званий и наград, приговорены к высшей мере наказания и в августе 1946 года казнены через повешение.

Кто-то из наших ребят, целинников, спросил Деменева – почему из трех командармов, с которыми ему довелось вместе служить, воевать и дружить, он хранит портрет только Буденного? На что Герасим Владимирович ответил: «Генерал П.Н. Краснов был талантливым полководцем и прекрасно воевал в Русско-японскую в 1904–1905 годах и в Первую мировую войнах. Но после революции в России, несмотря на то, что дал подписку не брать в руки оружие против советской власти, не сдержал свое генеральское слово. Возглавил борьбу казаков против молодой Советской республики, в результате чего пролил море крови не

только красноармейцев и казаков, но и простых людей, поддерживавших советскую власть. А после Гражданской войны, в которой возглавляемые им казачьи войска были разбиты Красной армией, он с остатками недобитых казаков эмигрировал за границу и жил в Германии. Во время Великой Отечественной войны стал начальником Главного управления казачьих войск при Министерстве восточных территорий и вместе с другими генералами белой армии снова возглавил эмигрантское казачество, которое помогало гитлеровцам вести борьбу с партизанами и уничтожать мирное население на оккупированных немцами территориях Советского Союза и других европейских стран, а также воевало против Красной армии. В 1945 году генерал П.Н. Краснов был арестован сотрудниками НКВД и за все его злодеяния, совершенные в период Гражданской и Великой Отечественной войн, в 1947 году Военной коллегией Верховного суда СССР вместе с четырьмя белогвардейскими генералами А.Г. Шкуро, Султан Килыч-Гиреем, С.Н. Красновым, Т.И. Романовым и эсэсовцем бригадным генералом германской армии Хельмутом фон Панвितцем (который в период Великой Отечественной войны командовал кавалерийским казачьим корпусом, а в марте 1945 года на казачьем круге в Югославии был избран атаманом всех русско-эмигрантских казачьих войск) был приговорен к смертной казни через повешение.

Генерал А.А. Власов тоже был неплохим полководцем, но, не выдержав сурового испытания в окружении, добровольно сдался в плен немцам, где сформированная и возглавляемая им Русская освободительная армия занималась тем же, что и казачьи части генерала П.Н. Краснова. За что и жизнь свою Власов закончил так же, как и Краснов, — на виселице.

И только С.М. Буденный остался преданным делу революции и народной власти, интересы которых он и в Гражданскую, и в Великую Отечественную войны защищал с оружием в руках и ни разу не изменил им. Он всегда был беспощаден к врагам всех мастей, был прекрасным командиром на всех должностях, которые он занимал, и хорошим товарищем. За свои ратные подвиги он

удостоен высшего воинского звания маршала Советского Союза и награжден множеством правительственных наград.

Это первая и основная причина, по которой я храню портрет С.М. Буденного.

А вторая причина заключается в том, что если бы я и захотел хранить у себя портрет Краснова или Власова, на что у меня не было ни малейшего желания, то в тюрьме или в лагере их у меня бы изъяли, а мне добавили бы срок или расстреляли. А конного маршала Буденного в Советском Союзе уважали все, в том числе и работники НКВД. Поэтому даже тюремное и лагерное начальство не препятствовало мне хранить портрет Семена Михайловича Буденного».

На этом и закончил свой печальный рассказ «слуга трех господ» (П.Н. Краснова, С.М. Буденного, А.А. Власова), дважды полковник (царской и Красной армий), проливший не один литр своей крови на полях сражений четырех войн (Русско-японской 1904–1905 годов, Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной), кавалер многих орденов и медалей (Российской империи и Советского Союза), узник КарЛага, сторож, отец троих детей, дед шестерых внуков и... одинокий человек Герасим Владимирович Деменев.

Послесловие

17 сентября 1955 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Я, автор этой книги, в то время уже служил в рядах Советской армии и от офицеров своей части узнал, что этот указ распространяется и на осужденных «власовцев», таких как Деменев, поэтому написал ему письмо, чтобы он мог порадоваться за своих сослуживцев по 2-й ударной армии, которые так же, как и Деменев, были безвинно осуждены, только на более длительные сроки, чем он, и все еще находились в застенках ГУЛАГа, а амнистия дала им возможность обрести свободу. Но ответ получил, к сожалению, не от самого деда Геры, а от его соседей, которые сообщили, что Герасим Владимирович Деменев, не дожив трех дней до амнистии, 14 сентября 1955 года умер и похоронен на кладбище у деревни Максимовки Акмолинского района Акмолинской области Казахской ССР, рядом со своей женой Мариной Николаевной Деменевой.

Список использованных сокращений

- абвер – немецкая служба военной разведки и контрразведки
Антанта – союз Англии и Франции о совместной борьбе против
Германии
БФ – Брянский фронт
ВДВ – воздушно-десантные войска
вермахт – вооруженные силы Германии
ВОВ – Великая Отечественная война (1941–1945 гг.)
ВОГ – Волховская оперативная группа
военком – военный комиссар
ВС – Военный Совет
ВФ – Волховский фронт
ГА – Группа немецких армий
ГКО – Государственный Комитет Обороны (1941–1945 гг.)
ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей
ГШ – Генеральный штаб
дзот – долговременная зенитная огневая точка
дот – долговременная огневая точка
ДУН – Дружины украинских националистов (бандеровцев)
ЗН – Западное направление
и.о. – исполняющий обязанности
КарЛаг – Карагандинский исправительно-трудовой лагерь
КиУр – Киевский укрепрайон
КНОД – Казачье национально-освободительное движение
КНЦ – Казачий национальный центр
КОВО – Киевский Особый военный округ
ЛФ – Ленинградский фронт
люфтваффе – немецкая авиация
мд – моторизованная дивизия
мк – механизированный корпус
мсб – мотострелковый батальон
мсп – мотострелковый полк

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
н.п. – населенный пункт
ОРК – Отдельный Русский Корпус
ОУН – Организация украинских националистов (бандеровцев)
пд – пехотная дивизия
пк – пехотный корпус
политком – политический комиссар
Реввоенсовет – Революционный Военный Совет (РВС)
РОА – Русская освободительная армия (власовцы)
РС – гвардейский миномет «Катюша»
СГК – Ставка Главного Командования в период с 23 июня по 10 июля 1941 года
СВК – Ставка Верховного Командования в период с 10 июля по 08 августа 1941 года
СВГК – Ставка Верховного Главного Командования в период с 08 августа 1941 года до окончания ВОВ
сд – стрелковая дивизия
СЗФ – Северо-Западный фронт
ск – стрелковый корпус
СКВО – Северо-Кавказский военный округ
Смерш – советская военная контрразведка «Смерть шпионам!»
сп – стрелковый полк
СС – немецкие охранные отряды
ССР – Советская Социалистическая республика
СССР – Союз Советских Социалистических республик
США – Соединенные Штаты Америки
тб – танковый батальон
тд – танковая дивизия
тп – танковый полк
Триумвират – руководящий центр белого движения в России
УР – укрепленный район, или укрепрайон
ЮЗН – Юго-Западное направление
ЮЗФ – Юго-Западный фронт
ЮФ – Южный фронт

Оглавление

Предисловие.....	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОМАНДАРМ П.Н. КРАСНОВ.....	14
Глава 1. Дед Гера.....	15
Глава 2. Друзья-однополчане.....	18
Глава 3. Кавказский фронт.....	22
Глава 4. Юго-Западный фронт.....	29
Глава 5. Северный фронт.....	51
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КОМАНДАРМ С.М. БУДЕННЫЙ.....	71
Глава 1. Русско-турецкий фронт.....	72
Глава 2. Гражданская война.....	77
Глава 3. Русско-польский фронт.....	112
Глава 4. Южный фронт.....	120
Глава 5. Туркестанский фронт.....	122
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. КОМАНДАРМ А.А. ВЛАСОВ.....	142
Глава 1. Накануне.....	143
Глава 2. Юго-Западный фронт.....	159
Глава 3. Киевский котел.....	194
Глава 4. Волховский фронт.....	227
Глава 5. Любаньский мешок.....	239
Глава 6. ГУЛАГ.....	282
Послесловие.....	306
Список использованных сокращений.....	307

Документально-публицистическое издание

Жукович Василий Николаевич

СЛУГА ТРЕХ ГОСПОД

Воспоминания о войне

В издании сохранен авторский стиль

В оформлении тыльной стороны обложки и ее оборота
использованы репродукции иллюстраций из интернет-источников:

<http://s41.radikal.ru/i091/1107/dc/df6b30d563db.jpg>

http://stal-volna.ru/images/1/0/narodnyj-zhurnal_4.jpg

<http://4put.ru/pictures/max/705/2166736.jpg>

<http://kamoziin.com/storage/album/1/u/u/b140690c9711b24fb4e210e.jpg>

http://galeri8.uludagsozluk.com/468/gulag_688179.jpg

Допечатная подготовка текста, титульное редактирование,
макетирование – *Е.Е. Покровская*

Художественное оформление обложки – *Д.Г. Григорьев*

Подписано в печать 09.09.2015. Формат 60х90 ¹/₁₆
Бумага ВХИ. Набор компьютерный. Печать цифровая

Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 19,4. Уч.-изд. л. 15,0.

Тираж 500 экз. Заказ № 10166

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ООО «АСТЕР ДИДЖИТАЛ»

614000, г. Пермь, ул. Пушкина, 50

Тел./факс: (342) 206-06-86, 206-06-87

А. Шелоумов. ДОНСКИЕ КАЗАКИ АТАКУЮТ НЕМЕЦКИЙ АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ РАСЧЕТ
ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

М. Греков. КОНАРМЕЙСКАЯ ТАЧАНКА

Н. Присекин. Диорама КУРСКАЯ БИТВА

П. Кривоносов. СОВЕТСКАЯ КОННИЦА
В БОЯХ ПОД МОСКВОЙ

ГУЛАГ